

Шулкин, М. Д.

ПЕРЕСМѢШНИКЪ;

ИЛИ

СЛАВЕНСКІЯ
СКАЗКИ.

ЧАСТЬ V.

ОР 284110
K 712712

МОСКВА.

Въ Типографіи Пономарева,

1789.

PG 3311

C5P4

1789

2.5

ПЕРЕСМѢШНИКЪ;
или
СЛАВЕНСКІЯ СКАЗКИ.

ГЛАВА I.

ВЕЧЕРЬ 81.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Багряная заря на Воспокѣ оповѣ-
рила свой храмъ усланной и не-
пещреннѣй розами; и стѣши въ
алую колесницу возвышалась на
Хошынское небо; тускляя облака, не-
двляющія всегдашнее несчастіе, какъ буд-
но бы сныдася се вида и претворивъ

Часть V.

Λ

шись въ прахъ , падали въ непроходи-
 мыя лѣса и горы. Опленающіе до сего
 времени Зефиры возвращалися въ поля
 на нивы и въ долины ; рѣчныя Нимфы,
 копорыя оставили совсѣмъ чисныя
 сшруи рѣки Рвани , въ то время при-
 ходили омывашь лица свои на берегахъ
 Хошынскихъ. Съ высокихъ горъ пасшу-
 хи и паспушки сходили въ долины и
 усыпали дороги цвѣтами, начали пѣшь
 и играть пѣсни , и казалось, что буд-
 то всирѣчали они нѣкакой праздникъ:
 словомъ вездѣ разливалось непонянное
 веселіе, и всякой Хошынецъ предчувство-
 валъ радость. Въ великолѣпныхъ снѣ-
 нахъ города обновлялся воздухъ и вся-
 кая стихія принимала другой образъ.
 Море не колебалось , и слѣдовала одна
 шолько шонкая сшруя за дельфиномъ,
 на копоромъ путешествовалъ по водамъ
 Кидалъ. Перейды и Тришоны, проводивъ
 на небо солнце , всирѣчались съ Кидз-
 ломъ, и изъявляли ему радость свою и
 восхищеніе. Нѣкопорыя морскія чудови-
 ща не видавъ еще никогда бдущаго по
 водамъ человека , дивились такому по-
 зорищу, и окружая его со всѣхъ сторонъ,
 провожали съ радостію , и старались

угиѣпати камни и пучины, могущіе вредити, или по крайней мѣрѣ усстрашити путешественника. Усердіе ихъ прости-
ралось весьма далеко: онѣ подбѣгали
часно къ дельфину, и спаралися по-
давать помощь ему въ плаваніи. Ки-
далъ смотря на ихъ усердіе весьма
много веселился, и почти не чувствив-
тельно достигъ до той горы, на кошо-
рой находилась Тризла. Жалкое сіе позо-
рище привело его въ великое сожалѣніе:
птицы въ то время шерзали ея груди,
ошъ чего грудь ея вся была покрыта
кровью, и пламя орошено было сю же
довольно. Дельфинъ уснаремаь весьма
сильно, преодолевалъ тердишыя пучины,
и почти весь выдался изъ воды на ка-
мень, и шушъ спуснивъ съ себя Ки-
дала возвратился въ бездну морскую.
Омарской владѣлецъ приближился къ
Алимовой машери, и почти со слезами
смотрѣлъ на ея мученіе; однако не дер-
знулъ вооружиться прошивъ хищныхъ
птицъ: ибо зналъ онъ, что сіе ему не
возможно. По ошленіи свирѣпыхъ во-
роновъ, и по ушоленіи совѣмъ ея болѣз-
ни, говорилъ ей Кидалъ: Государыня
мая, сколько ты несчастлива на этомъ

свѣпѣ , я миѣ кажется , что и адѣ не
 производилъ еще никогда шакова му-
 ченія , которое ны теперь пережива-
 ешь . Когда несносно миѣ сношрѣшь на
 оное , то какѣ уже возможешь ны сно-
 сить подикое страданіе . Незнакомой ,
 говорила ему супруга Оланова , не ум-
 ножай моей горести напомнаніемѣ о
 моемѣ несчастіи , которому подобнаго
 не было еще изъ свѣпѣ ; но скажи миѣ ,
 какимѣ случаемѣ пришеѣшь ны на сію
 гору , и какое имѣлъ къ шому намѣре-
 ніе ? Государыня моя , ошвѣталъ ей Ки-
 далъ , несчастіе вашего дома , народа
 и города были причиною шому , что
 сжалившіеся надѣ вами боги избрали
 меня избавищелемѣ вашего племени ;
 многими ошѣ оныхъ прорицаніями по-
 сланъ я на сіе мѣсто , исполнишь со-
 всѣмѣ неизнаемое мною дѣло , о которомѣ
 приказано миѣ просить ошѣ себя увѣ-
 домленія ; въ ономѣ соспоишь и швое
 избавленіе , то я не сомнѣваюсь , чтошѣ
 ны миѣ шого не ошкрыла . Тризла
 услышавъ сіе весьма много обрадовалась ,
 и увѣдомила его шѣми же словами , ко-
 торыя она употребляла съ Аскалономѣ
 Сшупай , продолжала она пошомѣ , къ

9
избавленію несчастнаго народа; ступай и возвратись со славою ошнотъ; сіе предпріяшїе выше всѣхъ въ человѣческихъ дѣлѣхъ; слава швоя не умолкнетъ во вѣки, ежели исполнишь сіе до конца; народъ нашъ возвыситъ имя швое до небесъ, и почтетъ выше ошца несчастныхъ; будь швердъ и не снѣ а нись погибели ни мало, восходи выше смертныхъ, и уподобься всеснальнымъ богамъ.

Кидалъ обнадеживъ ее, что будетъ всѣми силами спарашься наполнить себя храброснїю поминушно, и просшившись съ нею бросилъ въ море рошъ, данной ему ошъ Кабалисна. Внезапно вокрушъ горы пучины почернѣли, сѣдые валы начали ударять вершинами въ камень, смѣсили влагу и песокъ, съ кипящихъ ихъ верховъ орошалъ великой дождь Клягтова сына, гущая пѣна расцилалася по водамъ, и шумъ ошъ оныя ошчасу умножался. Наконецъ вырвалася со дна весьма шпращная снруя, и казалось, что превешъ предѣлъ между воздухомъ и моремъ; потомъ выступила на поверхность водъ раковинная колесница, въ которую впряжены были два морскія ж

весьма свирѣпыя чудовища: оныя дышали дымомъ, черною водою и сѣдою яѣною; чешуя на нихъ была свѣшлая и казалась подобно мѣднымъ щипамъ. Яряся порывали онѣ колесницу, которая безъ всякой няжести поскакивала по волнамъ, подобна шой, въ которую весьма безразсудно сажился Фазетонъ, не слушая своего родишеля, и не умѣя править Эвирныхъ и огнедышущихъ коней. Омарской владѣшель не для пріобрѣшенія шщеслалія, во желая исполнить волю боговъ, пріявъ онѣ судьбины возжи, кои вложены были въ пѣнююся челюсти сердитыхъ живошнихъ, вскочилъ поспѣшно на колесницу, и не желая безразсудно подниматься выше облаковъ, пустился между волнами. Чудовища почувсвовавъ въ колесницѣ правшеля, луце освирѣпѣли; глаза ихъ сверкали тогда на подобіе раскаленныхъ углей, и изъ сшрашныхъ челюстей мешали влагу и пламень; ударили онѣ извишыми хвосшами по водамъ и бросились весьма поспѣшно раздирашь волны, которыя сколько были ли свирѣпы, однако успупали сшремленію колесницы. Въ скоромъ времени приблжился Кидалъ ко очаро-

вапному острову, и какъ только спалъ подѣзжалъ къ оному, то сильныя вихри устремлялися на Западъ, на Восходъ, на Сѣверъ и на Югъ, рвали волны въ часши и мушляли воздухъ, дождю на встрѣчу дождю, волна на встрѣчу волнѣ со всѣхъ сторонъ лешѣли; ужасной шумъ ломушилъ весь поншъ и ничего не видно было, кромѣ слѣянныхъ съ моремъ небесъ. Въ такихъ опасныхъ случаяхъ сердце человѣческое не бываетъ безъ препенша. Кидалъ находяся по срединѣ сѣй великой напаси, возводилъ глаза на небо и просилъ милосердаго Перуна, чшобы онъ ниспослалъ ему помощь въ такомъ свирѣпомъ волненіи двухъ сипихій. Безъ сомнѣнтя онецъ боговъ не отвращалъ тогда очей своихъ отъ сего героя, и нарочно воздвигъ сѣю бурю, чшобы изосторожная шища въ семъ спрашномъ ревѣ волнѣ и вѣшровѣ не почувсшвовала приближенія Кидалова къ берегу, копорой скочивъ съ колесницы на островъ весьма осшорожно, удерживалъ дыханіе и продирался между кусиовъ и каменель съ великою шишшною; наконецъ увидѣлъ онъ то страшное чудовище, онъ кошораго затрепеталъ больше, нежели онъ

волниія морскава. Птица сія спала по-гда на високомъ пригоркѣ; малая ея голова лежала на камнѣ, и находилась всегда въ движеніи: сложеніе ея подобно было птицѣ, но ноги были козевьи, и вмѣсто копытъ имѣла лѣвиные когти, вмѣсто хвоста виденъ былъ рыбы плюсъ; а шло прикрыта волосами, выключая крыльевъ, копорыя однѣ только соспоали изъ перьевъ чернаго и кроваваго цвѣта; роспомъ же была она шире больше челоука. Дыханіе ея слышно было издалека, и не смотря на узкое прохождение горла, испускала она весьма сирашной ревъ, шакъ что казалось, будто бы отъ того колебался пригорокъ. Кидалъ смотря на нее споялъ долго неподвиженъ, и думалъ, что сей ему шрудности преодолѣть никоимъ образомъ не возможно. Пригорокъ былъ весьма крупъ, и почти весь обвѣнъ имъломъ сирашнаго сего чудовища, шакъ что никоимъ образомъ подшунить было къ ней не возможно. Ожидая, что бы она проснулась, предспояла ему погибель, приблизиться къ ней сдѣлаешя что же. И шакъ Омаріинецъ наполался мужествомъ, и предпріялъ не сирашнше.

ея смерти ; удерживая дыханіе пошелъ
 къ шой сторожѣ, на кошорую лежала ея
 голова : чувствовалъ онъ тогда , что
 море сильнѣе колебалось, и великія вол-
 ны ударяя въ берегѣ, производили весьма
 сильной шумъ , шакъ что движенія его
 совсѣмъ было не слышно. Кидаль ут-
 вердился на нѣкошоромъ бугоркѣ, кошо-
 рой выдался нѣсколько изъ большова
 пригорка, доспигѣ до камня, и ухватилъ
 руками весьма крѣпко за ея голову.
 Въ самое ешо мгновеніе ока вздрогнула
 спящая ивица сцюль сильно, что осп-
 ровъ весь поколебался, и шотѣ пригорокѣ,
 на кошоромъ она лежала , казалось ,
 что двигнулся съ мѣста; Кидаль, испол-
 ненный препеня и шраха , едва не
 опушилъ изъ рукѣ головы ея вмѣстѣ со
 своею жизнью. Буря утихла , въпры
 усмирѣли , море не болновалось , и сер-
 динья пучины переспали пожирашъ въ
 себя воздухъ и воду ; солнце разогнало
 шрашную шуту , и шоръ швеннымъ
 лицомъ смотрѣло на позорице, учинен-
 ное молодымъ и опважнымъ героемъ ,
 кошорой тогда превосходилъ побѣдою
 своею завоевашеля всюю вселенною.

ГЛАВА II.

ВЕЧЕРЪ 82.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Объявное руками Кидаловыми чудо вопило ужаснымъ голосомъ, и когда опустилъ его Омарской влѣтѣль, шо двигнувшись съ пригорка, пошла сія пища по берегу осшрова весьма шихими шшопами, и казалось какъ будто шешалась изъ шшороны въ шшорону; капящіяся изъ глазъ ея весьма обильно слезы падали на шраву, кошорая въ одну минушу опъ оныхъ блекла и советѣмъ изчезла. Много разъ порывалася она къ одному мѣшшу; но видя, что Кидалъ всюду за нею слѣдуешъ, опходила опъ онаго, и орощала слезами все свое обшпаніе, и шполь жалобно шшонала, что Клагговъ шльнъ пришелъ объ ней въ сожалѣніе. Чудовище чувшвуя свою погубель, и зная можешъ бышь, что конецъ жизни его приближается, слѣдовало къ своему яйцу, и начало пробивашъ его носомъ. Кидалъ сожалѣя весь-

ма много обѣ немѣ, не хощѣлъ препят-
 ствовати ему въ семѣ шрудѣ, а взявъ
 нѣскольکو сѣ зѣца на перспѣ свой смир-
 ны, пошелѣ и помазалѣ кореня двухѣ
 деревѣ, стоящихѣ другѣ подѣ друга.
 Какѣ шолько онѣ сѣ учинилѣ, шѣ вѣ-
 няе, нежели громовое пораженіе, удари-
 ло въ кореня помазанныхѣ деревѣ, и
 оныя сѣ превеликимѣ шрескомѣ осшави-
 ли свои мѣша и пожали другихѣ, подѣ
 лѣ ихѣ стоящихѣ. Въ сѣ ошвершѣе
 всшупилѣ Кидалѣ, и едва перенесѣ шоль-
 ко за оныя ногу, шо увидѣлъ сѣ вели-
 кимѣ шпремленіемѣ бѣгущаго къ сѣбѣ
 великаго и спрашнаго змѣя. Срѣшающѣ я
 его погнбель вселила въ него великое
 шворсшво и бодрость: онѣ весьма по-
 сшвшно озрѣлся на всѣ штороны, и какѣ
 увидѣлъ шлемѣ и булаву, шо бросилѣя
 къ онымѣ, и ухвашивѣ ихѣ изгошвилѣя
 шѣ ераженію. И какѣ приближилѣя къ
 нему змѣй, шо изѣ челюстей его шпре-
 мящееся пламя и дымѣ обѣяли Кидалѣ
 и лишили совсѣмѣ зрѣнїя, и онѣ со-
 всѣмѣ не видалѣ, какимѣ образомѣ по-
 ражаѣи ему непрїяшеля. Наконецѣ, какѣ
 получилѣ нѣкошорую способность, шо
 однимѣ замахомѣ лишилѣ змѣя шрехѣ

головѣ, отъ чего умалилась ярость еѣ и пожигающее Кидала пламя. Ошваж-носши его въ семѣ случаѣ страхъ не препяшествовалъ, и онъ чѣмъ больше вешупалъ въ сраженіе, тѣмъ больше показывалъ свое мужество. Когда осталась одна голова на семѣ чудовищѣ, то ни самой сильной градъ, ни безперерывно льющейся дождь не имѣли въ себѣ столько влажности, какую пропасть водъ изрыгалъ тогда змѣй на Кидала. Сіе несчастіе безпощадно его больше, нежели прежнее; однако въ послѣдній разъ столь сильно ударилъ его въ голову, что оная потеряла совсѣмъ свое подобіе, и свирѣпой змѣй поваллся на землю, началъ весьма сильно объ оную ударяться, такъ, что ипрядлись отъ него окрестныя мѣста; и поднималась пыль столбомъ ко облакамъ. Кидалъ ударивъ его поперегъ булавою, лишилъ совсѣмъ движенія и дыханія. Потомъ распоролъ ему чрево, и какъ только выпустилъ на землю ядовитую его желчь, то въ одну минуту заторбалостъ все вещи, и сама земля обнялася пламенемъ. Пожаръ восходилъ до небесъ, и дошосши огня опсашъ иконмъ обра-

зѡмѣ не можно; видимоу Кидаломѣ горизонтѣ весь побагровѣлъ ошѣ пламени, и казалось, что воздушные огни совокупяся съ нимѣ намѣрены зажечь всю вселенную, по примѣру безразсуднаго Солнцева сына. Омарской владѣтель увидѣвъ, что вся земля объялася пламенемѣ, выбѣжалѣ весьма поспѣшно на берегѣ оспрова, и шамѣ нашедѣ шицу, которая оплакивала свою кончину, взялъ се за голову и держалѣ во все это время, пока огонь лепалѣ по оспрову.

Въ скоромѣ времени занялись и шѣ деревья, кошорыя окружали оспровѣ: онѣ горѣли весьма сильно, однако не старали, по ушолемѣи пламени сдѣлались голубыми; и пошеряли совсѣмѣ зеленой природной ихѣ цвѣтѣ. Когда ушихѣ вездѣ огонь; шогда возсшали умѣренныя вѣтры, кошорыя разнесли смрадѣ, дымѣ и пепелѣ, очистиши оспровѣ, и сдѣлали землю подобною снѣгу бѣлизною. Но ошлешѣи ихѣ наследовали ихѣ мѣсто тихіе и теплыя Зефиры: оныѣ на прелестныхѣ крылахѣ разносили благоуханіе по всѣмѣ мѣстамѣ, кошорыя принесли они изѣ хранилища сокровищѣи природы. Похвальпо преодолѣшѣ

равнаго себѣ силою непріятеля ; но сто-
 крашѣ славнѣ побѣдишь превосходяща-
 го могущесшвомѣ злодѣя : симѣ чело-
 вѣкѣ ищешѣ имени своему бузсмершїя,
 и гласящей во всѣхѣ концахѣ вселенныя
 славы , которая во вѣки умолкнушь не
 можешѣ, величаешся побѣдишелъ, и не-
 рѣдко самѣ себя считаешѣ выше всего
 смершнаго племени ; но что еще сего
 похвальнѣ, цохвальнѣ шо, какѣ чело-
 вѣкѣ преодолѣваешѣ самаго себя, поко-
 ряешѣ присшрасшїя свои разуму, кошо-
 рыя спрашишѣ намѣ всякаго непріятеля.
 Кидалѣ не шолько вѣ сіе время , но и
 всегда сдѣдовалѣ сей похвальной добро-
 дѣтели. Онѣ не желалѣ величатъся по-
 бѣдою надѣ двумя невоображаемыми и
 спрашными чудовищами , но сердечно
 сожалѣлѣ о ихѣ погибели. Осшавивѣ сію
 ищицу, глалѣ онѣ на нее почши сле-
 зящими глазами , и боялся , чшобы вѣ
 опчаяши не убилъ она себя о камень.
 За сію его добродѣтель сами боги вспо-
 мощесшвовали ему вѣ семѣ спрашномѣ
 намѣревшїи: око ихѣ надѣ нимѣ надзирало,
 и рука покрывала онѣ напасшей : ибо
 никакое доброе дѣло безѣ награжденїя
 онѣ вихѣ не осшάζεται ; и хощя видимо

или не видимо, однако платяшѣ всегда за наши добродѣтели:

Когда сей храброй воинѣ вступилѣ въ середину острова, то сшкрылся передѣ нимѣ шесашрѣ, превосходящей всѣ шѣ мѣсна, кошорыя дѣланы на украшеніе природы человѣческими руками. Почему онѣ узналѣ, что суешно шрудншся человекѣ превзойши искусствомѣ своимѣ природу; хона оная не шакѣ поспѣшно шрудншся въ созиданіи удивительныхѣ вещей, но по окончаніи оныхѣ опредѣляешѣ имѣ вѣчностѣ и даешѣ бессмертія образѣ; а произведенное человѣческими руками ешѣ шлѣнѣ и пепелѣ, первое сѣдзешѣ древностѣ, а другое разносяшѣ въ шпы. По серединѣ круглой шой ограды сдѣлано было не весьма возвышенное мѣсто изѣ самой чистшой и бѣлой слоновой кости. Края сшупеней обведены были свѣшлымѣ мешалломѣ, кошорой блисташлѣ онѣ солнца. На ономѣ шояло зданіе подобное божескому храму, здѣланное все изѣ голубыхѣ камней, кошорые онѣ солнечныхѣ лучей блисшали, и какѣ будно переходили сѣ мѣсна на мѣсно. Крышка на ономѣ находилась во всегдашнемѣ движеніи, и вся опущена

Часть V.

Б

была на игру вътровъ; по чему догады-
 ваться надобно, что сдѣлана она была
 изъ легкой материи. Наружность сшита
 украшалась нѣкошорыми изображеніями
 живошныхъ, но только шакихъ, копо-
 рыхъ еще не видно было въ природѣ, о
 кошорыхъ и Хины не имѣли еще свѣде-
 нія, хотя оныя и спараюшя выдумыва-
 вать сверхъестественныя вещи. Са-
 фириная ворона совсѣмъ подобны бы-
 ли тѣмъ, кошорыя дѣлалъ Вулканъ въ
 Солнцевъ храмъ: къ онымъ ошъ земли
 посланы были по лесницѣ золотыя
 ковры, превосходящіе красошою шѣхъ,
 кошорыми одѣвали Индѣйцы шѣхъ сло-
 новъ, на коихъ долженствовали ѣздить
 и въ Обладатель; а Скифы одѣвали Цар-
 скихъ коней. На первой ступени ле-
 жали два великіе Леопарда: оныя какъ
 скоро увидѣли Кидала, то бросились
 къ нему весьма поспѣшно; валялись пе-
 редъ нимъ на землѣ, обнимали его сво-
 ими большими хвостами, ласкились
 около его ногъ, и мѣшали ему ишши, къ
 кошорымъ ошъ не только что не при-
 касался, но и не глядѣлъ на нихъ ласко-
 во; а какъ скоро всшупилъ на первую
 ступень лесницы, то оба они уткнув-

ши рыла подв ную , ужаснымъ образомъ заревѣли, шакъ чшо казалось, будущобы и земля вмѣстѣ съ ними застонала. Въ скоромъ времени появилось у дверей невоображаемое чудо. Выдуманная Восточными народами химера не только чшо сему не подобна , но ниже одной ноги сосланишь сего не могла: подобія оно никакого не имѣло , и казалось ни круглымъ , ни квадратнымъ , ни продолговатымъ ; на шѣлѣ его изображена была смѣшная песшропа ; перья, волосы, щетина, чешуя и иглы составляли прикрышїе сего безобразїя , и казалось все оное чудо сосланиено изъ головъ , или всѣ оныя вдѣланы были въ его шѣло ; ошовсюду свѣшились глаза и малые и большїе , вездѣ видны были челюсти и зубы , куда ни посмотри , вездѣ уши, пшичьи носы и рыбныя перья. Омарїянецъ увидѣвъ его оспановился , удивленїе разсѣвало его разумъ , и онъ подумалъ , чшо ешь шакїя на свѣшѣ швари , чшо ежели взглянешъ на нихъ человекъ , то непременно долженъ будетъ лишиться жизни , и чшо въ природѣ намъ весьма многое не извѣстно. Какъ скоро ошверзло прелестныя двери

сте премерское чудо, шо всѣ находящіяся въ немъ головы испустили голоса. Сте весьма дикое согласіе, поразившее слухъ Кидаловъ, привело къ великому страху, и онъ за шѣмъ опасался всшупаншь въ шо зданіе, и думалъ, что конечно проснешся онъ шого спящая незнакомаа ему дѣвица; и шакъ находясь въ великомъ страхѣ ожидалъ онъ успокоенія сихъ живошнихъ.

ГЛАВА III.

ВЕЧЕРЬ 83.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Наконецъ, когда умолкъ сей естественной и несогласной органъ, всшупилъ Кидалъ въ сафирныя двери, и вошелъ, какъ казалось ему, въ Солнцевъ храмъ, или въ шо зданіе, въ кошоромъ обильная природа сохраняешъ всѣ свои сокровища; шѣны и пополокъ въ семъ залѣ представлялися сдѣланными изъ разноцвѣтной рпуши, кошорая перели-

влася всякую минушу. Преломленіе солнечныхъ лучей, копорые проходили въ сѣ зданіе, блещаніе каменейъ разныхъ металловъ, разноцвѣтныя и удивительная драгоцѣпныя снѣгуш и драгоценныя мазанчныя каршины, удивительныя часы и невоображаемыя снѣловыя украшенія раздѣляли разумъ молодова героя, и онъ не зналъ, какъ именовать сѣ мѣшо, и думалъ, что восхищенъ во обитаніе боговъ. Подлѣ той снѣны, копорая былакъ Воспоку, сподла кровань, сдѣлална искусною рукою изъ бѣлой слоновой кости; вмѣсто сподбовъ у оной сдѣланы были нагѣ женскія снѣшуи, копорыя держали по добранныя занавѣсы; вверху въ среднѣ снѣ забраловъ видѣнъ былъ Морсей, находящійся въ самомъ крѣпкомъ и прѣшномъ снѣ, осыпанной макомъ, разломленными маковницами и снѣ жецѣшновъ вѣшками. Онъ соснавленъ былъ изъ живой мшеріи, и всякое мгновеніе ока шевелились, чѣмъ предспавляли сонныя привидѣнія. На самомъ верху сего удивительнаго ложа сподлъ навлилъ сѣ распущеннымъ хвостомъ, копорой сдѣланъ былъ изъ камельтъ,

однако находился въ движеніи, ошѣче-
во блисшалъ на подобіе яркихъ звѣздъ;
изъ шака... то подножіевъ видны были львы
и коски; тонкая просты-
ня покрывала ихъ, и видны были
однѣ только головы; сверхъ росшы-
ни находилось покрывало, плещенъ
изъ самаго тонкаго шелку, и казалось
больше воздухомъ, нежели другою вещью.

Всѣ видимыя Кидаломъ прелести
не только имѣли высокую цѣну; но
когда увидѣлъ онъ лежащую на сей
кровати дѣвицу, тогда вышелъ совсѣмъ
изъ своего понятія, и не соглашался
вѣрить, что видитъ онъ сіе на яву; а
думалъ, что представляется ему все сіе
видѣніе во снѣ. Но разсудивъ опять, что
сонъ представляеть намъ то, что мо-
жемъ мы вообразить и видѣть въ при-
родѣ, а сверхъестественнаго предста-
вить онъ не можетъ, пришелъ въ лу-
щее помѣшательство. Наконецъ пере-
могая свое удивленіе, началъ онъ осмат-
ривать сію небесную богиню; шло ея
превосходило всякую красоту смертную
какъ близною, такъ и розовымъ ру-
мянцомъ, кошорой игралъ въ щекахъ и

на губахъ ея безпрестанно, и столь она была нѣжна, что никакъ онаго вообразить не можно. Плащъ на ней былъ изъ самаго тонкаго и бѣлаго флеру, смѣшеннаго съ розовымъ цвѣтомъ, сквозь котораго всѣ члены безпрепяишвенно разсматривать было можно. Прелестныя груди подымались вмѣстѣ съ нѣжными ея вздохами, и изъявляли шѣмъ благосклонность сей богини къ мужескому поколѣнью. Приманчивые уста, находясь временемъ въ движеніи, изображали пріятныя поцѣлуи и всегдашнее желаніе облобызати милаго человѣка. Побѣдоносныя глаза хопя и закрыты были пріятнымъ и покойнымъ сномъ, но любовная ихъ сила проницала и сквозь соединенныя рѣсницы; заповоренныя ея уста не произносили тогда голоса; но ели бы сія небесная Сирена промолвила хотя одно слово Кидалу, то дѣйствительно бросилъ бы онъ свое предпріятіе, и пожелалъ бы лучше погибели, нежели славы, только бы насладиться прелестями сей прекрасной богини, которой всѣ пріятности должны были покориться, и признати ее своею богинею. Не прелестное то зданіе

украшало ее собою ; но сѣя безсмертная героиня способна была украсишь собою всю вселенную.

Въ какомъ положеніи находились другіе члены, о томъ вѣдаешь шонъ, кошорой опредѣлилъ себя къ сему предпріятію. Въ семъ случаѣ узналъ онъ свою слабость, и для того часто опирацалъ глаза свои, и искалъ другаго предмета, кошорой бы усыпилъ волнненіе его крови ; но глаза его прикованы были къ спящей красавицѣ, мысли къ ея прелестямъ, сердце къ благосклонности, а желаніе къ естественному услажденію. Правда, что онъ превозмогалъ себя по примѣру великаго героя ; но когда обращался къ ней для исполненія божескаго повелѣнія, то тогда ослабѣвалъ больше, нежели пораженная женщина жеспокою снрасію. Весьма долго боролся онъ съ природою и съ любовью, и не могъ исполнишь похвальнаго своего намѣренія. Наконецъ увидѣлъ, что онъ совсѣмъ къ тому не способенъ ; и шакъ опчаявшись жестоко, вышелъ вонъ изъ сего бѣдственнаго для него здакія, и пошелъ на берегъ острова. Тушъ сидя разеуждалъ онъ самъ съ со-

бою, сколько бѣдственна и вредоносна для насъ въ иныхъ случаяхъ красота женская, сколько пагубна необузданная любовная страсть наша къ онымъ: оною помрачается нашъ разумъ, погибаемъ не рѣдко честь, заимѣваемы великія и похвальныя побѣды, гибнемъ наше здравіе оныхъ всегдашняго сокрушенія; и сія сильная въ насъ страсть сѣждаетъ лѣны наши и вѣкъ. Какоежъ нашелъ онъ къ тому средство, думая весьма долго, когда обходишься съ прекрасною, порочною или не пренадѣлающею шебъ женщиною, остави глаза свои дома, а съ нею употребляй одни только уши. И такъ предпріялъ Кидалъ закрытьъ очи, и приступишь къ намѣренію своему безъ зрѣнія; но въ томъ онъ глазамъ своимъ не повѣрилъ, и пришедъ къ дверямъ, закрылъ ихъ полошномъ обвязавъ свою голову. Но примѣшамъ весьма тихо и приблизился онъ къ той постели, на кошорой лежалъ его препяшпвѣе и пагуба; весьма въ скоромъ времени ощуналъ ея руку, и безъ всякаго труда снялъ съ персна ея перстень, не касаясь къ шару, и не разбудивъ прелестной той богини. Воишь въ чемъ со-

сшояла тайна ! и естѣли бы Кидаль прислушалъ съ открытыми глазами къ своему намѣренію, тогда бы онъ погибъ; и можноль было ему снять персень, не касаясь къ шару, которой лежалъ на шомѣ перснѣ шакѣ, какъ и на другихъ, не разбудить дѣвицы, и не почувствовать къ ней любви; онъ чего находилось сердце его въ великомъ движеніи и шрепедали всѣ члены. Пошребна шумѣ была сія догадка: ибо чѣмъ шрудите дѣло, шѣмъ осипѣе бывшешъ нашъ разумъ. Омаріянецъ открывъ свои глаза, торжесшвовалъ надъ сею побѣдою, и любуясь на свое завоеваніе издѣлъ его на руку, и пожелавъ красавицѣ покойно наслаждашья сномъ, слѣдовалъ шуда, куда ему должно было: ибо ошсаніе всего своего предпріятія имѣлъ при себѣ. Персень надѣлъ онъ на лѣвую руку, и положилъ ее подъ поясъ, на которомъ висѣла его сабля, чшобъ з бывшисъ не прикоснушяся имъ къ чему нибудъ изъ сего зданія.

Какъ скоро растворилъ онъ двери въ другой покой, шо увидѣлъ весьма чудное изображение въ ономъ: шѣма че-

ловѣческихъ головъ , или болѣе имѣли
 ошкрытые рны и зевали другъ друга
 чаще; всякая голова зевая произносила
 голосъ къ тому приличной, и спаралась
 зевать больше другихъ. Кидалъ упоп-
 ребилъ в ѣ свои силы, какъ возможно
 пробѣжашъ оную скорѣе; и какъ шоль-
 ко вбѣжалъ в ѣ другой покой , то на-
 шелъ несравненно большую для себя
 шрудность : шумъ шипшша , спокой-
 ствѣе, шягосшъ, ослабленѣ членоеѣ, ве-
 ликое изумленѣе, сильная дремаша, шяж-
 кой и неодолимой сонъ обинали неис-
 ходно ; почувсшвовалъ онъ , что часы
 его слабѣюшъ, разумъ шеряешъ шрой-
 ное шеченѣ , мысли предаюшся зашме-
 нѣю и глаза закрываюшся ; однимъ сло-
 вомъ, долженъ онъ былъ пасшъ на зем-
 лю. Ободряся вдругъ , бросился черезъ
 покой , и хощя мѣшали ему по всюду
 спящѣ люди , однако досшигъ до сво-
 его желанѣя ; вышедъ изъ него хлопнулъ
 онъ дверью шполь сильно, что пошря-
 слось онъ того все зданѣе: ибо онъ зналъ,
 что в ѣ то время не было уже никакой
 для него опасности. В ѣ семъ послѣд-
 немъ покоѣ увидѣлъ онъ крованъ съ
 черными занавѣсами , съ бѣлою бахра-

мою, съ такими же шнурами и киспя-
ми. На верьху оной сидѣла большая
сова, и около ее сидѣли Алкіоны. По
срединѣ комнаты, на черномъ камен-
номъ подножїи, стояло крылатое вре-
мя; въ одной рукѣ держало оно косу,
а въ другой песочные часы. Въ ногахъ
его лежали младенцы, изтошовленные
ему въ пишу, копорыхъ оно обыкно-
венно пожираетъ. Въ переднемъ углу
стояла каменная пирамида; на ней по-
ставленъ былъ чудной псшуканъ, въ
ногахъ котораго лежалъ черепъ чело-
вѣческой головы, и двѣ изломленные
косши. По сторону его стояли песоч-
ные часы, а по другую переломившая-
ся свѣча, копорая казалась шеперь
шолько пошухлою, и еще дымъ проис-
ходилъ ошъ свѣшильны. Пошнже сего
спалъ Купидонъ, облокотяся на свою
руку; окладенъ былъ ошъ маковыми цвѣ-
шми, и казался обрызганъ весь онымъ
же сокомъ. На стѣнахъ сего зданїя изо-
бражены были годы, чешыре оныхъ
времена, мѣсяцы, дни и часы, копо-
рые всѣ были съ крыльями, и каза-
лось, что летѣли весьма поспѣшно.
Въ годовыхъ кровани стояла сшзшуя,

изображающая человѣческую участь. Она держала въ рукахъ своихъ закрытую книгу, и конфла ее раскрышь, чшобъ показашь человѣку, чшо сѣнимъ впрель приключишся можешь. Въ сіе время сама природа старалась успокоишь обремененнаго трудами молодва героя, кошорой надѣвъ шлемъ свой на сно снапую, легъ на посшелю во всемъ прочемъ вооруженіи, и въ одну минушу заснулъ.

ГЛАВА IV.

ВЕЧЕРЪ 34.

Начало сна Кидалова.

Богъ сна по приказанію Перунову сошелъ тогда на землю сѣ той горы, кошорая именуешя пресполомъ боговъ, и на кошорой обитаешь всегдашняя шшнна и спокойшвіе; преселившись на тошъ осипровъ приближился къ Кидалу, покрылъ его мѣчпаніями, и положивъ на голову его руку, предшавилъ ему сіе видѣніе, по повелѣнію ошца боговъ и всесильная судьбины:

Подлѣ морскова берега лежала высокая и крушад гора, о кошорую раз-

бивались морскія волны; а еще съ трехъ
 сторонъ окружала ее высокая и дрему-
 чая роща. При заходеи солнечноиъ,
 еидѣль Кидаль на вершинѣ оной, и
 смошрѣль въ пространное море, какъ
 пресѣшлый оживотворятель дышу-
 щихъ и цѣлующихъ душъ, и око всѣхъ
 властель съ предивной высшны опу-
 скался въ обѣщія морской богини. Море
 и небеса тогда красѣли, когда сло-
 жилъ оиъ съ себя блес ящей вънецѣ,
 и облобызалъ прекрасну богиню, ле-
 жавшую покойно на волнахъ. Тришоны,
 Перейды и Сирены лишившися велика-
 го знои, погружали себя въ волнахъ,
 и пѣли дѣла сего великаго сѣшила.
 Въ самое епо время, увидѣль Кидаль
 подлетающую къ себѣ большую птицу,
 кошорая прямо стремилась на шу гору.
 Клангоевъ сынъ усмошрѣвъ ея силу и ве-
 ликосшь, спустился нѣсколькo ниже
 шой горы, чшобъ не бышь повреждену
 оиъ сего чудовища. Спрашная сѣя пти-
 ца именовалася Рокомъ. Прилепѣвъ сѣ-
 ла на вершину горы, и почи всю ея
 покрыла собою; пошомъ говорила че-
 ловѣческимъ голосомъ Кидалу: Многихъ
 смершныхъ счасливѣе человекъ! судьба

велѣла мнѣ отдатьъ тебѣ залогъ несчастнаго города Хошыня, кошорой по всевидящему ея смощрѣнїю наказываиъ былъ до всего времени; войди ко мнѣ на спину и ушвердился на оной возведи глаза на небо, и ни мало не спрашись швоей учасши; ибо вы, смершныя, ни для себя, ни для друтова нималато счастья и несчастїя предвидѣшь не можеш. Всего болѣе опасайся усумнѣшься во власши шого, кошорой имѣиъ больше швоихъ силы, и кошорому опкрышы нѣкошорыя шашисшва природы, совсѣмъ шебѣ несвѣдомыя, ниже всему смершному племени. Ешо я говорю шебѣ о себѣ, и ештли шы не знаеш какъ меня именуиъ, шо я скажу шебѣ, што именуиъся Рокомъ, и имѣю шакуюжъ власшь надъ людьми, какую имѣиъ боги; не извѣсшясь еше далѣ, спупай, примолвилъ онъ! Кидалъ услышавъ его слова хошѣлъ безпреишшвенно повиновашься; возшедъ къ нему на спину, ушвердился между крылъ, и по повелѣнїю его возвелъ глаза на небо. И шакъ поднялся сей спрашшой Бегемонъ на воздухъ, и раздѣляя оной поднимался въ небеса. Въ скоромъ времени почув-

сипвовалъ Кидалъ, что охладѣлъ воз-
духъ, и сдѣлался сполько шонокъ, что
едва могъ онъ пишатъся ; наконецъ уня-
лось его дыханіе , и что было удиви-
шельно , шо онъ и безъ онаго могъ пре-
проводитъ свою жизнь. Пошомъ обра-
шилъ глаза свои на землю , копорая
начинала уже казатъся свѣплого , но
шолько шемняе , нежели Луна ; высо-
кія и крушыя горы, казались ему ша-
кою малою вещью , копорую и вблизи
едва размошрѣшь можно ; а наконецъ и
вся великая швердь , показалаея ему
шаромъ, не больше шѣхъ , копорые мы
видимъ на шверди небесной.

Рокъ возвышался весьма поспѣшно,
и чувспвовалъ Кидалъ, что онъ весьма
сильно боролся съ вихрями; пошомъ пе-
ремѣнился опяшь воздухъ , и сдѣлался
сполько же гущѣ , какъ и въ земной
ашмосферѣ. Изумленный Клаиговъ сынъ
обращивъ глаза свои къ новоявленной
шверди, чувспвовалъ , что оживляеиша
онъ нѣчемъ новымъ , и совсѣмъ ему не
понятнымъ. Кровь его пришла въ особ-
ливое движеніе и сердце шрепенало оиъ
радосиши. Онъ видѣлъ передъ собою весь-
ма обширную швердь , подобно какъ

зѣмную ; горы и лѣса , пустыни ; про-
 пасши и воды одѣвали лице ея, и слу-
 жили на мѣсто ризы , и чѣмъ ближе
 подвигался Рокъ къ оной , шѣмъ боль-
 шее благоуханіе поражало Кидалово обо-
 няніе. Наконецъ сѣлъ онъ на нѣкошо-
 рую весьма возвышенную гору , и при-
 казалъ сойти съ себя Кидалу; пошомъ
 сказалъ ему , что при перьвомъ солнеч-
 номъ восхожденіи увидишия съ нимъ , и
 поленѣлъ онъ шверди сей, неизвѣстно
 куда. Кидалъ ославнишия шумъ трепе-
 шалъ онъ радости, и не зналъ на какой
 предметъ усремити свои очи. Все ка-
 залось для него прелестно , и что онъ
 ни видѣлъ , все было удивительно, все
 ново и все еще имъ никогда невидимо.
 Все играло въ его глазахъ , и все спа-
 ралось приводиши его а. едъ другимъ въ
 большее удивленіе. Однимъ словомъ ,
 весь сей новой свѣтъ казался ему да-
 леко превосходящимъ и самая блажен-
 ная поля Елисейскія. Во верьвыхъ обра-
 щилъ онъ глаза свои въ нѣкошорую до-
 лину , кошорая простиралась онъ по-
 дола сей горы весьма далеко. Увеселяли
 взоръ его различные цвѣты , разсыян-
 ные по долинь , разнаго цвѣта и раз-

Часть V.

В

ной величины птицы; бѣгущіе беспре-
 спанно ключи, и прошекающіе излу-
 чами чиспые иссточники ошѣ оныхъ.
 Удивляли его разумѣ сшолщіе по всей
 долинь каменные сшолы, на коихъ
 видны были большія хруспальныи ба-
 ки, и шакже различныи книги. На дру-
 гой сшоронѣ прошекала рѣка окружен-
 ная лѣсомъ; листья же на деревьяхъ со-
 всѣмъ были ошмѣнишы ошѣ наишхъ, и
 казалась различнаго цвѣша; какъ де-
 ревя, шакъ и воды покрышы были всѣ
 птицами, кошорыи осязаясь крыльями,
 играя между собою и ныряя въ водахъ,
 изображали шѣмъ, что она шпердь во
 всѣмъ изобиловала. Въ шренней сшоро-
 нѣ увидѣлъ Кидалъ чисшое поле,
 и весьма обширное покрышое все раз-
 личнаго рода скшномъ; и что его всево-
 больше удивило, шакъ шо: свирѣпые
 звѣри, ядовитыи гадины, хищныи пти-
 цы соединены всѣ были вмѣстѣ и другъ
 друга ни мало не вредили; валясь по
 холмамъ, ушучнялись влажною шравою
 и оживошворялись солнечными лучами.
 Когда Кидалъ возвелъ взръ свой въ особ-
 ливую сшорону, увидѣлъ шамо городъ;
 но въ ономъ не видно было ни крѣпости,

ни окружающихъ его стѣнъ; также не видно было ни одного зданія, которое бы соснавляло два или три покоя, но вездѣ видѣлся одинъ; но только числомъ, изрядной оныхъ видѣ, и весьма простое украшеніе превосходили всякое великолѣпное зданіе.

Прельстившіися симъ зрѣніемъ, сошелъ съ горы Кидалъ и слѣдовалъ къ городу. Пришедши въ оной не видалъ онъ ни гдѣ и никакой стѣны, ниже чего ибудь укрѣпленнаго. Увидѣвъ народъ весьма много испужался: ибо между онаго и во всякомъ мѣстѣ х. или и лежали ехидны, аспиды, василиски, крокодилы, шйгры, львы и леопарды, также скотъ и дикія птицы, и никто другъ другу не вредилъ. Великое удивленіе поразило его разумъ, и онъ не зналъ какъ о томъ подумашь. Наконецъ когда увидѣлъ его народъ, то со всѣхъ сторонъ бѣжали къ нему со удивленіемъ; лица ихъ изображали, что они не могутъ вмѣспитъ во внутренности своей сей невиданной ими ошъ вѣка диковинки. Иной боялся къ нему подступитъ, и въ копорой щупалъ его плашье, саблю и все; другой смотрѣлъ ему въ очи:

однако всякой опасался и думалъ, что же свирѣпъ ли сей живоппой. Образъ онъ имѣлъ шаковойже, какъ и нѣв люди; но плашье и вооруженіе представляли имъ его шакимъ чудомъ, которой упалъ въ нимъ съ другой сферы, что была и дѣйствительная правда; но они онаго не понимали, и думали, что родился онъ на ихъ же нверди, но въ какихъ нибудь дикихъ и непроходимыхъ горахъ, и для того дивилися они ему чрезвычайно. Не меньше ихъ удивляющеюся Кидалъ увидѣвъ, что они приходящъ онъ того въ робость, принялъ за себя униженной и ласковой видъ, и старался увѣришь ихъ о своей добродѣтели. Увидѣвъ сіе незнаемой ему народъ, весьма много обрадовался, и старался услужить ему всѣми силами; всякой просилъ его къ себѣ въ домъ, и обѣщался угосишь его самымъ лучшимъ образомъ. Кидалу сіе было весьма пріятно, и онъ пошелъ въ шомъ домъ, которой ближе всѣхъ подлѣ его находился. Языкъ ихъ былъ совсѣмъ несходенъ съ нашимъ; но Кидалъ понималъ его совершенно: ибо сіе было во емъ. Пришедши во оной нащелъ онъ хъ

элина весьма учиваго и ласковаго, которой стоя передъ нимъ дрожалъ , и ожидалъ повелѣнiя оубъ пришедшаго , чтоубъ только ему ни понадобится. Пономъ вошла его супруга : она была весьма прекрасна, шакъ что во многомъ превосходила самую первую на землѣ красавицу. Платье на ней было бѣлое, и столько чисто , что уподоблялося снѣгу: вошедъ поклонилась она Кидалу и не сказавъ ему ни слова , спросила у своего мужа , что онъ прикажетъ ей дѣлать ? Мы должны, говорилъ онъ ей, употребить все силы, чтоубъ угоспимъ енова челсвѣка ; онъ чужестранецъ , и какъ видно, то человекъ добродѣтельной и милосщивой : все его полюбили, и стараются угодить во всемъ; должны мы предложить ему все наше имѣнiе , и сколько ему угодно будетъ , пускай возьметъ. Красавица на сѣ была согласна , и не только что все свое имѣнiе , но и сама отдавалась въ волю незнакомаго чужестранца. Кидалъ удивлялся сему чрезвычайно , и думалъ , что принесенъ онъ въ такое мѣсто, гдѣ обитаютъ золотые вѣки, въ чемъ и не обманулся. Онъ просилъ чистосердечнаго и

добродѣтельнаго сего гражданина, чтобы онъ уведомилъ его, на какой онъ находится шверди; сколько разсполянїя отъ земли до сего мїра; вся ли она швердь обитаема; какіе у нихъ правы; есть ли царства и владѣнїя? Выслушавъ сіе господинъ дома, отвѣчалъ ему: въ епомъ я себя не могу удовольствовать, ибо въ такія дѣла мы не входимъ, коихъ не понимаемъ; я человекъ ремесленной, и стараюсь выкашъ въ мое художество, а высокое знанїе совсемъ ко мнѣ не принадлежитъ; сушь у насъ люди ученые, оныя могутъ уведомить о томъ подробно, и предсказывать все, о чемъ вы знашь захочешъ. Кидалъ просилъ его, чтобы онъ повелъ его къ нѣмъ ученымъ людямъ; и какъ только выпустилъ онъ о томъ первое слово, то хозяинъ и прекрасная хозяйка взяли его подъ руки, и повелъ къ тому мѣсту, гдѣ обитали ихъ ученые люди.

ГЛАВА V.

ВЕЧЕРЬ 85.

Продолженіе сца.

Кидалъ идучи къ оцымъ воображалъ себя, что оцѣ шаковы же, какъ и земные философы, но увидѣвъ оныхъ перемѣнилъ совсѣмъ свои мысли. Въ лицахъ ихъ нашелъ онъ необыкновенную чистоту и опрятность, и сколько высоко ихъ помышле, столько и жили оцѣ богоугодно; приняли его весьма учтиво, и старались угодишь всѣмъ лучшимъ. Гнамонъ, такъ назывался первой изъ нихъ мудрецъ, сколько превосходилъ другихъ знаніемъ, столько старался бышь снисходителенъ, и чинился завсегда оказываешь больше всѣхъ смиренія, и никогда не желалъ возвышашься своими науками. Сія похвальная въ немъ добродѣтель привлекла къ себя народъ, и производила въ ономъ великое почтеніе къ шому премудрому мужу, копорой съ великимъ смиреніемъ и пошоянностію взялся увѣдомишь обо всемъ Кидала. Такимъ образомъ вышедъ

В 4

на улицу, и взошли на нѣкощерое возвышенное мѣсто, и сѣли всѣ на ономѣ; но Кидала починил первымъ мѣстомъ. Сіе учинилъ Гнамолъ для того, что бы и народъ сдѣлалъ учасникомъ ихъ разсужденія: ибо было шамъ шакое обыкновеніе, что никто не скрывалъ шалана своего ошѣ друга, и за ошкрытіе онаго не шребовалъ никакова воздаанія для того, что почишали они все общимъ между собою. Добродѣшельной иноплеменикъ, говорилъ земному жителю Гнамолъ, о чемъ ты прежде всего желаешь быть извѣстенъ? Прошу тебя, почтенный мужъ, увѣдомишь меня, въ какомъ я нахожусь свѣтѣ? Твердь сія, ошвѣчалъ Гнамолъ, называется Луною; сколько же она имѣетъ разешояція ошѣ земли, о томъ мы не извѣсны: ибо воздушнаго пуши не возможно измѣришь, чтообъ въ чемъ нибудь не ошибишься; догадкою кладемъ мы, что сія планеша ближе всѣхъ къ землѣ, и служишѣ ей спупникомъ. Впрочемъ наука сія не многимъ здѣсь извѣсна, и весьма мало ешзраюшя виикашѣ въ оную; мы спираемся больше познавшѣ того, кто создалъ всю вселенную, какую прино-

силь ему за то благодарисши, какъ прославляши его, и просиши ошпущеніе нашимъ согрѣшеніямъ; наконецъ спараемся извѣдать, что возпослѣдуемъ съ нами по окончаніи нашей жизни; а какъ сего узнать не возможно, то молимъ мы Творца, чтообъ дозволяе оибъ намъ то, что для насъ лучше, а не то, что намъ угодно. Впрочемъ никакой другой науки на сей шгредѣ ны не слышишь, какъ только ссержъ шого всякой человекъ спарается познавать самаго себя, учинясь быль добродѣшельнымъ, и покарятъ пресираснїи свое собшвенному своѣму разуму. Народомъ управлешъ у насъ вышнее существо; закона мы никакое не знаемъ и не слышали о правахъ.

Не спараемся мы овладѣшь чужимъ, и ничего лишняго при себѣ не имѣемъ: всякой довольтпауется оцѣ своихъ шрудовъ, и никому не удѣлешъ: ибо кому оибъ дашъ, щошъ будешъ имѣшь лишнее, чего у насъ никогда не бываешъ. Преснарѣлой мужъ ѣе своемъ поколѣнїи владѣшель и повелитель: все повинующее его приказамъ, и исполняющъ оные съ великимъ благоговѣшемъ; по

смерти онаго наследуенъ сѣ достоинство его сынѣ, и повелѣенъ также; и такъ равенство между нами не искореняется, ошѣ чего избѣгнули мы зависти и злобы. Преступники и нарушители спокойствія судимы бывающъ всѣмъ обществомъ, и какое опредѣляющъ имъ наказаніе, такое они и пренебрѣть должны. Выдумывальщики чего нибудь новаго невидимы у насъ такъ, какъ и преступники, и для того никогда сныхъ и не бывающъ. Нужныя для насъ вещи, кошорыхъ мы сами сдѣлать не можемъ, беремъ у другихъ, оидзвая за то свои, кошорыя ему потребны. Питаемся всѣмъ шѣмъ, что производящъ наша швердь неодушевленное.

Кидаль выслушавъ сѣ слова, желалъ возблагодарить Гнамола за уведомленіе подробно, чему весьма много удивился. И въ то время, какъ онъ ему рассказывалъ, слышалъ не обыкновенное согласіе музыки, кошорое началось ядругъ по всему городу. Сѣ нечаянное приключеніе вселило въ сердце Кидалово великую радость. Онъ спросилъ у Гнамола о причинѣ онаго; на что ошвѣчалъ ему философъ слѣдующими слова-

ми: Сей день назначенъ у насъ выборомъ невѣщъ, и такихъ бываеиъ въ году двенадцать. При захожденіи солнечномъ, всѣ молодые люди ошходяиъ оиъ обшпанія въ пѣкощорую нарочно опредѣленную къ тому рошу, и шамъ веселяиъ различными забавами, и кшо къ чему больше способеиъ, шомъ шамъ показываеиъ свое искусство; на штакое позорище выходяиъ всѣ жишели для шого, что бываеиъ оно иногда весьма удивишельно, и нельзя, чшобы и шы не былъ онаго свидѣшелемъ; поидемъ, при авилъ оиъ, можеиъ бышъ увидимъ у шамъ чшо нибудъ досшойное примѣчанія, чшо у насъ случаетъ весьма чашо.

Какъ скоро вышли они изъ обшпанія въ поле, шо увидѣли, чшо множество народа окружали молодыхъ людей, которые находились по серединѣ, и шли въ назначенную рошу. Одинъ пѣкакой человекъ былъ имъ предводишелемъ; имѣлъ оиъ въ рукахъ масличную вѣшвъ, а на годовѣ лавровой вѣнокъ, и шелъ задумавиъсь передъ ними, казался одинъ и изо всего общешва печалеиъ. Подошедъ къ назначенной рошѣ, обернулся

онъ къ своимъ поварницамъ, отдалъ изъ рукъ имъ въшивъ и съ головы вънокъ; пошомъ вынялъ изъ кармана изъкоторой сославъ, вылилъ его на себя и сдѣлался невидимъ. Въ одно мгновеніе ока на шомъ самомъ мѣстѣ, на которомъ онъ скрылся, явилася великолѣпная гробница, да и такая, какой Кидалъ не видывалъ еще оупъ своего рожденія. Чещвероугольное возвышенное мѣсто, высѣчено изъ чернаго и свѣшлядагося мрамора; имѣло оно по шести ступеней со всѣхъ сторонъ къверху, на которомъ сидѣли чешыре столба по угламъ изъ бѣлаго и чистаго мрамора, и были они увнпы пѣблеклыми кипарисными листьями; на нихъ ушверждена была покрывка, кошорая состояла изъ серебра, и на кошорой видны были черныя мѣстами полосы на подобіе щесмы: на оной изображено было лешащее время; въ правой рукѣ имѣло оно косу, въ лѣвой песошныя часы, а за плечами распроспершыя большія крылья; сидѣло оно одной ногой на большомъ шарѣ, и онъ колебанія въшровъ находилось всегда въ движеніи; по краямъ крышки сидѣли печальныя купидоны, облокошясь на

лзсохшїя кипарисныя вѣшви ; вѣвки на
 нихъ были изъ сего же дерева, а шѣла при-
 крыпы были нѣсколько черною фла-
 нелью. Въ серединѣ, столбовъ стоялъ
 каменной гробъ , или выстѣнная изъ
 камня гробница ; на наружности ея изоб-
 ражены были печальныя приключенія
 и плачущіе Генїи. На крышкѣ ея сто-
 яла урна обыкновенно такая, въ кошо-
 рой сохранялися пеплы умершихъ. Въ
 головахъ поставлена была плачущая
 снаниуя, кошорая наклоняся къ гробу ,
 казалася , какъ будто бы каждую ми-
 нуту оплакивала кончину лежащаго въ
 ономъ челоуѣка. Въ ногахъ стоялъ чуд-
 ной и страшной скелешъ, или обыкно-
 венно такой , кошорымъ изображаютъ
 смерть ; на головѣ у него былъ желѣ-
 зной черной шоломъ ; въ правой рукѣ
 обнаженной и окровавленной мечъ , а дру-
 гою волочилъ за собою косу. По двумъ
 сторонамъ сая гробницы стояли по два
 дерева кипарисныхъ, кошорыя были д-
 нако не выше оныя ; вѣшви и лиснѣя
 имѣли они опущенныя внизъ , и каза-
 лось , что покрышы были всѣ слезами ;
 такъ какъ ушренной росю. На треть-
 ей сторонѣ въ головахъ стояло лавро-

вое дерево; оно опускало и поднимало свои вѣтви, для чего казалось одушевленнымъ, и изъясняло скорбь свою и мученіе пѣкошорымъ спенаніемъ. По маломъ времени приклонился весь сіи деревья къ гробницѣ, и услышались отъ оныхъ плачь и рыданіе. Гробъ отворился, и встала изъ онаго шѣнь пѣкошорой прекрасной дѣвушки. Спашуя перешла плаканъ, смерть скрылася во гробъ, и деревья унялись отъ спенанія; пошомъ явился на воздухъ орелъ, и казался объявъ весь пламенемъ: ибо имѣлъ отъ въ кожныхъ громовыя стрѣлы, около которыхъ безпрестанно обвивалася яркая молнія. Спустившись съ высоты съѣлъ отъ на урну, и вручилъ огненной перуи шѣни; она какъ скоро его взяла, по ударила въ кипарисныя деревья, которыхъ въ одну минушу сожгла, а на мѣсто ихъ явились четыре дѣвушки, стоящія передъ гробницею на колѣнахъ. Лавровое дерево приняло образъ того чловѣка, которой предшествовалъ всему собранію: оной стоялъ, и весьма горько плакалъ. Упомленная шѣнь озрѣвшись на все стороны, и увидя плачущаго сего чловѣка, прослезилася сама,

и бросилась въ его объятія. Какъ скоро они обнялися, то вдругъ и окаменѣли, и сіи двѣ плачевныя сшашун осмалась соединенными на вѣкѣ. Четыре ишѣ дѣвочки подошедши къ нимъ омывали ихъ своими слезами, и рыдали предъ ними не ушибно; потомъ вспорхнулъ орелъ, и прикоснувшись къ нимъ лишилъ ихъ чувствъ и движенія, и вшедшій изъ вназъ души понесъ въ неизслѣдованную бездну. Гробницы и всего украшенія не стало, двое окаменѣлыхъ покрываея мракомъ, и когда миновалась сія мгла, тогда и они сдѣлалися невидимыми. Все собраніе единодушно тогда сожалѣло; а сродники шого пропаднаго челоуѣкъ возвратилися съ плачемъ и рыданіемъ въ свои обишели. Поелъ сего началась оипль музыка и назначенное ошѣ всѣхъ торжештво.

ГЛАВА VI.

ВЕЧЕРЬ 86.

Продолженіе сна.

Кидалъ не могъ пробыть безъ великаго удивленія, увидѣвъ шакое чрезвѣ-

естественное приключеніе : чего ради обратившись къ Гнамоу, просилъ онъ его уведомленія, коимъ объяснилъ ему сіе дѣло такими словами : Человекъ, коимъ предшествовалъ всему собранію, разумѣлъ весьма изрядно гадательную науку, и по оной предъзнавъ свою кончину, избралъ се мѣсто для оканчанія своей жизни. Дѣвушка, коимъ вѣдала изъ гроба, была его любовница ; а шѣ чешыре, коимъ обращены были въ деревья, ея совѣшницы. Онѣ любили того молодого человека сколько, сколько и она ; но однако онѣ въ нимѣ не чувствовалъ ничего : чего ради предпріяли онѣ оправить любовницу его ядомъ, что въ скоромъ времени и исполнили. Когда же узнали сіе люди, то выгнали ихъ изъ нашего общесства, и онѣ пришедъ ко гробницѣ оправленной ими дѣвицы, плакали надъ оною долгое время, и наконецъ, не знаю какимъ случаемъ, превращены были въ деревья. Такое чудное приключеніе считаемъ мы первымъ на нашей шверди, и о подобномъ онему никимъ еще не слыживалъ.

Въ сѣе время начались различныя забавы между молодыми людьми : всякой хотѣлъ показати свое искусство, и въ чему онъ былъ больше способенъ. Тушъ увидѣвъ Кидалъ шеширъ, конюраго еще никогда видѣшь ему не случалось, и онъ не походилъ совсѣмъ на шъ, конюрые начинались уже въ ту пору на землѣ. Въ началѣ появилось на сѣмъ шеширъ дерево, украшенное листьями и вѣтвѣлами совсѣмъ невоображаемыми; по сторонамъ его шли два Купидона, и играли на свирѣлкахъ, чѣмъ извѣяляли желаніе и мысли движущагося дерева; пошомъ появилось другое съ такими же игроками, но однако оное убрано было не такъ великолѣпно; почему догадаться можно было, что оно находилоя подъ власно перьваго, и такъ далѣе. По окончаніи всѣхъ вступленій, въ которыхъ находилоя множество деревьевъ, также живописныхъ, воздушныхъ и земныхъ, начались другія игры; земля покрылася песчаными дорогами; явились по мѣстамъ сильные и спрашныя чудовища; выѣхали храбрые Герои, одѣшые въ разныя одежды, на-

Част. V.

Г

чали сражаться между собою, и попомъ со звѣрями. Все сіе происходило съ великою радоснію и народнымъ плесканіемъ; все удивляло какъ Кидала, шакъ и Лунныхъ жишелей: ибо всякими видами обращались люди, и принимали на себя различные образы.

Наспала ночь; всякой молодой человекъ засвѣшилъ имѣющуюся у него въ рукахъ свѣчу, и кошорая дѣвушка больше всѣхъ ему показалась, по онъ подносилъ ее къ пою; нѣкоторыя задували, а нѣкоторыя не хотѣли; однако возвратились домой всѣ больше съ радоснію, нежели съ неудовольствіемъ; Музыка удвоила свое согласіе, и всякой веселился различными образами. Проводивъ ихъ въ городъ, или въ ихъ обитаніи, просилъ Кидалъ Гнамола, чтобы показалъ онъ ему ту долину, кошорую онъ видѣлъ съ горы; и шакъ ни мало не медля пошли они въ оную. Различное благоуханіе, кошорое носилея по ней, вселило въ сердце Кидалово великую радоснь. Во первыхъ увидѣли они на скалахъ хрустальную банку, кошорой

на крышкѣ подписано было слѣдующее:
*Усиліе жаждать къ богатству ; на широй ,
 В держаніе изумленія пыше мрам ; на шре-
 шей , Судетно получить покой , и такъ да-
 лѣ.* Гнамоу безъ прозыбы Кидаловой
 принялся его увѣдомляшь о семъ. Все
 сіе , что ты ни видишь , говорилъ
 онъ ему , приговариваешь Рокъ , и при-
 нось оповсюду кладешь въ сѣи банки.
 У насъ ешь лѣкарство душевное , и
 лѣкарство шѣлесное ; душевное по
 большой части бываешь книги , ко-
 торыя ты передъ собой видишь ; а
 шѣлесное и ѣкошорые составы , копо-
 рые производишь наша швердь , и же-
 лающіе излеченія сами сюда приходять
 и пользуются всѣмъ , что только ему
 потребно , онъ чего получаешь всякую
 пользу , выключая однихъ только
 Стихотворцовъ неученыхъ , которые
 никогда не хошь вылечишь , и же-
 лаешь лучше бредишь , нежели пишешь
 дѣло ; бездѣлье ихъ увеселяетъ , а дѣ-
 ло печалишь , попому что оно для
 нихъ шрудно и не возможно. Долна же
 сія именуешь мѣспомъ здраваго раз-
 сужденія , или лучше жизненнымъ бла-
 женствомъ : всякое человѣческое благо-

получіе здѣсь сохраняется, и жребій онаго царсвувейнъ безъ ошлученія.

Услышавъ сіи слова онъ Гнамола, увѣдомилъ его Кндалъ, какимъ образомъ пренесенъ онъ на ихъ планету, и просилъ его увѣдомишь, еспьли, чшо тому извѣстно о его участи? Можешъ бышь, говорилъ ему Гнамола, долженъ шы разрѣшишь какую нибудь народную несиройносшь, и инакъ Рокъ принесъ тебя сюда, для взяпїя чего нибудь къ шому пошребнаго: ибо онъ приносишь сюда все, а ошсюда не берешъ ничего, пошому чшо ему не возможно. При солнечномъ восхожденїи хопѣлъ онъ бышь сюда, какъ шы о томъ оказывалъ самъ, шо будемъ ожидать шого времени съ шерпѣнїемъ, и оно ошкроешъ тебѣ всю шайну; а шы шѣмъ временемъ разсмашривай нашу швердь, и все шо, чшо для тебѣ удивительнo, для шого чшо пришедши на землю, долженъ имѣшь свѣденіе о томъ, о чемъ шы сказываютъ спанешъ, и не слѣдуй шѣмъ, кошорые хотя ничего не видали, однако сказываютъ о многомъ.

Когда показалось солнце на тверди Лунной, тогда онъ возшедши на гору, увидѣлъ Рока, которой обратившись въ человека, повелъ его въ ту же долину, въ которой былъ Кидалъ съ Гнамоломъ. Какъ скоро пришли они на середину оной, то увидѣли туи древнее и великолѣпное зданіе, которое сдѣлано было изъ чорнаго мрамора, и на дверяхъ онаго находились сѣи слова: *Источникъ живою водою.* Рокъ отворивши двери, вошелъ въ оное, и ему послѣдовалъ Кидалъ. Нутрь сего зданія соспоялъ изъ разныхъ раковинъ, и всѣ стѣны занавешены были сѣшми плетеными изъ различнаго бисера и жемчугу, но копорымъ ниспадала чистая вода, на подобіе росы; полъ сдѣланъ былъ изъ зыблющей маперіи, коя казалась, или бѣлою губкою, или морскою чистою пѣною. Оной полъ пожиралъ въ себя падающую воду, и казался всегда ничѣмъ неорошеннымъ. По срединѣ зданія находился источникъ; окружность его соспояла изъ бѣлаго и чистаго мрамора, и простиралась она пятьсотъ сажень въ землю, а шамо иже

дидась оная живая вода. Рокъ полевивъ руку на плечо Кидалово, а другою указалъ въ водяную бѣздиу, и говорилъ ему такъ: Возми сего ивоуъ. неннаго сокровища на перстиѣ, и приидѣ въ Хопынѣ, коснись онымъ очамъ Оляновымъ: онѣ чего получишѣ онѣ зрѣнїе и пре шїя чувства; выговоривъ сіе шолкнулъ его въ пропасть. Кидалъ весьма испужался, и споль сильно вздрогнулъ, чшо проснулся отъ сего мечшанїя. Сердце его и на яву шрепетало, и онѣ не весьма въ скорое время могъ опамятоваться отъ сего привидѣнїя; а какъ получилъ прежнїя чувства, шо усмошрѣлъ, чшо большой перстиѣ, именуемой между простымъ народомъ врачомъ (*), орошенъ былъ водою, отъ которой происходи-

(*). Не знаю, кто наименовалъ у рукъ нашихъ персты, но только это вѣдаю, что каждой изъ нихъ имѣетъ свое имя. Большой палецъ называется докторъ, а по ишшему врачъ; Указательной палецъ; подлѣ указательнаго, или средней называется дуракомъ; а топъ, которой подлѣ мизинца, именуется ученымъ; мизинецъ же нарицается любовникомъ. Doctor, mercator, stultus, pudiosus, amator.

до великое благоуханіе. Токому открытію Кидалъ безъ сомнѣнія повѣрилъ, и не хопѣлъ ни мало усумниться, памятуя свой просупокъ, о которомъ увѣдомилъ его плачущій Пекусь, то есть Геній, или покровитель города Хотыня: ибо осторожность, употребленная нами въ нужномъ случаѣ, осталась всегда крѣпко въ нашей памяти, а особливо въ тѣхъ людяхъ, которые желаюшъ исправить себя или лучше познать самого себя.

ГЛАВА VII.

ВЕЧЕРЪ 87.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Хотя Иронъ отъ рукъ природы происходяшъ со всеми опмѣнными достоинствами разума, храбрости и отваги, однако Омарскій Обладатель проснувшись чувствовалъ некое въ духѣ своемъ смущеніе; тѣмъ бо-

дѣе, что до сего подвиги его были ему назнаменованы; а оиѣ сего времени претовало уже расположенія единственно ума его и прозорливости. Но дѣла, употребленные къ избавленію оиѣ бѣдѣ рода человѣческаго, непеводимельснзусмы бывающѣ самими богами; чего ради иройской духѣ его и разумѣ, снреляющійся всечасно къ добродѣтели, въ минушу назнаменовали ему пушь въ чрезвычайномѣ его положеніи.

Вснзавши сѣ постели не успѣлъ онѣ сдѣлать шагу къ подвигамѣ добродѣтели, какѣ предспалѣ предѣ него Пекусисѣ, или Геній (*), покровитель города Хошннн сѣ радостнымѣ лицомѣ, увѣнчанный лавромѣ и дер-

(*) ГЕНИИ, духи добрые и злые; они претпровождаютѣ людей, помогаютѣ имѣ при ихѣ рожденн и имѣютѣ въ своемѣ охраненн. Каждой челоуѣкъ посѣщатѣ день рожденн своему Геннню; въ жертву приносили имѣ вино, цѣѣпы и ладонѣ; за претцнню было припомѣ проливать кровь, и также приносили какое-нибудь животно на сню жерлву. Царствѣ, Провннннн, городѣ и народѣ имѣли своихѣ особливыхѣ Генннннн.

жащій въ рукѣ мирповую вѣтвь ,
сказавъ въ восшоргѣ : избави пелю Хо-
шыня воспѣша будещъ пѣснь не умол-
кными въ вѣчнось голосами , кошо-
рую и все снѣдающая древнось въ
глубокоєпи своей прервашъ и умолк-
нувшю сдѣлашь не можешъ ; оконча-
вай , счасливый смершный и возвы-
шенный предъ прочими Ирой, оконча-
вай богамъ подобные швои подвиги ;
всѣ препятсшвѣя уже шеперь минова-
лись , спупай на ошроєвъ къ Тризлѣ ;
пунь сѣ сего ошрова шевѣ ошворенъ
и благодарные Сильфы , обшзашюще
въ воздухъ просшранныгс. владѣнїя
Оланова , принесушъ шевѣ на шѣжнихъ
раменахъ своихъ ; а я всемишущю
пекущійся о благодѣисшвїи народа
предшесшвую шевѣ въ Хошынь и ис-
полню сердца подданныхъ радости и
веселїя о оживошворенїи ихъ облада-
шеля , счасшїя ихъ , благоденсшвїя и
покоя .

Расшавшисъ сѣ. Генїемъ ошворилъ
онъ двери въ шонъ покрїи , гдѣ мно-
жесшво было людей засыпающихъ ,
и думалъ шакже скоро миновашъ оной ;
но увидѣлъ совсѣмъ прошивное шому

уже дѣйствіе. Великое по собраніе людей стояли изгопоясь о ожида- ній его выходу. Всѣ они крѣлись въ великой заботѣ, блѣдныя ихъ лица и сухощавой видѣ представляли ихъ шаками, которые долговременно не вкушали пищи, и смотрѣли всѣ на него зависливыми и ядомѣ пренс- полненными глазами, которые озна- чали шаковыяжѣ злыя качества и сердца ихъ, зараженнаго ужаснымъ, неспшнымъ, нечесшнымъ, кровожа- дущимъ, пронзающимъ оное ядовитыми своими стрѣлами и мучающимъ души ихъ порокомъ, по есш зависцію. Кидалѣ не презря ихъ, но еоразмѣривѣ не- сходство нравъ ихъ со своимъ, мило- валѣ сіе собраніе, оказавѣ имъ учши- вощь наклоненіемъ своей головы и приложеніемъ правой руки къ своему сердцу, шаже и головы прежде зѣ- вавшія, а въ по время шакимижѣ ядовитыми глазами на него смотря- щія, вспунилѣ еѣ радосцію въ тошѣ покой, въ которомъ всѣ прелести природы судьба въ собраніи видѣль- ему опредѣлила; но какимъ онѣ по- раженѣ былѣ удивленіемъ, когда у-

емопрѣдѣ встающую въ то время съ поспели Боганю не красоны и любви, но Богнию зависши и непримиримой злобы, женщину сирашную и преснарѣлую, у кошорой голова обнипа была змѣями, груди ошеисли, глаза косые съ бельмами и въ ямѣ, кожа на ней вся иссохла, блѣдностъ и скаредностъ изображены были на лицѣ ея, зубы черные и нечистые, сердце наполнено желчию, а языкѣ покрышѣ ядомѣ, казалась она безпокойною и печальною. Ревнивое ея чело и помершвѣлыя губы, показывали страхѣ ея и заботу; блѣдное лице и не пресцанно шерзаящаяся болѣзнию нушренностъ изображали зараженную ея душу, кошорая всеминутно чувсвовала мученіе Триздно: ибо виоцаяся около ея змѣя безпресцанно уязвляла ея сердце; а изѣ подѣ кровати видна была семиглавая Гидра (*).

(*) ГИДРА, чудовище или змѣя преужасная, родилась отѣ Пифона и Ехидны, и имѣла множество головѣ, и когда одна е у нее срубилѣ, то на мѣсто ея въ одну мину-

Пораженный такимъ видѣніемъ Кидалъ стоялъ долгое время безмолвенъ ; наконецъ природное сіе безобразіе прервало молчаніе и произнесло сіи ужасныя слова : Не удивляйся, счастливый смертный, сшранному моему виду ; я шебъ вовсе незнакома и должной мнѣ, шакъ какъ онѣ другихъ, жершвы и милосни онѣ тебя не уповаю ; я есмь Богиня зависши , ошецъ мой гордостъ, а машь безумшво ; я ненавистница всѣхъ смертныхъ и днѣ ; меня ничшо не усладитъ ниже просвѣпитъ не можешъ , а услаждаешъ шолько приключающееся людмъ несчастіе , да припомѣ прѣшны мнѣ бѣседы нечесшивыхъ , а смонря на благополучныя произшесшвіѣ въ свѣтѣ , чашну съ досады , мучусь непресшанно , муча шѣмъ другихъ о себѣ не сожалѣѣ , пишаюсь змѣями, и

ту выростутъ двѣ , ежели не приложатъ огня къ ранѣ ; ядъ сего чудовища былъ смертельной , и когда намазанной имъ стрѣлою коло ранятъ , тошъ уже умретъ непременно. Геркулесъ се побѣдилъ въ то время , когда опускала она поля и стада Лермейскія.

вместо крови въ жилахъ моихъ обращается холодный ядъ, онъ коего онъ и замерзающъ и горячаша. Сонъ никогда глазъ моихъ не закрывашь, и я никогдажъ не смѣюся, развѣ сморгри на какое нибудь несчастіе людское; а заслуги другихъ мнѣ весьма шестошны. Жилище мое подножіе горы Геликона (*) въ пропасни, гдѣ печальныя шѣни пребываютъ; а на семъ мѣстѣ пребывала я для того, что имѣла удовольствіе блиско дванцати лѣтъ услаждашья сшечаніемъ народа обширной обласни Олановой и болѣзнію Тризлы; ихъ благополучный жребій произволеніемъ боговъ ондаиъ былъ въ мои руки, но минувшую ночь ихъ же опредѣленіемъ взявшъ оный онъ меня, и находишся уже въ швоихъ рукахъ. При семъ словѣ всѣ ея члены задрожали, и она оперлась объ сшоль находившійся подлѣ ея кровати, и взглянувъ на персень бывшій уже въ моихъ рукахъ вся помершѣла, и шѣмъ прервала сшраш-

(*) ГЕЛИКОНЪ, имя горы въ Беотіи, на которой имѣли пребываніе сше Музы.

ныя ея изреченія , а умолкнувъ дышала только злобою.

Въ ту минушу окружили ее всѣ послѣдователи ея , кошорыхъ вошло къ ней множество , и различными представленіями старались въ очельяности ее ушѣлиши , представляя ей соснояніи всѣхъ земнородныхъ ; ненавиши ихъ другъ къ другу , жадности къ чинамъ и богатству , разныя гоненія и припѣсенія бѣдныхъ , несогласіе цѣлыхъ народовъ , войны и мѣровыя язвы , чѣмъ она по возстановленіи въ Хошынѣ благополучія улаждались еще можешъ ; но сія фуриа по потерянніи власни надъ несчастнымъ народомъ ничѣмъ казалася удовлетворена быши не могла ; она не прешакала кипѣши злобою и скрежеташъ зубами.

Кидалъ хотя и преисполненъ былъ добродѣшели и снисхожденія къ слабосиамъ чельвѣческимъ , но шажовая злоши произвела въ немъ омерзѣніе ко всему шому собранію , и ошврашила глаза его на другіе предметы , кошорые не меньшее произвели въ немъ удивленіе. Неописанное вели-

колѣпіе зданія , которое онѣ прежде
 видѣлъ , превращено было въ сокру-
 шенное глубокою древносію сіроение,
 величешво и блескъ его превращи-
 лись въ видѣ угрюмой и ужасѣ наво-
 дящій малодушнымѣ , всѣ побочныя
 украшенія исчезли , и ошалося еди-
 ное шолько основаніе огромнаго , но
 безо всякаго вкуса посироенія; выспу-
 пивѣ изѣ котораго увидѣлъ онѣ мра-
 чное надѣ собою небо, и гнѣвныя надѣ
 оспровомѣ шучи закрывали видѣ бле-
 сшящаго свѣшила , угнѣтая влагою
 воздухѣ ; весь оспровѣ измѣнился ;
 земля ошкрыла пропасти и горы ,
 чѣмѣ прервалися всѣ прѣшныя ров-
 нины: деревья, увеселяющія взорѣ, дви-
 гнулися и пришедѣ въ безпорядокѣ
 оѣланыя грубою корою , уронивѣ свои
 лисня и пошерявѣ благоуханіе ; что
 привело въ великое смущеніе молодца
 Ироя , понеже все сіе было ему неиз-
 вѣшно , да и шо сокрышо , что съ
 нимѣ шеперь воснослѣдуешѣ. Въ семѣ
 невѣденіи облокотился онѣ лѣвою ру-
 кою на одно дерево , и лишь шолько
 сіе учинилѣ , во мгновеніе ока сильный
 и неслыханный онѣ вѣка громовый

ударъ разорвалъ весь сей островъ въ мѣлкіе часки и превращилъ все имѣвшееся на немъ въ пыль. Море почернѣло, и смѣсившійся съ пылью воздухъ закрылъ оснашки происходящую сквесь мглу свѣта, и во шмѣ сей дѣвалъ безпресшанно вихри и сверкали молніи. Пошѣмъ погрязло все во глубинѣ морской, даже и покрывающія островъ шучи, и когда ошкрылися лучи дневнаго свѣтила, то Кидаль увидѣлъ себя на поверхности моря ничѣмъ не поддерживаемаго, кромѣ стущеннаго подъ нимъ облака, которое находилась въ безпресшанномъ движеніи и влекло его въ неизвѣстную дорогу, надъ самую спокойною поверхностію моря, при ясномъ солнечномъ сіяніи и въ тишинѣ уснановившагося воздуха.

ГЛАВА VIII.

ВЕЧЕРЬ 88.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Пушешесшвуя Кидалъ такимъ чрезвешешешвеннымъ и снраннымъ образомъ, мыслилъ по преждебывшему ему ошкровенію, что сила очарованнаго першня исшребила волшебсшвомъ воздвигнушой ошровъ, и что онъ по предсказанію Пекусиса пушешесшвуешъ подерживасмъ малыми насъкомыми, кошорья составляющъ несущее его облако, и кошорыхъ замъаксшю различшъ не можно. Въ семъ размышленіи видилъ онъ ошровъ и на немъ гору, гдѣ незаетая Тризла произносилъ сшенаніе, и приближая къ оному приходилъ въ несказанное удивленіе, для шого, что ошровъ сей прежде былъ не-присшупенъ для смерпныхъ, а шеперь пушешесшвенникъ видилъ на ономъ людей, собравшхъ и на берегу онаго

Част. V. Д

п ожидающихъ , какъ ему казалось , его пришедшия , чпо по прибышн его и учинено.

При всшупленн на островъ встрѣченъ онъ Первосвященникомъ Хошынсимъ , Кабалисномъ и Алимомъ при множествѣ вѣрноподданныхъ Олазовыхъ , увѣнчанныхъ зелеными вѣшьями въ знакъ доселѣ неслыханной побѣды , при звукѣ музыкальныхъ орудій и при радостномъ восклицанн народномъ. Первосвященникъ въ жреческомъ , а Кабалиснъ въ волшебномъ одѣянн приняла Кидзала подѣ руки и повели по дорогѣ , усланной вѣшьями и цвѣтами. Восхищенный народъ преслѣдуя своему избавителю , съ жадносшю и съ лющимися онъ радости слезами , осмапривали его , и зрѣтемъ шѣмъ насыпншся не могли , и не имѣвъ смѣлости коснушся избавителю своему или его одеждѣ , вмѣстешого лобызали другъ друга и сообщали шѣмъ радосн горящихъ сердецъ ихъ благодарносшю къ нему , предчувствуя избавленн шираисшва.

Слѣдуя такимъ образомъ къ горѣ , гдѣ находилася Тризла , подошли къ

жертвеннику стоящему на дорогѣ , кошорый окружали сходящіе жрецы въ бѣлыхъ долгихъ одеждахъ , въ вѣнкахъ и препоясаніяхъ въшвянныхъ. Сей жертвенникъ украшенъ былъ различными цвѣтами , а на поверхности его лежалъ шуго напянушой лукъ и двѣ стрѣлы. Первосвященникъ приближившись къ нему приклонилъ колѣно , что учинилижъ жрецы и весь народъ , и чшены были просишельныя молишвы къ Чернобогу , яко богу злыхъ духовъ , дабы благоволилъ онъ отвращишь онъ ихъ все независныя силы демонскаго навожденія. Попомъ всшавъ Первосвященникъ и обращясь къ Кидалу , говорилъ слѣдующее:

„ Боги , властипели надъ нами ,
 „ располагая судьбами человекскимъ
 „ по произволенію , гчешній день по
 „ захожденіи солнечномъ бывшу мнѣ
 „ во храмѣ на молишвѣ , въ присуш-
 „ ствїи всѣхъ жрецовъ , благоволили
 „ учинишь откровеніе , дабы рука из-
 „ бавишеля нашего посредшвомъ сего
 „ оружія поразила адскихъ фурій , пер-
 „ зающихъ шѣло Тризлы ; ихъ все .

„ сильная воля избавляешъ паразите.
 „ ля опѣ всѣхъ худыхъ слѣдствій,
 „ опѣ шого другому произойти могу-
 „ щихъ. „ Окончавъ сіе подалъ онъ
 лукъ и стрѣлы Омарскому Обладате-
 лю, и слѣдовали къ горѣ къ прису-
 ствію всего народа.

Тризла находилась тогда не въ
 мучительномъ положеніи, и двѣ шѣ
 адскія пищи сидѣли подлѣ ея
 безъ всякаго дѣйствія. Кидалъ направ-
 вивъ объ стрѣлы въ нѣхъ адскихъ
 жишелей, пушилъ ихъ шоль сильно,
 что во мгновеніе ока вмѣсто нѣхъ
 двухъ фурій поразили они Тризлу въ
 самое ея сердце, и она въ шужь ми-
 нупу испустила евою душу. Алимъ
 при семъ дѣйствіи не могъ удержашь
 въ сиройномъ шеченіи своихъ чувствъ,
 пришелъ онъ въ безпамяштво и у-
 палъ на руки его окружающихъ; Ки-
 далъ ужаснулся и послѣдовалъ Али-
 му; всѣ зрители пришли въ движеніе,
 поражены будучи шаквою неизвѣст-
 яостію. Первосвященникъ, Кабалишъ
 и прочіе жрецы не были шропаны
 шаквымъ приключеніемъ; ибо они
 чрезъ прорицаніе извѣстными о томъ

уже находилсь, чего ради упопресли
 ли всѣ силы и спараніе возвратитъ
 чувшва двумъ молодымъ Героямъ; и
 когда нѣкошорымъ образомъ миновало
 ихъ забвеніе, по Первосвященникъ
 говорилъ Кидалу шако: Храбрый из-
 бавилъ спенящаго народа, не мѣп-
 ка я рука швоя себя въ томъ обма-
 нула, ниже какое намѣреніе швое
 могло къ шому примѣситься, чшобы
 учинишь шаковую прошибку ко уни-
 женію швоего геройства. Но шѣмъ
 исполнена воля боговъ, или учинен-
 ное предопредѣленіе; я и всѣ жрецы
 извѣсны были о шомъ чрезъ про-
 рицаніе; гласъ великаго Чернобога
 намъ предшоящимъ его кумиру из-
 рекъ сіе предопредѣленіе: но мы зная
 сердце швое, преисполненное нѣж-
 ными и сосирадающими несчастнымъ
 чувшвованіями, удумали нѣ совѣ-
 шѣ не ошкрывашь шобѣ сего дол-
 женствующаго учинишь шобѣ подвига,
 для шого; чшѣ воля боговъ должна
 безвошлагашельства бышь исполнена,
 а чувшвишельное швое сердце безъ
 величайшаго обремененія прислушншь
 къ шому бы не могло. Человѣкъ по

содѣяннымъ имъ дѣламъ терпѣнъ наказаніе, правншелижъ вселенною справедливы: шо и должно шо оставляшь предержащей ихъ власши, безъ всякаго рошанія смертныхъ.

Неискоренное сожалѣніе оспалось въ сердцахъ чувствительныхъ Кидала и Алима, но предлежащіе подвиги не позволяли оному вдалъ распроспранншсья. Трнзла испустила свою душу, кошорая подъ видомъ бабочки, въ провожденн шѣхъ двухъ адскихъ пшнцѣ ошлешѣла въ неизвѣсшную всѣмъ зрншелямъ дорогу. Въ скоромъ пошомъ времени гора сдѣлалась освѣщенной нѣкошорымъ особеннымъ свѣшомъ, и ушконвшаяся оспалась разрѣшленною ошѣ цѣней, кошорыми она близко двашцашн лѣшн одержима была. Пошомъ увидѣли на горѣ явленіе по двумъ шпоронамъ бездушнаго шѣла: спояли два обнаженные юноша, за плечами кошорыхъ видны были крылья; ошнѣ изъ ннхъ держалъ погашенный и еще дымящійся обращенный къ землѣ фѣкселъ, а въ другой рукѣ вѣнцѣ изъ

цвѣтовъ сдѣланной ; другой въ рукахъ имѣлъ закрытую книгу. Оба они соболѣзновали и печаль свою сообщали другъ другу ; передъ ними сидѣли два младенца у ногъ ихъ , одинъ имѣлъ песочные часы , а другой изъ небольшого сосуда соломенкою пускалъ въ воздухъ мыльные пузырьки. Наконецъ явился юноша свѣтлообразный , ведущій съ горы шѣнь , покрытую ошнъ головы и до ногъ тончайшимъ бѣлымъ покрываломъ , которому послѣдовали и шѣ юноши и младенцы ; но вдругъ покрыла ихъ мгла , но прошедевѣи кошорой не увидѣли болѣе на горѣ какъ одно Тризливо шѣло.

Первосвященникъ и другіе жрецы восшедъ на гору , взяли шѣло супруги ихъ Обладанселя , и съ подобающею честию снесли со оныя ; потомъ учинивъ древесный косперъ , покрывъ оный бѣлымъ покрываломъ и украсивъ по приличности цвѣтами , положили шѣло и при священническихъ обрядахъ сожгли оное ; пепелъ и кости кошорато положили въ урну , ошнесли на гору и пошавили на шполбѣ.

По окончаніи сей церемоніи Кабалиснѣ предложилъ Первосвященнику и всему народу о прошеніи Кидала, дабы благоволилъ онѣ на шлемѣ возложить шопѣ вѣнецѣ, кошорой далъ онѣ ему на оспровѣ по пораженіи буйвола: ибо приступая ко освобожденію онѣ отъ ига варваровѣ ошечеснѣва нашего, продолжалъ онѣ, безѣ него обойтись не можно; понеже несвѣдомая вѣмѣ сила, имѣющаяся вѣ немѣ, соблюдаетѣ вѣрноподданныхѣ онѣ кровопролитія, и оградилъ всѣхѣ насѣ безопасностію.

Кидалѣ принялъ онѣ народа сіе предложеніе съ радостию, и Первосвященникѣ возложилъ на него вѣнецѣ при возглашеніи народномѣ; а попомѣ и начали приготавливаться вѣ пушь, ко окончанію послѣдняго подвига, и ко освобожденію изѣ рукѣ варварскихѣ цѣлаго государснѣва.

ГЛАВА IX.

ВЕЧЕРЪ 89.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

По принесеніи къ берегу сего острова, увидѣвъ Кидалъ изгнанный подлѣ онаго флота, украшенный великолѣпнѣйшимъ образомъ и стоящій расположеннымъ въ шакихъ линіяхъ, какъ назначено было шестивѣ его къ Хошыню.

Какъ только Кидалъ ступилъ на пристань, то данъ былъ знакъ къ пушешествію флота поднятіемъ вѣтриль флаговъ на всѣхъ судахъ, и первое судно подъ разными вымпелами и флагами, и со множествомъ музыкальныхъ орудій, при громогласномъ играніи на ономъ пушилось въ море. Второе за нимъ, великая ладья испещренная лазурью и золотомъ, на носу кошорыя унверженъ былъ позлащенный орелъ съ распростертыми крыльями, держащій въ

правой лапѣ блестящій Перуиѣ, отъ
 коего яркія молніи, сдѣланныя изъ
 чистаго золота, покрывали всю пе-
 реднюю часть судна, которая отъ
 сіянія солнечнаго зашмѣвала зрѣніе
 всѣхъ на оное смотрящихъ. На кормѣ
 видѣнъ былъ распущенной флагъ на
 высокомъ золотомъ древкѣ, около
 котораго сверху и до низу обвилася
 змѣя, сдѣланная изъ блестящихъ и
 разноцвѣтныхъ камней, и блескъ
 оныхъ при солнечномъ сіяніи пре-
 взошелъ всякую краску, сдѣланную
 человѣческими руками; на раздувае-
 момъ же легкомъ вѣтромъ желтомъ
 флагъ изображенъ былъ черный паря-
 щій орелъ, имѣющій въ правой лапѣ
 молотокъ, что означало тогда само-
 державіе. По серединѣ судна на возвы-
 шенномъ нѣсколькими ступенями
 столбѣ или престолѣ подъ baldach-
 номъ стоялъ Перуиѣ испуканъ,
 бога производящаго всѣ воздушныя
 дѣйствія и явленія, какъ то грома,
 молніи, облакоѣ, дождя и прочаго,
 держащій въ рукахъ блестящій ка-
 мень, на подобіе пылающей молніи.
 Сей испуканъ сдѣланъ былъ изъ чи-

стаго золота ; а на головѣ его корона или вѣнецъ изъ разноцвѣтныхъ драгоценныхъ камней. Сполбъ или пресполбъ возвышающійся ступенями, сдѣланъ былъ изъ различныхъ металловъ ; древки подъ балдахиномъ изъ золота, около кошорыхъ представлена извивающаяся молнія въ видѣ измѣняющихся цвѣтовъ огней, что соснавляли рѣдкіе и драгоценные камни. На краяхъ судна , на подобіе скобъ или положенной цѣпи, сдѣланы были уключины, омыпшыя голубыми прозрачными камнями ; вѣслы вызолочены и грѣбы въ лизоревыхъ одеждахъ.

За симъ слѣдовало судно, вмѣщающее въ себѣ все доброты , сокровища и прензятности свѣта, все украшенія природы и ошмѣныя ея произведенія. Вся сія ладья, или учанъ , казалась выдншою изъ чисаго и блестящаго золота, кругомъ кошорато по краямъ уключины сдѣланы были изъ снлаго Армянскаго камня. На носу сего неописаннаго судна изображено было солнце , въ видѣ восходящаго на горизонтъ , лучи кошорато представлены были изъ всехъ драго-

цѣнныхъ каменьевъ , находящихся въ
земныхъ недрахъ , которыми сей жи-
вошворитель природы роздалъ разные
блески , колера и виды. И такъ пер-
вый , происходящій отъ онаго луча ,
сдѣланъ былъ изъ разноцвѣтной яш-
мы или ясписа , второй изъ прозе-
ленатаго аквамарна , третій изъ зе-
леножелатаго хризолита , четвертый
изъ блестящаго алмаза , пятый изъ
голубожелатаго холкидона , шестой изъ
темнокраснаго алмадина , седьмой
изъ кофейнаго шурмалина , осьмый
изъ фиолетоваго аменсиса , девятымъ
изъ зеленожелатаго шопаса , десятый
изъ кофейнаго ахаша , первыйнадесять
изъ темнокраснаго синнела , второй-
надесять изъ розоваго баласа , третій-
надесять изъ свѣтлозеленаго смараг-
да , четвертыйнадесять изъ свѣтло-
алаго рубина , пятыйнадесять изъ
темнозеленаго изумруда , шестой-
надесять изъ рудожелатаго гѣацинта ,
седьмойнадесять изъ голубаго сафира ,
осьмыйнадесять изъ бирюзы прозеле-
ной , девятымънадесять изъ красно-
желатаго рубицела , двадцатый изъ
темнозеленаго геліотропа , двадцать-

первый изъ огненного празера, двад-
 ецатьшестой изъ шемнокраснаго гра-
 ниша, двадцатьшестой изъ красноко-
 фейнаго и фиолетоваго порфира, два-
 дцатьшестой изъ блѣднокраснаго
 граниша, двадцатьшестой изъ опала
 молочнаго цвѣта, двадцатьшестой
 изъ прозеленаго златаго берилля, два-
 дцатьшестой изъ голубожелтаго они-
 кса, двадцатьшестой изъ красножел-
 таго карнѳола или сердолика, два-
 дцатьшестой изъ шополеваго мала-
 хиша, тридцатьшестой изъ златожелта-
 го кризопраса, тридцатьшестой изъ
 желтаго линкура, тридцатьшестой
 изъ лазоревой златовидной лазури, и
 такъ далѣе. Ударение солнечныхъ лу-
 чей во оное производило зрѣлище
 уму человѣческому непостижимое. На
 кормѣ сего удивленіе наводящаго суд-
 на распущенъ былъ на игру въшровъ
 златый флагъ, со изображеніемъ на
 ономъ лука и стрѣлъ, въ шакомъ
 смыслѣ, что солнечные лучи съ спре-
 мленіемъ на землю упадающъ. По сре-
 динѣ судна на возвышенномъ и укра-
 шенномъ такимъ же камнями пре-
 исполъ стоялъ кумиръ Свѣтовидовъ,

бога Солнца и войны, о четырехъ лицахъ, держащій въ лѣвой рукѣ лукъ, а въ правой рогъ изобилія; на головѣ его былъ вѣнецъ, копорый онъ изъ щности меналя и чиспоны онаго испускалъ лучи, на подобіе солнечныхъ, и шаковый же блескъ происходилъ и онъ балдахина, на деревкахъ коего изображены были шрофен, сложенные изъ разныхъ орудій. Гребцы на семъ суднѣ имѣли на себѣ желное одѣяніе.

Потомъ вигнулось чудное судно, покрытое все черною краскою; а уключины по оному сдѣланы были изъ бѣлыхъ веревокъ. На носу видѣнъ былъ несохшій онъ древности старикъ съ крыльями, имѣвшій въ рукахъ весло, на которое онъ опирался; а въ ногахъ его лежали два младенца. На кормѣ распушенъ былъ флагъ чернаго цвѣта, со изображеннымъ на немъ краснымъ бичемъ, у коего на концахъ укрѣплены были игловашые кисшени. По срединѣ судна на возвышенномъ прешолѣ стоялъ кумиръ Чернобога, адскаго бога, держащій въ рукахъ ключи, для показанія, что враша

жизни всегда бывающѣ запершы для шѣхъ, которые вошли уже въ царство его. На головѣ имѣлъ онѣ вѣнецѣ кипарисной. При ногахъ его лежали двѣ фурѣи, у коихъ головы обвишы были змѣями. Пресполь, на кошоромѣ спялъ сей испуканѣ, сдѣланѣ былѣ изѣ металла непловиднаго цвѣта, а дровки у балдахина испещрены были разными орудѣями, коими во адѣ мучашѣ беззаконныхъ. Гребцы на семѣ суднѣ имѣли одѣваніе кроваваго цвѣта.

Подлѣ приснани стояло судно, украшенное различными цвѣтами; машины и райны онаго изувѣшены были гриляндами и феснонами; по срединѣ его на усланномѣ же цвѣтами прешолѣ, спояли два кумира Бѣлбога (*)

(*) БѢЛБОГЪ, или Бѣлцебубѣ, божество Славянѣ Варяжскихъ; испуканѣ сей имѣлъ кровавой образѣ, покрытой множествомѣ мухъ; его почитали они добрымѣ богомѣ; мухи означали его питателемѣ пшарей, жертвовали ему, и подобнымѣ оному веселіемѣ, играми и радостными пированіями.

и Радегаста (*), перваго яко подаше-
 ля всѣхъ благъ, а вшораго защищ-
 ника города Хопыня, и предъ ними
 учрежденъ былъ жершвенникъ со из-
 тошовленною на немъ жершвою. Перво-
 священникъ просилъ Кидала сойти во
 оное, чему послѣдовали и другіе; и
 пакъ по сожженіи жершвы, при-
 гласъ шрубномъ и народномъ воскли-
 цаніи ошправился въ пушь, а за-
 симъ судномъ и весь народъ помѣсти-
 вшись на имѣвшіися шумъ, прежде
 еще сего загошовленные суда, продол-
 жая безпресшанно радосшныя воскли-
 цанія.

(*) РАДЕГАСТЪ, Славенской богъ. Кумиръ
 сей держалъ передъ грудью щитъ, на
 которомъ изображена была воловъ голова,
 въ лѣвой рукѣ конне, а на шлемѣ из-
 браженъ былъ цешухъ съ распростертыми
 крылами; сему богу приносили Славяне
 плѣнныхъ Хриспіанъ на жертву, и
 почитали его защитникомъ и покровите-
 лемъ городовъ.

ГЛАВА X.

В Е Ч Е Р Ъ 90.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Првосвященникъ съ глазами исполненными слезъ, и съ сердцемъ не вмѣщающимъ радости и восхищенія, говорилъ безвѣдующему съ нимъ Кидалу: мы прислушаемъ къ освобожденію цѣлаго государства изъ подвѣи многочисленнаго и сильнаго варварскаго народа, но насъ дружина весьма малая, и мы безоружны. Все наше воинство соснавленнѣе непоспѣвшая нами сила, но есмь, предшествующіе намъ кумиры, которыхъ мы не могли бы и изъ храмовъ нашихъ изнести къ намъ на помощь, ежели бы не учинилъ намъ въ помѣ вспоможенія почтенный Кабалиснѣ; его высокою наукою могли мы выйти ушаенно ошѣ стражи изъ города; его предводительствомъ собрали мы сей флотъ и дерзнули ступить на оча-

Част. V.

Е

ровой оспровѣ. Все спасеніе наше и надежда сосшоушѣ въ нашихъ иштуканахъ; а сила и преодоленіе непріятелей нашихъ въ шебѣ, избранный оубъ боговъ смертный. Мы никакъ неизвѣстны, что послѣдуетъ съ нами по прибытіи нашемъ въ Хошынѣ; но мворимъ волю прорицанія.

Въ продолженіи сихъ словъ увидѣли они легкое судно, плывущее къ нимъ съ великою поспѣшностію, по приближеніи кошораго взошелъ къ нимъ на судно вѣспникъ изъ вѣрно-подданныхъ Олановыхъ, который въ превеликой робости и сердечномъ сокрушеніи увѣдомилъ ихъ о совершенномъ паденіи государсва слѣдующею вѣстію:

Какъ только учинилось вѣдомо въ Хошынѣ, что нѣкошорые знашныя бояре, а съ ними Первосвященникъ и многіе жрецы, взявъ съ собою кумиры, скрылись изъ владѣнія и власши Нахаевой: шо въ ту жь минушу во всемъ городѣ ударили сполохъ, во всѣхъ градскихъ врапахъ опустили рѣшешки и ушвердили всѣ крѣпостныя

заклепы, войско Нахасво вооружилось и наполнило собою городскія сѣтны, во все владѣніе того же часа отправлены гонцы, дабы вездѣ взята была воинская предосшорожность. Всѣ шемницы наполнили Олановыми боярами и приславили нанкрѣпчайшія снаряжи, у всѣхъ вѣрноподданныхъ нашихъ взяно всякое оружіе и положено къ оружейныя палаты, всякому воспрещенъ выходъ изъ дома его подъ страхомъ смертной казни. Всѣ замворены храмы и запечатаны Нахасвою печатью. Народная молва разсѣяна въ Хошынѣ, что ширанъ извѣстился о прибытіи Кидаловомъ на дельфинѣ, и за упаеніе того передъ нимъ воспылалъ злобою на всѣхъ Хошынцовъ, а болѣе на бояръ знашныхъ, и предпріядъ испребишь ихъ всѣхъ осшрѣемъ меча; что завшрешній день конечно исполнено будешъ.

Услышавъ сіе всѣ предстояще ошпенѣли, и не знали, что предпріаши въ шакомъ ошчаянномъ приключеніи. Жрецъ приказалъ угошовишь жершву великому Чернобогу, дабы

умилостивить его и оповратить гнѣвъ, безвременно ихъ постигающей. Алимъ и Кидалъ, обладаемые прореченіемъ боговъ, желали поспѣшать къ снѣнамъ Хошыня, для избавленія несчастнаго народа; а Кабалиснѣ предложилъ имъ о принесеніи загошоваемой жрецами жершвы Чернобогу, и потомъ обѣщаль увѣдомить ихъ о судьбнѣ вѣрноподданныхъ Олановыхъ, находящихся въ Хошынѣ и во всемъ просиранномъ его владѣніи.

Путешествуя по морю Хошынды, не имѣли у себя никакой прѣугошоваемой жершвы; чего ради все множество народа, не исключая ни одного, рѣзали конецъ правой полы своего плащя, и каждый самъ часъ сѣю полагалъ на жершвенникъ Чернобоговъ. По произнесеніи приличныхъ къ тому молишвѣ и по зажженіи жершвы въ дыму, восходящемъ ошъ ошя, въ сомнишельствѣ находящемуся народу открылось явленіе, шѣнь цѣкаго воина, облеченная съ головы до ногъ рыболовною сѣнью; что подданные Олановы приняли для себя наилучшимъ предзнаменованіемъ.

Во время приношенія жертвы Кабалистѣ находился на суднѣ Бѣл-бога и Радегаспа, и производя кабалистическія изчисленія и изслѣдованія, нашелъ, что неечаснѣе Хошынцевѣ прекращено, и власнѣ Нахаева надѣ оными уже миновалась, слѣдовашельно вредишь уже онѣ не въ силахъ; о чемъ и увѣдомилъ все народное собраніе.

Между шѣмъ увидѣли они стѣны города Хошыня, преисполненныя множествомъ воиновъ и воинскаго снаряда, предъ коими на берегу расположена была также многочисленная армія, предводившеся самимъ Нахаемъ и лучшими его Полководцами. Какъ шолько шоржесшвенныя судна при громогласномъ музыкальныхъ орудій согласіи достигли до берега на перешѣль пращи или шрѣлы, тогда изъ арміи Нахаевой пущены были на оныя шрѣлы, шодливымъ множествомъ, что зашмили сіяніе солнца, на подобіе гусной нашедшей шучи; и какъ въ разсужденіи сего воинскаго шрошшвенія не возможно было судамъ ближе къ городу слѣдовашь,

тогда Кабалистѣ предложилъ Кидалу, чтобы оный скинувъ съ руки волшебный перстень, кинулъ его въ море, что Кидаль немедленно и учинилъ. Вдругъ въ глубинѣ морской, на днѣ неизмѣримой бездны, распворилась обширная пучина, извергающая на поверхность воды глыбами землю, илъ, песокъ и самые тяжелые камни; море воспалило и изъ спокойныхъ водъ учинилась шемповидная клокующая смола, изливающаяся изъ среди пучины по всему Варяжскому пошшу, и сѣи бышроспреляющіяся струи смѣсили песокъ и влагу, на подобіе обуреваемого Окіяна; но все сѣе происходило безъ дѣйсствія Борея и при самомъ тихомъ сосноянтіи воздуха; что привело народъ, находящійся на судахъ и воинство Нахлево въ несказанное изумленіе, и каждая сторона почла сѣе божескимъ гнѣвомъ, знаменующимъ въ предпріятіяхъ ихъ неудачу; а потому воинскія сердца въ Арміи Нахлево чувствительнѣе уныли, но храбрость оныхъ прошивъ дѣйсствія и силу волшебныхъ имѣвшася на голѣ Кидаловой въица ни къ чему

уже служить не могла, какъ то въ скоромъ времени и исполнилось.

По усмирении моря и по сокрытии черныхъ и непріязненныхъ струй подъ тяжесшю водою, явилось на поверхности спокойныхъ водъ блестящая колесница, запряженная двумя играющими дельфинами. Основаніе ея сосставлено было изъ большой морской раковины, кошорая, на подобіе распущеннаго павлинаго хвоста, снаружн и изнушри украшена была разноцвѣтными камнями; два поставленные колеса, у коихъ вмѣсто спиць вставлены были извившїяся рыбы, на кошорыхъ чешуя сдѣлана была изъ шлифованнаго восшочнаго хрушала; дельфины вложены были въ колесницу корольковыми припращками, и въ пѣнющїяся ихъ челюсти вложены голубыя вожжи. Назадн колесницы между двумя колесами ушверждены были двѣ рыбы, на подобіе угрей, возвышающїя надъ поверхносшю оныя, и перевиватсь между собою, держали въ челюстяхъ лавровый вѣнецъ, кошорый по вѣщеніи въ колесницу всадника зыблил-

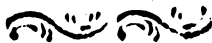
Е 4

ся надъ главою его. Рыбы сдѣланы были изъ голубаго и прозрачнаго хрустала. Сія колесница приближившись къ судну Бѣлбога и Радегаста, гдѣ Кидалъ находился, осшановилась.

Кабалиснѣ вставѣ съ своего мѣста, говорилъ Омарскому Обладателю слѣдующее: Всякъ изъ насъ ошкровенно видишѣ, что мы ни силѣ, ни искусшва не имѣемъ преодолюшь нашего непріятеля, съ шолько многочисленнымъ воиншвомъ подѣ снѣнами Хошыня сшоящаго; слѣдовашелно и несшѣ мы способны, не шокмо освободишь ошечесшво наше чуждой власши, но и вышуншшѣ на берегѣ. А сія чесшѣ и слава произволеніемъ Боговѣ предосшавлена Кидалу, кошарый одинѣ шолько безѣ всякой дружины должесшвуешѣ сразишь съ симѣ воиншвомѣ; ему поборшвовашѣ будешѣ Свшшовидѣ и Радегаснѣ. Время уже прнсѣло, иди на избавленне ошечесшва нашего; сн дельфины предсшавяшѣ шеба къ сшавкѣ самаго Нахая, и что пошомѣ воспослѣдуешѣ, о семѣ извѣсны шолько боги, а

отъ нашего понятія сокрытъ имъ по
за благо произволилось.

Первосвященникъ преклонилъ ко-
лѣно, и всѣ люди находящіяся на
всѣхъ судахъ, по учиненію о шемъ
знаку, шожѣ учинили; чшены были
приличныя къ шому молитвы, съ пла-
чемъ и съ произнесеніемъ прошенія
ошъ сокрушенныхъ сердець о сохране-
ніи Героя, предпріявшаго освободить
ихъ ошечесиво чуждыя власши; по-
шомъ Кидадь садшся въ колесницу
при плачѣ и невѣденіи судьбы своей
народа. Делфины почувшовавъ шя-
жесш въ колесницѣ пускились бы-
стро, ударивъ хвостами по волнамъ,
прямо къ берегу, обремененному шѣ-
нами Хошына, а жрецы и народъ на
судахъ ошались въ шенлой молитвѣ
съ колѣноприклоненіемъ.

ГЛАВА ХІ.

ВЕЧЕРЬ 91.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Вонисиво незаконнаго обладателя Хошыня, усмотрѣвъ плывущаго къ берегу человѣка на дельфинахъ, пришло въ крайнее ошчаяніе, по предсказанію, находящемуся въ надписи надъ Оланомъ. А блеснающая его колесница предсказывала его имъ богомъ, что и наводило на нихъ ужасъ и терпешаніе; и сколько ни старался Нахъ вселить въ нихъ ободреніе, но слова его имъ были не внясны, и снѣ часъ ошъ часу въ большую приходили робость; ошъ чего вскорѣ учинилась и распройка во всѣхъ воинскихъ распораченіяхъ; многіе изъ воиновъ возвращались въ городъ, а другіе сходя со спѣивъ укрывались въ своихъ домахъ. Полководецъ усмотря шакový распорядокъ, послалъ шопчасъ избранныхъ Боярѣ своихъ къ бе-

регу моря извѣститься о прибывшемъ на оной человѣкѣ; по пришествии ихъ пришалъ и Кидалъ ко оному. Явившіеся вдругъ два крылаше юноши, шо ешь Генн, приняли его изъ колесницы подъ руки и повели къ воинсху Нахаеву. Пришедшіе бояре по повелѣнію своего Государя хощѣли спросишь его, но почувсшвовали все, что языки ихъ учинились безъ дѣйсствія; они хощѣли слѣдовать за Кидаломъ, но ощутили, что ноги ихъ лишились движенія, и шакъ ошались на берегу одушевленными сшашуами: ибо ошселъ началось дѣйсствіе и волшебная сила даннаго Кидалу ошѣ Кабалиста вѣнца.

Кидалъ всшупилъ пошомъ въ сшавку Нахаеву; и какъ съ сшмъ преодиншелемъ, со всеми его окружающими и со всемъ воинсшвомъ его учинилось шоже, что и съ боярами его на берегу, шо шакое приключеніе весьма удивило и самаго Кидала. Онъ шоржесшвенно по срединѣ непріательскаго ополченія и въ самой сшавкѣ ихъ Полководца, преклонилъ колѣно и возсыладъ на небо благодарш-

венныя молитвы за испосланную оубъ богоубъ побѣду, надъ многочисленныубъ и сильныубъ воинствубъ, безъ всякаго оубъ него сопрощивленїя и кровопролишїя.

Въ семъ положенїи эзспалъ его Первосеященникъ, Алимъ и Кабалишъ, со всѣубъ прибывшїубъ къ берегу на родомъ: ибо Кабалишту сила и дѣйснвїе вѣнца прежде уже извѣсны были, и они по приказанїю его вышли на берегъ. Все сѣе пришедшее многлюдснво преклонили колѣна предъ Кидаломъ и благодарили его за избавленїе ихъ ошечеснва, посреди и въ глазахъ непрїязненнаго воинснва, которое впрочемъ, имѣвъ всѣ чувснва, не могло токмо имѣшь движенїя.

Попомъ ошверсны были городскїя вороша и начался торжеснвенный вѣ городъ ходъ; впереди несены были кумиры, за ними шли жрецы; а имъ послѣдовалъ избавишель ихъ ошечеснва Кидалъ, сопровождаемый Алимомъ и Кабалишномъ со множеснвомъ народа. Шеснвїе сѣе было во дворецѣ Олановъ, и какъ скоро прибыли во

оной, шо Кидаль приказалъ супругу Нахаеву и всѣхъ ее окружающихъ перемѣстивъ немедленно въ другой опредѣленный къ шому домъ, ибо силы вѣнца даннаго ошъ Кабалиспа на женскій полъ не просширались; Воишсву Оланову вышедъ изъ города и на сѣняхъ принявъ оружіе ошъ Армии Нахаевой и сичшь вездѣ спражу; заключенныхъ въ шемницы знаныхъ господъ немедленно освободишь, а предпочишельно и прежде Дашиноя, брата Оланова, подъ видомъ кошораго будешъ уже испшовой и злобный Аскалошъ, непримримый злодѣй Алима, или лучше всего смершнаго поколѣнїя, кошорые по несчастїю сѣ нимъ знакомшво возѣмѣюшъ. По сїя шайна вѣдома была шокмо одному извергу Аскалону, и одиъ шокмо кошши и кожа, осшавшїяся въ немъ ошъ изнуренїя шемничнаго, препяшсшвовали распознашь различїе между добродѣшельнымъ Дашиноемъ и злобнымъ Аскалономъ; шокмо сердечное чувствїе Алима ошличало Аскалона ошъ его дяди, при самомъ первомъ сѣ свиданїи; но сей справедливый и

безпристрастный вѣстникъ есть безмолвенъ.

Воинство Оланово было уже вооружено, обезоруженіемъ Нахаева бояре освобождены и о наславшемъ благополучіи государсва увѣдомлены и предшояли Кидалу въ торжественныхъ одеждахъ. Первосвященникъ съ дозволенія избавишеля приказалъ во всемъ городѣ ошверснн божескіе храмы и воскуришь жершвы фаміама и всѣхъ благоуханій, собранныхъ изъ всѣхъ часшей свѣша, и во время оживошворенія находящагося въ смершномъ снѣ Олана, всѣмъ жрецамъ и народу произнесишь молишвы предъ жершвенниками съ колѣнопреклоненіемъ.

Наконецъ началось шесшвіе въ то обшпаніе, гдѣ Оланъ двашцашъ лѣш въ числѣ мершвыхъ находился. Въ началѣ, восемь человекъ жрецовъ несли на долгихъ древкахъ прешолъ, покрытый золошою парчою, искусшва восшочныхъ народовъ, на коншромъ шешалъ иешукашъ Радегашовъ, яко зашщшника города; за симъ шесшашцашъ жрецовъ на огромныхъ носи-

лахъ, покрытыхъ аксамитомъ, несли прешолъ, сдѣланной изъ мешалла и украшенный сверкающею молниею, исходящею ошъ камня, держаго Перуномъ сидящимъ на семъ прешолѣ; за симъ сшолько же жрецовъ и на шакихъ же огромныхъ носилахъ, покрытыхъ посшавомъ изъ бишаго золота, несли прешолъ украшенный всеми драгоцѣнными разноцвѣтными каменьями, на кошоромъ видѣнъ былъ кумиръ Свяшвида; за нимъ несеиъ былъ на прешолѣжъ Чернобогъ, кошораго исгуканъ представлялся въ видѣ раскаленной мѣди, и шакъ далѣе; за кумирами несли два боярина бархатную подушку съ золотыми кншями, на кошорой лежалъ княжескій вѣнецъ, осыпанный драгоцѣнными каменьями; попомъ на шакой же подушкѣ несли два боярина золотой мошонокъ, шакимижъ каменьями осыпанный; на шрепшѣй подушкѣ несли цѣпь или гривну, украшенную каменьямижъ, самую шу, кошора шя была съ Олана и дава для подвиговъ Кидалу; за сшо несени были перчатки, зарукавѣ кошорыхъ ули-

зано было бурмишскими зернами; пошомъ мечъ и поясъ со изображеніемъ золотыхъ львиныхъ головъ, а на мечъ орлиной; за симъ кинжалъ и бѣлой плашокъ несли Рынды, на копецъ слѣдовалъ Первосвященникъ, Кидалъ, Алимъ, Кабалиснъ, Бояре и прочіе по порядку.

Какъ шолько передніе жрецы съ Радегасповымъ кумиромъ достигли до того опвершія, по кошорому должно опускашся въ подземное жилище: то внезапно ударилъ страшный подземельный громъ, и все по мѣсто, подъ коимъ находилась Оланова гробница, пошряслось съ великимъ движеніемъ; пошомъ черный густой дымъ, смрадъ и зловоніе спремилсь изъ опвершія подземнаго, какъ самая мрачная туча, долгимъ шолбомъ къ Зенишу, въ густошъ кошораго мрака веъмъ зрящимъ шумъ видна была шѣнь неизмѣримыя величины и огромности, изшедша съ дымомъ изъ подземельнаго жилища. Сіе страшнелище опходя въ неизвѣсшную дорогу, ужаснымъ голосомъ взревѣло; а въ дикосши звука

онѣ него произшедшаго , слышались
всѣмъ слѣдующія изреченія :

*Безъ насыщенія оставлю сей зрѣтыя ,
Тѣмъ зрѣтыя неплыв.*

Кабалисиѣ увѣдомилъ Кидала и
всѣхъ шушѣ бывшихъ , что дѣйствіе
емѣ симѣ и видѣніемѣ прервалъсь вол-
шебная власшь надѣ симѣ очарован-
нымъ мѣстомѣ , и злой духъ ошле-
пая ошселѣ , обтѣяснилѣ , что произ-
воленіемѣ рока власшь демонская
прекрасилась.

По очисшившемся зловоніи , и ко-
гда ужасное безобразіе адской шѣли
разорвавшись въ воздухъ исчезло , по-
гда жрецы принесенными кумирами
оградилъ подземное ошверстіе , въ
которое Первосвященникѣ съ нѣкошо-
рыми жрецами и съ домашними куми-
рами , Кидалѣ , Алимѣ , Лекалонѣ ,
Кабалисиѣ и нѣкошорое число боярѣ
вступили. Снѣны сего зданія произ-
водя ужасѣ , кажешся , сами онѣ онаго
препешали ; видѣ ихѣ и расположе-
ніе знаменовали печаль , ошчаяніе и
слезы ; мрачнестѣ и каплющая без-
преспанно ѣдкая влажностѣ пред-

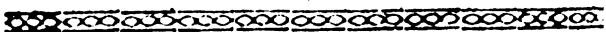
Част. V. Ж

спавляли ихъ преддверіемъ ада и обитаніемъ печальныхъ пѣней; своды ихъ закрывшись зловоннымъ вхомя , казалось, сами чувствовали ошвращеніе ошв несшерпимой сырости и смрада. По срединѣ сего ошчаянный сшонъ производящаго зданія висѣла закопшѣлая лампада , кошорая ошв сырости и безпресшанно падающихъ капель поминушно казалась погасасмою. Полъ передъ софюю Обладашеля Хошыня пренсполненъ былъ болошной шины , кошорая ошв превел кой и ѣдкой влажносши , казалось, какъ будно бы поминушно закисала. Всежъ сіе проишло ошв того , что никшо не дезалъ всшунншь въ сіе жилище , ежели не хошѣлъ шакже усыпленъ бышь вѣчнымъ сномъ , и во всѣ шѣ двашцашъ лѣшъ одинъ шокмо Кабалисшъ входилъ въ сіе зданіе для сшашя сѣ Олаша цени и возложенія ея на Кидала , что жрецамъ великой суммы , а ему еще большаго ошвѣша сшоло.

По принесеніи домашнимъ богамъ жершвы , Кидалѣ коснулся першомъ обшхъ глазъ Олашовыхъ , и лишь

шолько онъ сѣе учинилъ, то паки все зданіе зашрепешало, мрачності и влага вси исчезла и на мѣсто ихъ явились свѣтъ и сухость, снѣны уподобились бѣлизною яриць, а на мѣсто шуской лампады ошворились окна, получающія свѣтъ съ земной поверхности. Воины, сидѣвшіе подлѣ Олана положивъ мечи на землю, встали и со удивленіемъ смотрѣли на предшоящихъ. вмѣсто черной доски надъ Оланомъ явилась пошчасъ бѣлая со изображенными на ней золотыми словами, слѣдующаго содержанія : „ Запрещеніе Триздѣ поюй, Олану, Алану, Илакшѣ и два раза убишой онъ Аскалона Аскатядѣ благодаренствіе. „ Пошомъ ошворилъ глаза Оланъ, всѣхъ сердца воспылали радостію и показались изъ глазъ ихъ горячія слезы, съ копорыми совокупилась и сирадавнзго Олана: ибо при полученіи чувствѣ предсзавилось ему несчастное его состояніе, о копоромъ онъ воображалъ, что и теперь въ немъ же находишся, понеже бывший его дваццашилѣшній сонъ предсзавлялся ему одною шолько по-

щю. Но Первосвященникъ увѣдомивъ его кратко предложилъ одежды, по возложеніи кошорыхъ при громогласномъ ошѣ народа восклицаніи и цѣлованіи рукъ его и одежды слѣдовали въ храмъ Перуновъ, неся Первосвященникъ передъ собою доску, явившуюся надъ Оланомъ, яко знакъ благодаренія ихъ посланный ошѣ боговъ и начертанный всесильною ихъ рукою, кошорую и повѣсили въ томъ храмѣ въ знакъ вѣчнаго возблагодаренія.

ГЛАВА XII.

ВЕЧЕРЬ 92.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

По принесеніи жершвы и по возвращеніи изъ храма держанъ былъ съ вѣшью о бывшемъ обладателѣ Нахатъ о его воинствѣ, въ коемъ удумавъ ошпуснитъ его и воинство безборужныхъ, не учиня ни малѣйшаго озлобл

ля, въ благодарности къ богамъ за
чиненное ошъ нихъ милосердіе; что
погожъ дня и исполнено, и съ сего
гаса правленіе и судопроизводство
въ государствѣ объявлено бывшимъ
при Оланѣ порядкомъ.

По разсвѣшаніи слѣдующаго дня
Первосвященникъ со всюю подробнос-
тью увѣдомилъ Олана, что происхо-
дило въ его государствѣ во время
двадцатишестилѣтняго его сна, и какимъ
вѣснотнымъ игомъ обременены были
его подданные; что слушалъ Оланъ
съ прискорбіемъ сердца своего, забы-
ла даже полученное имъ нынѣ благо-
денствіе; для чего и предпріято бы-
ло учрежденіемъ особаго сословія воз-
становишь благополучіе шѣхъ поддан-
ныхъ, кошорые ошъ Нахая лишены
были почешей и имѣнія.

Кидаль окончавъ геройскіе подвиги,
а Алимъ узрѣвъ ожившвореннаго
родишеля и возстановленное царство
ему принадлежащее, почувствовали
въ сердцахъ своихъ, какъ имъ казалось,
большую прежней силу владѣющей
ими любви. Плакеша живо предша-

влялась въ воображеніяхъ Кидаловыхъ въ неизвѣстномъ ея путешествіи; а въ сердцѣ Алимовомъ незаглаждаемое впечатлѣніе оспалось изображенныя на доскѣ словъ, два раза убіенной оиѣ Аскалона Аскліядѣ. Торжественное возстановленіе царства, при всякомъ народномъ благодарственномъ молении и на всякомъ пиршествѣ находились они съ Оланомъ, нося всюду съ собою тяжеснѣе несноснаго бремени любовныя сирасни, которая нѣкоторымъ образомъ помрачала ихъ видъ геройства, что вскоре замѣчено было всѣми, а особливо прзорливымъ Оланомъ, чѣмъ чувствительное сердце его встревожилось во многомъ. Ибо въ первомъ изъ нихъ видѣлъ оиѣ избавленія своего и своихъ подданныхъ, а во второмъ сердечно предчувствовало имѣннѣе открывшагося сына, надежду будущиѣхъ благополучныхъ временъ для своихъ вѣроподданныхъ; но какое поданнѣе имѣ въ томъ уменьшеніе или надежду, находился вовсе неизвѣстенъ, слѣдовательно и самъ обремененъ будучи сею печалію казался не въ полномъ удовольствіи и во

зущеніи совершеннаго благоденствія, что видя и окружающіе его вѣрно-подданные, чувствовали нѣкошорый родъ унынія. Но испоконкѣ щедростѣ благоволенія боговѣ ко всему племяни Оланову и къ его подданнымѣ находилась уже опровершымѣ безѣ покрова, изѣ кошораго могли они почерпашъ все наслажденія, какія шолько остѣ пресшоло милосердія прощешекашъ могли во удовольствіе, радости и восхищеніе сердецѣ всего земкороднаго племени.

Вѣ нѣкошорый день, при восхожденіи солнечномѣ, объявлено Государю, что къ берегамѣ Хошынн прибывли два корабля, на конхѣ начальшвушѣ двѣ женщины. Кидаль и Алимѣ велелся учинишъ имѣ вешрѣчу, и увѣдомясь о родѣ ихѣ и надобности бышѣ вѣ Хошынѣ, увѣдомишъ Олана.

Сей случай совершенно доказывашъ произволеніе боговѣ, милующихѣ Олана и ниспосылающихѣ ему за прешерпѣніе всякое удовольствіе, какое шолько смершннй во время жизни его вкусишъ можшѣ. Когожѣ

Кидалъ и Алимъ увидѣли ? Плакешу и Аскляду. Милосердые боги ! возопили они всѣ вообще и бросились совокупно все другъ ко другу въ объятія, будучи уже Плакеша и Аскляда обо всемъ происшедшемъ въ Хошынѣ извѣстными. И хоша въ такомъ шолько случаѣ гордосшь дѣвиць въ разсужденіи Кидала приличеснивовала, но крайняя къ нему благодарносшь преодолѣла въ ней усшановленные на шаковые случаи обхожденіемъ обряды. По миновеніи первыхъ сихъ восхищеній и по увѣдомленіи другъ друга, сколько крашкосшь времени дозволила, спѣшили они къ Олану, яко къ общему ихъ ошцу, кошорый до сего времени ни о сынѣ ни о дочери извѣшенъ не былъ. Предсшавъ передъ него сшали они всѣ на колѣни, чѣмъ нечаянно привели въ незапное смущеніе чувствившешаго Госудря, сидящаго вмѣстѣ съ самозванцомъ Дашиноемъ.

Въ докончаніе вышкихъ милоспей, испосылаемыхъ тебѣ нынѣ ошѣ всещедрыхъ Боговъ, говорилъ шакъ Алимъ споящій на колѣнахъ, испо-

сылающѣ тебѣ во мнѣ сына, а въ ней, указывая на Плакешу, дочь; сѣи еси моя супруга, говоря оубо Асклядѣ, а кидалѣ желаетѣ быти усыновленѣ сововупленіемъ сѣ нимъ дочери швейи Плакешы. Оланѣ подиявѣ къ небу взорѣ и длани, возносилѣ въ жершву милосщивымъ богамъ молитвы и фирміамъ горящаго сердца его благодарнощію. Мнимый Дашинной снюалѣ неподвиженѣ; злобный образѣ его покрылся синевашною блѣднощію, кровожаждущіе глаза усшремая на Аскляду осшенѣли, звѣрская сшрасшя его подвига ядовитое сердце, зараженная желчь въ немъ охладѣла, и пакш усшремилѣ желаніе къ досшиженію или погубленію невинныя жершвы. Оланѣ принялѣ ихъ всехъ въ свои обѣашія, что должно было учинишя и брашу его Дашинною, къ кошоруку какъ скоро, слѣдуя за другими, подошла Аскляда, шо вскричавѣ онѣ ужаса неизвасненнымъ голосомъ, лишилась всехъ чувствъ и упала мертвою въ руки предшоящихъ.

Такое приключеніе произвело во всехъ предшоящихъ неизрѣченное

смяшеніе ; всѣ видѣли ее лишенною чувствъ, но причины пому никто, кромѣ Аскалона , не понималъ. Сшарались подать ей помощь, но ничто не успѣвало ; однако Кабалисшъ взялся привести ее въ чувство, что по минованіи нѣкотораго времени и исполнилъ. И такъ сіе первое открытіе родства присуществіемъ злобнаго Аскалона и подъ образомъ добродѣтельнаго и убійнаго въ шемницѣ Дашиноя препящствовано было ко излѣченію всѣхъ чувствъ сердецъ соединенныхъ.

По полученіи Асклядою чувствъ, Алимъ желая бышь о такомъ удивительномъ приключеніи извѣщенъ, спросилъ о томъ у оныя ; на что ошвѣщствовала Аскляда слѣдующее : Возлюбленный мой супругъ, извѣстно шебѣ коликое гоненіе прешерпѣла я ошъ моего рока, сколько бѣдъ и напасшей приключила мнѣ соперничествуя волшебница, сколько чувствовала и преодоляла я гоненій и неблаговоленія раздраженныхъ боговъ : разъ была убійна, о кошоромъ шы извѣщенъ, а другой, о кошоромъ шы

еще и свидѣнїя не имѣешь; я сердечно желаю, чтобѣ мнѣнїемъ моимъ ошиблась, и чтобы узрѣвшїе глаза мои меня обманули; но сердце и живѣйшее чувствїе оного предсказали мнѣ вмѣсто дяди своего Дашиноя изверга Аскалона. Бхидный его образъ сколько впрочемъ ни измѣнился, но черты лица его, изображающїе ядовитость сердца его и злыя намѣренїя, дословѣрно его обнарижили, и всейшой радости, какую я чувствовашь должнъ при свиданїи съ тобою, меня лишили и вмѣсто восхищенїя, довлеющаго въ семъ случаѣ, исполнили меня ужаса и ошчаченїя. Выслушавъ сіе Алимъ почувствовалъ въ себѣ пожѣ самое движенїе сердца своего, какое ощущала и его супруга; но не имѣвъ къ тому ни малѣйшаго предусмотрѣнїя, долженствовалъ оснаться въ невѣденїи, и не видавъ и не зная ошъ рожденїя своего дяди Дашиноя, предпрїялъ ошъ знающихъ увѣдомиться, что и учинилъ безъ дальнаго шруда: ибо Первосвященникъ, Кабалишѣ и всѣ бояра на вопросѣ его увѣдомили, что они великое различїе полагающѣ

между Дашинцемъ и видимою имъ особою; а сего шо ради и предпріалъ Алимъ ошъ самая шой особы изушсно и дошновѣрно увѣдомилъ обо всемъ шомъ, чшо благоденствію Княжескаго дома наносило препону и замѣшашельство. Но милующіе уже ихъ боги предупредили Алимово намѣреніе.

Того же дня по зашесивіи солнечномъ присланный ошъ самозванца Дашіноя просилъ Алима навѣшншь его въ его обшпаніи, предшавляя необходимую въ шомъ надобность.

Алимъ ни мало немедля спѣшилъ прозьбу его и свое желаніе исполнишь. И какъ только вспушилъ онъ въ его покои, шо и увидѣлъ, чшо радость, шоржесство и благоденствіе, кошорыми преисполненъ былъ въ шо время весь городъ Хошынъ, мѣсна сего не касались и чувствія восхищенія обшпанію сему коснушься не смѣли, а вмѣсно шого водворены были ужасъ, ошчаяніе и сшсшше сердечное. Сшѣны внутри покоевъ закрышы были черными завѣсами и никакова украшенія во оныхъ не находилось; въ перед-

немѣ углу стояла софа покрытая бѣлымъ покрываломъ, передъ нею столъ съ черною поволокою, на которомъ стоялъ домашній кумиръ Чернобоговъ, передъ которымъ лежалъ черепъ головы человеческой и нѣсколько мучительныхъ адскихъ орудій, и горѣла исшомленно одна только свѣча. Дашниной, или лучше Аскалонъ, при входѣ Алима сидѣлъ на софѣ облокотясь рукою на столъ, и былъ въ неизрѣченномъ ужасѣ; лице его покрыто было бѣдносною и члены всѣ нрепенали, шакъ что исшуканъ Чернобоговъ находился ошѣ того въ движеніи. Осиплымъ, спраннымъ и прерывающимся голосомъ просилъ Аскалонъ Алима сість подлѣ себя на софу, что Алимъ шопчасѣ и учинилъ, смотря со удивленіемъ на все ему предшавившееся. Тѣпещущій ошѣ ужаса Аскалонъ началъ говорить шакимъ образомъ: Ты видишь передъ собою беззаконника, пришедшаго въ раскаяніе, при послѣднемъ концѣ своей жизни. Я не Дашниной, кошораго образъ предшавляю, но емь его убійца, извѣстный тебѣ

Аскалонъ. При семъ словѣ Алимъ ужаснулся; но въ шрепешъ приведенъ былъ большимъ и страшнѣйшимъ се-го приключеніемъ. Въ шожъ время восколебался весь покой, софа и епелъ пошряслись, и произнесъ спра-шннй голосъ, подобенъ грому, или реву огнедынущихъ горъ, си слова прочаженно: *врс-мя, Ас-ка-лонъ*. И доколъ Алимъ находился у Аскало-на, шо чрезъ каждую минушу дѣла-лось шакое пошрясеніе зданія и произ-несеніе спрашннато шаковато приговора. Въ ужасномъ шрепешъ раскаявающийся, но нездно, Аскалонъ продолжалъ дро-жащимъ и охриплымъ голосомъ: жизнь мою препроводилъ я, не повинуюся ни-какому закону, не признавалъ всемо-гущаго Сущесннва и подвергалъ все случаю, не имѣлъ блянчато и желалъ всякому зла, былъ много разъ убій-цею неповинныхъ, въ шомъ числѣ дважды и швося супруги, пожелалъ убннш ошца моего и далъ дяволу кровью моею рукописаніе и кляшбу злодѣйсннвовашъ всему роду человѣ-ческому, не храня и самыхъ священ-ныхъ обрядовъ и нещадя своихъ родъ

свѣтениковъ. Пребываніе мое на семъ свѣтѣ по произволенію дьявола уже окончаваеися, и сей страшный гласъ, слышанный тобою, зовещъ меня изъ свѣта во адъ на опредѣленные мнѣ жесточайшія мученія.

При семъ словѣ задрался онъ слезами и продолжалъ: Не смѣю призывать въ помощь прогнѣваннаго мною всевышняго Существа и просить ошпущенія грѣховъ моихъ, пошому что передъ престоломъ его предстоиашъ съ жалобою все мною неповинно убисенные; не смѣю просить прощенія и ушхъ, кому я приключилъ все на свѣтѣ злоси; но дѣламъ моимъ ославленъ я онъ всехъ и предаюсь теперь въ руки дьяволовъ. *Всѣ-мя, Аскалонъ*, паки при восколебаніи всего зданія страшнымъ и ужасъ сымъ Героямъ изводящимъ голосомъ произнесены были сіи слова. Аскалонъ ешодъ былъ обьяншъ смершельнымъ ужасомъ, что не шокмо все члены его, но и sofa, на которой онъ сидѣлъ, въ безпрешанномъ находилась движеніи. Злоси изъ сердца его изъ

чезла, а робосишь его и опчаянїе изъ-
 являли слезы, безпрестанно ліющіяся
 изъ глазъ его, на подобіе жены, не
 неизрѣченную оцущающей горести.
 Онъ лобызалъ руки Алимовы и про-
 силъ, забывъ всѣ злосии причиненныя
 имъ ему и супругѣ его, поданшь, ежели
 есть къ тому возможность, какую ни
 есть помощь прошивъ дѣйствія дѣя-
 вольскаго и непреоборимыя его силы.

Сердцамъ исполненнымъ добродѣ-
 тели сродно великодушїе: Алимъ оп-
 пустивъ ему всѣ причиненныя дому
 его злодѣянїя, совѣшовалъ принесши
 чистосердечное покаянїе всемогущему
 Сущесшву, и единое шю призывашъ
 себѣ въ помѣць; но робосишь, сродная
 подлымъ душамъ, произвела въ Аска-
 лонѣ и съ шомъ уже опчаянїе. Чего
 ради Алимъ пожелалъ пригласишь къ
 нему Кидала и Кабалисна, но по-
 сланшь за ними не ошѣискалъ онъ ни
 единого служившеля, кошорые онъ
 ужаса, происходимаго въ покояхъ Ас-
 калоновыхъ произношенїемъ демон-
 скаго голоса, всѣ сокрылись: почему
 и принужденъ былъ Алимъ съ опча-

яннымъ и въ трепетѣ находящимся Аскалономъ препроводить всю ночь безо сна, чувствуня и самъ нѣкошорое содроганіе ошъ непрязненной силы, кошорая во все мрачное время разными дѣйствіями и подѣ разными видами оказывала свое несповсшво и властнъ надѣ добычею шѣдомъ преобрѣшлемою.

ГЛАВА XIII.

ВЕЧЕРЬ 93.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

По ушру когда извѣстился Дворѣ и весь городѣ о превращеніи Аскалономѣ, и народная молва разсѣлаа по всюду всѣ учиненныя имѣ злодѣанія, шо не ошѣ искался ни единый человекѣ, кошорый бы возимѣлъ сожалѣніе о ниспуплющей ему злѣйшей демонской учлени. Но Оланѣ,

Част. V.

3

Алимъ и Кидалъ пренебрегши презрительныя дѣла имъ произведенныя, предпріяли учинить ему помощь; но какъ произвести въ дѣйствіе, того не понимали. Въ чемъ и осталась одна только надежда на Кабалисна. По предложеніи кошорому полученъ былъ слѣдующій ошвѣ^{всѣ}: что главныя правила шамиственной его науки состояли въ томъ, дабы дѣлать доброе и искоренять злое; слѣдовательно насущною участію ко испреблѣнію злобнаго Аскалона осшановляше не должно, ибо пошеряніемъ сего изверга спасены будутъ многіе, невинныи ошъ него поспрадашь могущіе; и Алимъ и Кидалъ просили Кабалиста, чтобы оный изъ единшвеннаго только сожалѣнія къ неизбясненному спраждушему человеку оказалъ свое благодѣяніе съ шѣмъ однакожъ, чтобы оставшійся на свѣтѣ Аскалонъ не могъ вредить смершнымъ и чтобы всѣ способы къ тому ошныи у него были, и чтобы сіе произведеніе было шекущимъ днемъ, для того что въ слѣдующую ночь испяжущіи душу его дѣволы.

Кабалиснѣ объяснилъ имѣ , что дѣйствіе по отношенію будешь ему толкаго труда, какова онѣ въ жизни своей еще не предпринималъ, и ни для когобѣ того сдѣлать не похотѣлъ; однако для избавленія шроднаго и насморящаго моржеснва въ угодность своего Государя учинилъ онѣ геройскій подвигѣ , ошвлеченіемѣ изверга на нѣкоторое время онѣ определенной ему адской муки , избавилъ однакожѣ родѣ человѣческій онѣ яда , носимаго онымѣ извергомѣ на сердце его , языкѣ и въ глазахѣ , и что къ сему прудному и важному дѣйствію прислушались онѣ въ слѣдующую ночь , учинилъ къ тому прѣугошование во весь шекующій день.

По насшупленіи ночи Алимѣ и Кидалѣ прибыли къ Аскалону , котораго ищали лежащаго уже безѣ чувствѣ , измученнаго навожденіемѣ дѣвольскимѣ , та коша они прибывѣ вскорѣ и Кабалиснѣ . Оный при первомѣ на него взглядѣ казался имѣ выступившимъ изѣ своего ума ; глаза его приполнены были яростію , а лице покрыто образомѣ звѣрснва , дыханіе его помн-

нупно остановлялось, грудь воздымалась и губы запекались, голова и руки въ безпрестанномъ были трясе-нии, отъ чего легкое на немъ платье непрестанно трепетало, какъ будто раздуваемо будучи вѣтромъ. Положилъ онъ на шолъ иѣкакой черной камень, по одну сторону его скипетръ дре-вяго масперсхва и фигуры, сдѣлан-ный изъ пепловиднаго и неозрачна-го камня, а по другую поставилъ хрустальный сосудъ, исполненный красною жидкою мапертею; а въ загла-вьи поставилъ пипцу ворона, пред-ставляющагося живымъ, но сдѣлан-наго впрочемъ изъ мешалла. Попомъ охриплымъ и прерывающимся голо-сомъ сказалъ Алимю и Кидлау: спазньте къ спѣнѣ и во все время страшнаго сего дѣйствія будьте без-молвны и неподвижны, бодрствуйте и не спрашивайте ужаснаго видѣннѣ. Наконецъ очершивъ шо мѣсто, на ко-торомъ онъ споялъ, мѣломъ, сдѣлалъ три круга изъ онаго и положивъ на полъ большое зеркало сталъ на оное, поднялъ взоръ и руки къ верху и закричалъ споль громкимъ и шолъ

спрашнымъ голосомъ , что два молодые героя , не спрашась впрочемъ цѣлаго ополченія непріятельскаго , пришли оиъ того въ превеликое движеніе ; лица ихъ поблѣднѣли и сердца затрепетали , и даже до того содрогнулись , что вселилось желаніе въ нихъ выйти изъ сего очарованнаго покоя ; но пришедъ въ себя и исполнясь бодрости , остались нушь во все сіе спрашное и уму человѣческому непоспимое волшебное дѣйствіе.

Пономъ во громогласномъ семъ произношеніи Кабалиста , начали слышимы бышь слѣдующія заклинанія :

„Гласъ освященнаго воспорга , бурные вихри проникнувъ хляби земныя внушили изобрѣшателю шаманственыя и величественныя науки Зороастру (*) и послѣдователю его Архимеду , и выдослѣпочтенныя шѣми,

3 3

(*) ЗОРОАСТРЪ , Царь Бактріанской. Онъ первой выдумалъ волшебную науку , но другой Зороастръ , которой жилъ въ Даріево время , перемѣнилъ нѣкоторыя обряды въ Персидскомъ законѣ и сдѣлалъ новую секту.

покоюющіяся въ поляхъ Елиссейскихъ (*), предшаньше моему предпріятію: подвигъ досшоніиъ вашего присущствія, и я власнѣю, мнѣ ошѣ васѣ данною дерзтію вызванъ васѣ изѣ глубины неизвѣстной на поверхноснѣ земную. При семѣ послѣднемѣ словѣ охладѣль въ покоѣ воздухѣ, шочно какѣ и чувствительнѣ морозѣ; поднались вихри, и шумѣ ошѣ нихѣ производящій подобенѣ былѣ многоспершемуся льду въ великомѣ рѣчномѣ уснѣ, котораго шрѣнїе въ далекомѣ разстоянїи слышимо. Ошверзались по шпоронамѣ Кабалнша двѣ пропасши, изѣ которыхѣ въ густомѣ дыму высунули двѣ усоннїя шѣни; пропасши зашверзались, дымѣ изчезѣ и онѣ спали обѣ по шпоронамѣ Кабалнша. Росну

(*) ПОЛЯ ЕЛИС ЕЙСКІЯ, гдѣ души праведныхъ наслаждались совершеннымѣ шшествомѣ до шѣхѣ перѣ, пока онѣ не возвращались, для ожив шворенїя другихѣ шѣхѣ; шгда шли онѣ вѣду изѣ рѣки Лее, имѣющей въ себѣ силу приводнше въ забвенте все, что видѣли онѣ въ Паупоновомѣ царствѣ. П вѣсправующѣ о сихѣ поляхѣ, что они прїятныя и вселыя, и гдѣ находятся, не извѣстно.

или онъ высокаго съ коротничками
 ющимися бородами, въ бѣлыхъ
 олгихъ одѣянїяхъ, опоясаны фешюна-
 н; у одной голова была не покры-
 та, а другая въ бѣлой воспрой
 апкѣ на подобіе сахарной головы.
 Кабалистѣ сдѣлали имъ самое уни-
 женное почтеніе наклоненїемъ головы
 принесенїемъ правой руки къ свое-
 у сердцу. Впрочемъ шѣни спояли
 неподвижно, какъ сдѣланныя изъ
 рамора въ шускломъ шолько видѣ.

Ужасъ и въ семъ случаѣ не ос-
 тавилъ коснувшись двумъ молодымъ
 ероямъ, но ободривъ другъ друга
 сообщили о шомъ свое мнѣніе за-
 бжаніе кабалиста имъ не позволяло;
 такъ спояли они неподвижными и
 езмолвными, ожидая не окончанїя еще,
 о спрашнѣйшихъ и ужаснѣйшихъ
 ывшихъ до сего дѣйсствїй волшебныхъ
 очарованныхъ предпрїятїй.

По семъ. возвышая голосъ продол-
 салъ Кабалистѣ вызываніе: „Прокля-
 тый и ненависшый небомъ и всякою
 озданною ошъ него шварїю, сильный
 нязь злыхъ духовъ Гомалисѣ, заклин-

наю тебя великимъ Чернобогомъ ,
 симъ камнемъ, опдѣленнымъ ошъ его
 престола и всѣмъ Адамъ, держа-
 нымъ скипетромъ царствующа надъ
 всѣми прочими панцшвенныя нащя
 науки, и симъ выскопочшенными
 предспоящими здѣсь шфнями, сей часъ
 предспанъ моему произволу и закли-
 нанію, для услышанія назначенія учас-
 ши добровольно предавшягося тебѣ
 Аскалона. „

По окончаніи сего Кабалищъ
 ушихъ, подожа правую руку на чер-
 ной камень, и пощудя голову внизъ
 шоялъ неподвиженъ. Стояшіе Герои
 почувшовади въ горницѣ ужасный
 смрадъ и зловоніе, къ снесенію ко-
 шораго едва шерпимости въ нихъ до-
 шавало; появился пощомъ черный и
 густой дымъ, сокрывшій ошъ нихъ
 находящійся въ горницѣ свѣшъ, Ка-
 балища и шѣни; наконецъ слышанъ
 былъ стонъ многоразличныхъ свирѣ-
 пыхъ и дико ревушихъ живощныхъ,
 ошчаянные, шяжелые, въ шресеніе
 сшѣны приводящіе вздохи, подобные
 опверсшымъ земнымъ хлябямъ, изры-
 гающимъ изъ себя великое изобиліе

огнепальной махерѣи, за шѣмъ плачь
и вопль невообразимаго множесивна
ярода, и дикоревущіе голоса подобны
были происходящимъ онѣмъ людей ди-
кихъ обитавшихъ на краю земномъ,
пишавшихся сыростью и плотожд-
сшвомъ. Адской ихъ ревъ и сщонаніе
мучащихся фуріями (*) заглушали
слова Кабалисша; однако Герои хотя
смущно, но могли онѣя слышать.
„Сила сего камня, говорилъ онѣ Гома-
лису сшоящему предѣ сшоломъ на
колѣнахъ, и положивъ на голову его
руку, самодержавный скипетръ и при-
сущесшвуюющія шѣни запрещающъ пе-
бѣ нынѣ покинешь во адѣ Аскалона; а
опредѣляющъ продолжишь жизнь его въ
другомъ шолько видѣ, безъ всякаго уже
нанесенія вреда роду человѣческому, но

3 5

(*) ФУРІИ, адскія богини. дочери Ахе-
рона и нечи, служительницы Плуптоновы,
и мстительницы за беззаконіе. Онѣ въ
тартарѣ мучатъ и бьютъ пламенными
бичами тѣхъ, кои беззаконно на свѣтѣ
жили. Ихъ было три: Алекта, Мегера
и Тизифона; имѣли онѣ пламенные глаза,
на головахъ змѣи въ рукахъ зазженные
пуки лучинъ; при нихъ присутствовали
всегда ужасъ, неистовство и смерть.

воспрепятствуя впрочемъ власпи швоей надъ онымъ: ибо преданіе его шебъ ешь добровольное, но и ожидай похищенія его нѣ будущее время и исчезни ошъ сего мѣша. „

Вдругъ слышны были подъ землею сильные громовые удары, прерывая одинъ другаго безпрестанно; земля восплебалась и подъ зданемъ, въ коемъ Герои находились, учинилась безпрестанная зыбь, горница шашалась, какъ корабль на волнующемся морѣ, шибны и всѣ укрѣпленія прещали, и казалось, что разрушился все зданіе и превращиши въ пыль; ревъ, шноиъ и вой неизвѣстено усилились, смрадъ и зловоніе увеличилось, дымъ и мгла ошнавъ прежде еще свѣшнъ, закрыли наконецъ и глаза Героямъ, конорые прешупивъ уже повелѣніе Кабалисшова взяли ся за руки и другъ друга во время вошненія зданія поддерживали.

По мишвантіи нѣкошораго времени все сіе шрашное шривидѣніе исчезло, но ешь, сокрылись шѣни и адекое зловоніе и шноиъ пропали, Кидалъ и Алимъ увидѣди Кабалисша

лежащаго на полу во окруженіи без-
 чувствевна и неподвижна , однако по
 довольномъ времени пришедшаго въ
 памашь . Онъ взявъ скиншрѣ въ пра-
 вую руку и простерши онъ себя оную,
 говорилъ шзко : „Танисшво неизсѣдо-
 ванное , глубина премудрости , бездна
 сокровенныхъ свѣдѣній превыше во
 многомъ поняшя человеческого , при-
 обрѣшенныя шрудомъ и прилѣжаніемъ,
 всѣ совокупно предшанше мнѣ ше-
 перь , да учиню подвнѣ , досшойный
 самодержавной и преешешвенныя на-
 уки; предшанъ власши и произволецію
 моему, Аскалонъ ! „По семъ увидѣли
 Аскалона сшоящаго передъ нимъ на
 колѣнахъ , и Кабалисшѣ положиѣ на
 голову его скиншрѣ, продолжалъ: „Бо-
 ги, кошорыхъ шы предъ самансю он-
 рекъ , и предалъ себя добровольно во
 власшѣ дѣвола данною кляшвою и
 рукописаніемъ , осшавили шебя въ до-
 бычу Ада , и въ сію ночь богами про-
 кляшое шѣло швое и смрадная въ немъ
 душа долженшвовали взшны бышѣ
 демонами , но за добродѣтель Ашма
 и Кидала осшановляющѣ швое низ-
 верженіе на нѣкоторое время , онѣ-

емля одизкожѣ у себя половину
человѣческаго образа , и всѣ чело-
вѣческія чувства и понятія , награж-
дая себя половиною образа скошска-
го , а понятіемъ звѣрскимъ. ,, Попомѣ
положа скипеирѣ взялъ стоящій на
сподѣ сосудъ , изъ котораго жидкою
манертею окропилъ Аскалона три
раза.

Вдругъ изъ унылой подлой души
представилъ молодой и бодрой Пол-
канѣ, ошѣ головы и по чреву имѣющей
образъ человѣческій , а ошѣ ошго сло-
женіе конское , облов и снройное ,
бодрлся и билъ копытами въ землю,
не бывъ обузданъ порывался во всѣ
стороны , какъ молодой звѣрь , изъ-
являя охоту къ риспанію по непро-
ходимымъ дѣбрямъ и пустынямъ ; для
чего Кабалншѣ приказалъ присту-
пить къ нему Алимѣ и Кидалу и воз-
держать ошѣ устремленія , доколѣ
онѣ окончатѣ шансшвенныя сѣидѣй-
сшвія. Попомѣ посшавя сосудъ взялъ
таки скипеирѣ и коснулся онымъ во-
рона , который ошѣ шого прикосно-
венія сдѣлался оживошвореннымъ ,
распростерѣ крылья свои и ожидалъ

повелѣнія ошѣ Кабалиспа, который говорилъ ему слѣдующее: „Танншвенный вѣспникъ, проникнувъ расшворенныя хляби земныя, достигни до ада и предскажи пресполю великаго Чернобога, возвѣсти ему здѣсь бывшее и внуши заклятіе Гомалиса и превращеніе Аскалоново, учиненное для просящихъ особъ, исполненныхъ особливыми и высокими качествами добродѣтели, силою самодержавныя и танншвенныя науки и властію моею, данною мнѣ ошѣ высокопочтенныхъ ея изобрѣтателей къ произведенію добрыхъ дѣлъ. „Воронъ выслушавъ сіе отправился въ пущь, а Полкана приказалъ Кабалисшѣ Алимю и Кидалу, выведя за градскія сѣны, пущини въ открытомъ полѣ.

ГЛАВА XIV.

ВЕЧЕРЬ 94.

Продолженіе Кидаловыхъ приключеній.

Такимъ образомъ ошнаны были все способы у кенсцоваго Аска-

лона къ поврежденію ближняго .
 чѣмъ Алимъ и Аскліяда еділались
 вѣчно успокоенными, забывъ все при-
 чиненныя имъ ошѣ сего изверга озло-
 бленія. А какъ Алимъ о послѣднемъ
 приключеніи съ Аскліядою былъ еще
 неизвѣстенъ, но и пожелалъ ошѣ
 оныя увѣдомленія. Супруга его раз-
 сказала ему подробно до того време-
 ни, какъ ошдано было шѣло ее искус-
 ному Египтянину для бальзамирова-
 нія, и пошомъ продолжала такъ: „Сей
 челвѣкъ, какъ я послѣ уже увѣдоми-
 лась, учинивъ все прѣугошовленія въ
 присушествіи всѣхъ до того меня окру-
 жающихъ женщинъ, прѣшупилъ въ
 исполненію; но вдругъ осмаовидся
 и былъ въ крайней задумчивости,
 а на вопросъ иперснницы моей ошѣ
 вѣшенивовадъ, во услышаніе всѣхъ
 предстоющихъ, что оный по прево-
 сходному его знанію и ошмѣнному ошѣ
 прочихъ искусству находилъ въ шѣлѣ
 моемъ нѣкошорую живосшь, и крове
 не совсѣмъ охлажденною. Все броси-
 лись къ его ногамъ и съ неизрѣчен-
 нымъ воплемъ и слезами, прослав-
 его употребилъ превосходное его ис-

хуство къ возвращенію моей жизни, объщая ему такое награжденіе, какое онъ самъ по произволенію его избрать можетъ. Египтянинъ опложа бальзамированіе до другаго дня, общалъ по ушу уведомить ихъ рѣшительно, можетъ ли онъ вернуть мнѣ жизнь, или нѣтъ. Во всю текущую тогда ночь не оставляли согрѣвать моего шѣла разными прикладываніями, а въ наступающій день ошмѣнный сей врачъ шоржесшвенно объявилъ, что онъ дѣйствительно увѣренъ сшалъ по разнымъ его примѣчаніямъ въ возвращеніи мнѣ жизни; что дѣйствительно извѣстными ему только одному сосшзвани и учинилъ очевидно. Окружающіежъ меня онъ всѣхъ сіе сохраняли въ шайнѣ; а какъ получила я чувшва, шо и разсудила шайну ихъ ушвердинъ во всей ея силѣ непремѣнно, дабы просшой народъ не могъ вывести изъ очевидносши сей какого нибудь очарованнаго дѣйствія, и не счелъ бы меня какимъ нибудь волшебшвомъ преисполненную. А болѣе причиншвовалъ къ тому ужасъ и онъ изверга Аска-

лона миѣ причиненный. И такѣ учи-
 нивѣ совершенное воздѣяніе лѣкарю и
 приказавѣ запереть и запечатать
 шомѣ покой, въ коемѣ будно бы шѣло
 мое находилось, до прибытія швоего
 предпріяла я жить во дворцѣ сокро-
 венно, что и продолжалось до при-
 шесшвія въ ошечесіво наше сесшры
 швоея Плакешы. Сія Государыня путе-
 шесшвуя по всему свѣпу съ ошмѣннымѣ
 любопытствомѣ и извѣдываніемѣ о
 тебѣ, могла получить совершенное о
 томѣ свидѣніе ошѣ жрецовѣ нашихѣ,
 по найденію тебѣ младенцомѣ на бе-
 регу, а болѣе; по имѣвшемуся тогда
 на тебѣ шланцману, лежащему нынѣ
 на прешолѣ Перуновомѣ. Она проси-
 ла дозволенія видѣть шѣло мое, что
 ошѣ боярѣ и получила; но вмѣсто
 недушевденнаго шѣла пожелала я
 видѣться съ нею сама; а свидѣ-
 шнѣ условилась ѣхать вмѣстѣ, для
 ошѣисканія тебѣ. И такѣ и донинѣ
 въ государствѣ нашемѣ подданные
 ошнющаюся въ шомѣ мѣншіи, что я
 нахожуся мертвою и шѣло мое со-
 храняется въ запечатанномѣ покойѣ; а
 извѣстны только ближнія, окружаю-

ція меня женщины, что я путешествовалъ съ Плакешою, ищущу моего супруга въ его опечесивъ, что благоволеніемъ всещедрыхъ къ намъ боговъ по желанію нашему и исполнилось. „

Первое пошомъ стараніе было ошрышь кости невинно убіеннаго Дашиноя, брата Олапова, которыя положили во гробъ, посшавили въ храмъ Чернобоговомъ и на другой день съ подобающею Княжеской фамиліи церемоніею вынесли изъ города для погребенія и учиненія шризы, что проеходило слѣдующимъ образомъ. При разсвѣшаніи дня ошвъ храма Чернобогова до мѣспз назначеннаго для шризы, усыпали дорогу крупнымъ краснымъ пескомъ и молодыми вѣшвами можжевельн^аго и еловаго дерева, побросавъ мѣсшами на оную благоуханные цвѣшты; капліцы храма и ишуканъ Чернобоговъ занавѣсили чернымъ сукномъ, ушвердивъ по мѣсшамъ бѣлыя перевязи, а съ престола Чернобогова ошвъ подножія его прошянули до дверей храма черноежъ сукно, на которомъ посшавленъ былъ Дашиноевъ гробъ и спомалъ

Част. V.

И

Первосвященникъ. Въ шествѣи на мѣсто погребенія несенъ былъ во первыхъ домашній кумиръ Чернобоговъ двумя жрецами въ черномъ одѣяніи, покрытый чернымъ флеромъ, проплеваннымъ назадъ; лакошъ дваццашъ за нимъ два боярина на черной подушкѣ съ бѣлымъ гасомъ и кисями несли Дшиноевъ шализманъ или доскзнецъ, возложенный на него по рожденіи. Попомъ два воина въ кольчугахъ и шлемахъ вели оседланнаго коня подвчюною съпью, влекущуюся за нимъ лавшъ на пашь; за шѣмъ слѣдовалъ великорослый человекъ облеченный въ желѣзныя лапы; по семъ два боярина въ рашныхъ одеждахъ и на такой же подушкѣ несли спзальную лчугу, другіе два серебряной съ финифтью шлемъ, шрешъи два, мечъ и поясъ осыпанный каменьями, четвршыйе лукъ и стрѣлы; за симъ одинъ путешествовалъ съ копьемъ, а за шѣмъ на подушкѣ двое же несли гривну или цѣнь; имъ послѣдовали дваццашъ чешыре воина, державшіе подв мышцами копья обращенныя оспрѣмъ въ землю; за симъ жрецы пою.

цѣ надгробныя стихи въ черныхъ
 долгихъ одѣянїяхъ, у которыхъ выше
 локтя перевязаны были руки бѣлымъ
 длиннымъ флеромъ; гробу предшество-
 вали два жреца, имѣвшіе въ рукахъ
 великія съ жаромъ урны, изъ коихъ
 благоуханіе во все предѣлы города
 разносимо было колеблющимся возду-
 хомъ ошъ собранія многочисленнаго
 народа. Гробъ везенъ былъ подъ бал-
 дахиномъ десятью лошадьми, покры-
 шыми черными сѣпями; на поверхно-
 сти блестящаго златаго балдахина
 утверженъ былъ большой черный
 парящій орелъ въ шомъ знаменованїи,
 что пища сія храбрыхъ и добродѣ-
 тельныхъ героевъ неуспрашимыя
 души относитъ въ рай. Гробъ по-
 крытъ былъ аксамитнымъ покрыва-
 ломъ, опущеннымъ съ ора до земли,
 на которомъ изображены были Геро-
 ганфами все шѣ побѣды, копорыя
 дшиной одержалъ надъ непрїателями;
 по сторонамъ копората войны несли
 зажженные пламенники; за гробомъ
 елѣдовалъ Первосвященникъ въ бѣ-
 ломъ одѣянїи и въ вѣнцѣ, сдѣланномъ
 изъ вѣшвей кипарисныхъ; за нимъ

Олибъ , Алимъ и Кидалъ , а потомъ бояре два два и множество народа.

Въ полѣ вокругъ ископанной могилы , въ дальнемъ однакожѣ оуб оныя распоянѣи поспавлены были шолы , покрышые бѣлыми сподѣшниками , увѣшенныи изъ цвѣшовъ навѣсками и обремененныи различною пищею , подлѣ кошорыхъ въ разныхъ мѣсахъ сподали огромныи сосуды , исполненныи пива и меду , а за ними по всей окружности насыпанъ былъ великой бугоръ , или валъ рыхлыи земли.

Передъ могилою угошованъ былъ жершвенникъ , по принесеннѣи къ кошорому и по закланнѣи пшши великорослыхъ и шучныхъ воловъ , внутренность ихъ возложили на жершвенникъ и сожгли , а мясо употреблено было за сподалии въ пищу ; потомъ опушили въ землю шѣло , и какѣ шолько Первосвященникъ съ серебрянаго блюда бросилъ въ могилу при горспи земли шо меньше нежели въ десятии минушѣ узрѣли надъ могилою бугоръ или кургаиъ огромныи величины , на

подобіе высокой горы, ибо все вышедшее изъ города вочисливо и весь народъ послали землю шлемати и шапками, и во мгновение ока очистили землю нѣходящуюся за пригошопленными сходами; а учинивъ сію громаду всё вдругъ бугру поклонились и обратилися къ сходамъ; и какъ скоро Государь сѣлъ за оныя, то по данному знаку всё помѣстившись, и насыщаясь всякой по мѣрѣ и желанію, въ вечеру уже всё возвратишился въ городъ.

По окончаніи таковыхъ необходимости Олаивъ опредѣлилъ быши службу для назначенія въ знакъ изъ благодарности награжденія Кидаль, Герою, предпріявшему шодикѣ подвига ко избавленію общества ихъ отъ неволи и шираниши, и къ возвращенію обладшелою жизни, а подданнымъ покоя. Большая честь изъ собранія извѣстны уже были, въ которомъ числѣ и Алимъ, какова награжденія за шо ожиданіе отъ нихъ Кидаль, шо ешь, увѣчзанія любимаго полученіемъ Пакены въ супру-

жество. Такое награжденіе почиталъ Оланъ Божескимъ провидѣніемъ, и не только что охотно желалъ на то согласиться, но и чаялъ того не смѣлъ, чтобы онъ того, кому жизнь свою обязанъ, могъ присовокупить въ свое родство, и шѣмъ достойно возблагодарить освободителя отечества. Определено было предложить Кидалу о родѣ и избраніи самимъ имъ того, что долженствовало имъ учинить, дабы соразмѣрно было его услугѣ и чувствуемой ими всегдашней къ нему благодарности, которое предложение взялъ на себя Алимъ и въ скоромъ пономѣ времени обрадовалъ Государя, своего отца, что Кидалъ за верхъ счастья и благополучія своего почитаемъ бытъ супругомъ дочери его Плакши, и ежели последуетъ на то соизволеніе Оланово и желаніе Плакшино, то онъ сочтетъ себя выше услугъ его награжденнымъ. Для чего позвана была къ отцу своему Плакша, и на предложеніе отъ него о семъ союзѣ отвѣщивала такъ: Боги и ны рождись мой извѣщень, колкою благодарностию

обязана я сему молодому Герою ; онъ оживошворилъ моего отца , избавилъ подданныхъ отъ ига чуждаго рабства , мнѣ изгнанной изъ отечества и сиротшивовавшей по всему свѣту учинилъ приспанище ; воля на сіе Государя и отца моего послѣдовала , я чувствую къ нему безпредѣльную благодарность , а по тому и любовь : по провидѣнію въ томъ боговъ , воля редишелской и своей благополучной участи , зная его добродѣтельное сердце , покоряюсь безпрекословно . И по сему благополучному съ обѣихъ сторонъ согласію , назначено бысть въ насущную день торжеству обрученія , которое при собраніи всего двора и народа въ Ладномъ (*) храмъ , со всѣми услаждающими взоръ обрядами , ко удовольствію соединенныхъ сердецъ , не токмо обрученыхъ торжественно , но и всего государства благополучно исполнено ,

И 4

(*) **ЛАДА** , Славенская богиня браковъ , любви и веселія . Каждый сочтавшіеся приносили ей жертву , надѣясь получить отъ нее счастье въ супружествѣ .

и назначено отъ сего дня усировать съ омиѣннымъ великолѣнїемъ, издивенїемъ и вкусомъ все принадлежащее къ обрядамъ бракосочетанїя; а доколѣ оныя прѣготовляемы будутъ, покрытый почтенною сѣдиною, знаменитый глубокою старостїю и возвышенный шавишескимъ познанїемъ Кабалеснѣ предложилъ Государю и всему его высокому родству, выслушавъ отъ него все шѣ приключенїя, кошорыя учились отъ начала надеяїя ихъ государства, ошнесшїяся собственно къ его особѣ, къ супругѣ его Тризлѣ, Алимѣ, Плакешѣ, особо его подданнымъ, вообще всему государству и ему, знаменишому въ ошечесшїя ихъ прорицашелю; на что какъ Государь, такъ и другїе согласились: ибо всякому нужно было услышавъ обшопашелно о приключенїяхъ всего государства вообще и часшино о самомъ себѣ, что Кабалеснѣ и началъ такимъ образомъ;

ГЛАВА XV.

ВЕЧЕРЪ 95.

Сказаніе о трехъ злахъ.

Благополучное Хошынское государство первый шагъ къ бывшему паденію своему учинило бракосочетаніемъ Олана и Тризды. Государыня та преисполнена была шрема похочами, то ешь, гордоснїю, гнѣвомъ и зависнїю, а Государь къ ней любовію, кошорая ни мало не дозволяла ему видѣшь ясно присовокущившїяся къ правленію его шри зла, кошорыя въ непродолжительномъ времени учинились причиною паденїа благополучнаго и славнаго государства. Въ самый первый шоржесивный день бракосочетанїа ихъ, къ несчастію вѣрноподданныхъ, открылись ея качества: не удостоила она первѣйшихъ боярѣ и ихъ супругѣ никакимъ благосклоннымъ снисхожденїемъ, дню шому подобающимъ, и на всѣ ихъ ошмѣнныя для шого шоржесива драгоценныя одежды смощрѣла зависными глазами, а опредѣленные къ собственнымъ ея услугамъ жестоко

И 5

были бранены и угрожаемы наказани-
 емъ. Сіе неудовольствію, почувствован-
 ное при Дворѣ, разглашено было по
 всему городу, а въ скоромъ времени
 и по всему государству. По семъ пра-
 вленіе измѣнило свой видъ и древніе
 законы почувствовали ошмѣну. Сле-
 довали грамоты ко униженію власти
 боярской и за великую прослугу, сколь-
 бы впрочемъ ни была она маловажна,
 предписываемо ошмѣніе имѣнія. Преж-
 ніе бояре, окружавшіе Государя и на-
 ходившіеся въ совѣтъ правленія госу-
 дарственнаго, ошмѣнены, и на мѣста
 ихъ произведены другіе, неимѣвшіе
 ни шолікихъ познаній, ни заслугъ
 къ ошечеству, какъ прежніе. Тризна
 въ скоромъ времени получивъ власть
 самодержавія ошъ супруга своего, упо-
 требила се во зло, въ разсужденіи
 имѣній вѣрноподанныхъ; по повѣле-
 нію се издавъ былъ законъ досель
 нигдѣ неслыханный, опредѣляющій
 всякому имѣнію по чинамъ, а у кого
 имѣніе превосходило шаковое уложеніе,
 немедленно ошмѣно было въ казну;
 дѣти лишены были наследства и
 кромѣ содержанія своего, и нио бу-

дучи еще не въ совершенныхъ лѣтахъ, ничего не получали; дочерямъ назначено было самомалѣйшее приданое, и словомъ все благополучіе государственнаго измѣнилось, казна государственная безчисленно умножилась и находясь безъ всякаго обращенія, приключила невозвратный общенщечный убытокъ; по всемъ областямъ открылась бѣдность, и ремесленный не могъ найти себѣ пропитанія, въ государствѣ шакомъ, которое до того изобиловало всякимъ благомъ. Всякъ шакобья грамотны подписываемы были самимъ Олапомъ.

Первосищенныя болре ошважались предсавишь о томъ Государю, за что ошъ супруги его получили гнѣвъ и гоненіе, которое до того просперлось, что многія поколѣнія истреблены были казнію и ссылкой въ вѣчное заключеніе, гдѣ безъ всякаго сожалѣнія уморены голодомъ и другимъ изнуреніемъ. По всемъ областямъ проливалась кровь неповинныхъ вѣроподданныхъ и въ каждомъ городѣ и селеніи во вседневное время тысячи мучимы были на правѣхъ, не ушанивъ

ли кпо своего имѣнія и не учинил-
ся ли шѣмъ пресшупникомъ законовъ,
чию и продолжалось сколько времени,
догодъ шрешъ государства вѣрныхъ
подданныхъ Олановыхъ, невинно по-
спрадавшихъ, пресслалась въ царство
Чернобога.

Около сего времени прибылъ я
изъ Инди въ мое ошечество, продол-
жалъ Кабалиснѣ, и сдѣлавъ чудный
гробъ оиду моему, упражнялся во
извѣсванн шанишвѣ природы, не-
свѣдомыхъ еще никому. И хошя на-
ходился я въ самомъ безмолвнн и ши-
шннѣ, не входя ни въ малѣйшее из-
сѣдованнѣ государственнаго правленнѣ,
по шенннѣ, вошь и несчашнѣ на-
родѣ, а ошѣ того предвидимое паде-
ннѣ сильнаго государства проникли и
въ мѣсто моего уединеннѣ; для чего
шроскранно сдѣлавъ умовеннѣ шѣлу
моему, шроскранно учинивъ поснѣ и
успокоивъ шѣмъ всѣ чувствѣ, ош-
крылъ книгу *предвидѣннѣ*, кошо-
рая хошя въ непроницаемомъ мракѣ,
однѣко ошкрыла великнѣ народнѣ
возмушеннѣ, к зни, гоненнѣ, войну,
паденнѣ государственное и наказаннѣ

владѣнелю и его нененовой супругѣ. Приклонивъ колѣно закрылъ я сію книгу, и открылъ другую называемую *о обращеніе Слѣдъ*, въ такомъ же или большемъ еще мракъ въ крайней ошдлеленности времени увидѣлъ издѣланіе государства. Но какъ обв сіи книги показали мнѣ ошкровеніе во мракъ, шо изв шого по знанію моему могъ я легко заключишь, что во учинившихся въ государствѣ перемѣнахъ дакии учтешвованъ сверхъестественной силѣ, и для шого съ шакимъ же преклоненіемъ колѣна закрывъ сію, открылъ книгу *чрезъестественныхъ приключеній*; она показала мнѣ ошкровенно злѣйшаго духа Граногроба, начальника надъ Домовыми (*), Лѣшными (**),

(*) Д.МОВЫЕ; сіи мечтательные полубоги у древнихъ называлися Іезими, у Славянъ эципт. т.лами мѣспѣ и д мовѣ, а у нынѣшнихъ суетѣрныхъ престоковъ почитаются д машними чертями, на которыхъ ссылаются все недобрые слуги, ежели что въ д мѣ сдѣлается худъ, то сдѣлали домовые к т рыхъ нѣпѣ и не бывало.

(**) ЛѢШІЕ Сіи мнѣшныя пугалища почитались у Славянъ лѣшными богами, кото-

Кикиморами (*), Гусалками (**),

рыхъ чинѣ имѣли у прочихъ язычниковъ Савиры. Обѣ нихъ и понынѣ вѣдаютъ они поселя баянь, что они съ зрѣху до половины шѣла имѣющѣ стани челоуѣчскій, съ козьими на голоуѣ рогами, ушами и бородоу, а отѣ пояса простирается у нихъ козлиныя ноги. Когда они ходятъ между правоу, то умаляются вѣ подбѣ оной; а когда бѣгающѣ по лѣсамъ, тогда срауниваются выеотоу съ оными, и кричатѣ при шѣмъ преунадеко. Ходящихъ по лѣсу людей обходятъ кругомъ, чѣмъ зѣпмѣлая у нихъ памать, принууждающѣ заблуждать до ночи и послѣ уносятъ ихъ вѣ свои жилища.

(*) КИКИМАРА, ночное Славенскѣ божество; качество его во всемъ уи доблялося Морфесу, котораго древнѣе почитали богомъ сонныхъ мечтаній. Славенскѣй же кикимора представлялася наипаче страшнымъ привидѣнїемъ, или пугалищемъ ночнымъ, нынѣ же у престолюдимъ вѣ признавается за женщину, и ежели полюбятѣ вѣ домѣ хозяику, то во время ночи ей помогаетѣ вѣ дѣлѣ, а когда возненавидитѣ, то все вѣ домѣ бьетѣ и ломаетѣ.

(*) РУСАЛКИ, Славенскїя Нимфы. Ихъ почитали богинями водѣ и лѣсовѣ; можетѣ быть находился ихъ не одинѣ родѣ, такъ какъ у Грековъ. Славяне поклонялися имъ и приносили жертвы. Дѣ прост народини и по нынѣ носится обѣ нихъ шкочая баснь, что будто видяющѣ ихъ иногда при берегахъ озеръ и рѣкъ моу.

гики бабами (*), Вѣдѣмами (**), одающими мерпвцами (*,*) и прочими злыми духами, обитающими на поверхности земной, котораго держа-

щихся и чешущихъ зеленые свои волосы, а иныхъ качающихся на деревьяхъ. Какъ видно, то это древнихъ предрасуждений еще зариза.

*) ЯГАЯ БАБА. Сіе страшилище описываетъ суевѣріе сирашною, сухонгавою и огромною бабою, на подобіе основа съ копяными ногами, держащею въ рукѣ желѣзную палицу, которою она дѣйствуетъ, понуждая капиться желѣзную свою машину, то есть спуну, въ коей она развѣзжаетъ. По таковымъ примѣтамъ можно думать, что она у Славянъ имѣла должность Беллоны, или какой ужасной адской богини.

**) ВѢДЬМЫ, такъ называются суевѣоами волшебницы: онѣ имѣли искусство прѣвращать людей въ разныхъ животныхъ, кои назывались оборотнями, пертили людей и прочая. Главная изъ нихъ была въ Киевѣ, почему злѣйшая волшебница всегда называлась Киевскою вѣдьмою.

*) МЕРТВЕЦЫ. Суевѣрцы думали и нынѣ думаютъ, что мертвецы встаютъ изъ могилы и ходятъ, то есть, тѣ, кои были черноокнижники, и не эдали другому книги своей и искусства, то вставая ходятъ и ищутъ такъ за челоуѣка, кому бы эдалъ черн книжне, а между тѣмъ вредятъ людямъ, приводя ихъ въ ужасъ.

ла за правую руку изсохшая и безобразная занисъ, а на другомъ листѣ Радегасша держащаго также за правую руку Генія. И какъ шаковыя ошквененіи довольно вразумили меня о подлежащихъ злыхъ несчастіяхъ государствъ нашего, шо не упуская времени предскалъ я добродѣтельному Олану, и не ошкрывая видѣннаго мною предложилъ ему о спасеніи государствъ описавъ все его изнуреніе; но нашелъ его кромѣ любви и безпредѣльной преданности женѣ своей ничѣмъ другимъ не занимаемъ, даже недумающимъ и о собственномъ своемъ достиженіи. На все шо онъ мнѣ ошвѣнствовалъ корешко, а имянно, чшобъ сіе мое предложеніе учинилъ я супругъ его Триэль, кошорая по чрезвычайномъ трудномъ къ ней доступѣ за шощердіе мое наградила меня презрѣніемъ и поносишелными словами, назвавъ меня шалуномъ, а науку бреднями, прибавивъ къ шому, чшобъ вышлкали меня войъ и учинили подъ смершшою казнію запрещеніи впредъ казашься мнѣ предъ пою.

Возвращаясь въ мое обитаніе преисполненъ будучи сокрушенія о слабости своего Государя и паденіи Государственномъ, увидѣлъ я множество поспѣвающихъ людей, и на вопросъ мой куда, отвѣщивовали мнѣ, развѣ шы онлучался изъ города, что не извѣщенъ о наступающемъ плачевномъ позорищѣ, подобнаго кошорому ни въ какомъ Государствѣ еще не случалось. Дочь посланнаго въ замоченіе боярина Милована, извѣснаго по заслугамъ ошечесиву и по многимъ взысканнымъ имъ и награжденнымъ особамъ, будетъ казнена сего дня на общенародной площади, за то, что онаквала Тризлѣ выйши за шого жениха, котораго она ей назначила, что причшено той дѣвицѣ во оскорбленіе самодержавія, во ослушаніе власни и въ возмущеніе народное.

Такое ошмѣнное варварство побудило меня ишии на ту площадь, гдѣ при плачѣ всего народа прекраснойшой и знашой дѣвицѣ, въ самыхъ ея цвѣтущихъ дняхъ, отрублена была Кашскими руками поносѣйшимъ об-

Част. V.

I

разомъ голова , а стоящій подлѣ сруба ея любовникъ шакогожъ знашнаго поколѣнія прекрашилъ свою жизнь въ пожъ самое время кнжалоу. Спойбъ и плачь народный возвышался до небесъ , но оныя гнѣвное тогда лице свое отвращали и не внимали жалобъ , ошъ сокрушенныхъ и сираждущихъ сердецъ къ нимъ возносимыхъ. Присовокупивъ и я слезы мои къ народнымъ , ибо не было возможности воздержашъ оныя , возвратился въ жилище мое оплакивашъ учасъ несчастнаго опечесшва нашего.

Превращая благополучіе народа нашего въ несчастіе наводеніемъ непріязненной силы , предпріала Тризла превратитъ храмы опечесшвенныхъ богоу въ чужеземныя. Она вознамѣрилась соорудитъ храмы иноспраннымъ божествамъ Гнѣву , Гордосни и Зависни , и посшавитъ имъ кумиры съ должными ихъ означеніями. Чего ради всѣмъ жрецамъ учреждено было зашданіе , и симъ учрежденіемъ , осшавя всѣ прочія гесударспвенныя дѣла , Тризла весьма долгое время

занималась, попущеніемъ ошѣ своего супруга, котораго разумъ. и разсужденія казались ошніиными, ко вреду его подданныхъ и къ наклоненію ладенія государственнаго. Всѣ видѣли и разумѣли, что сіе предпріятіе супруги Княжеской ни съ умомъ ни съ разсужденіемъ человѣческимъ не согласовалось; и возможноли было первое боговъ праошцами почишаемыхъ истребить, а второе порокамъ воздавать честь богопочишанія: но нѣкоторые жадные къ корыслолюбію жрецы, одержимые подобнымъ симъ порокамъ лестию, поддали Тризль описаніе, какимъ подобіемъ соорудились извѣстныя ею кумиры. Первое, кумиръ Гордосни изобразили въ видѣ славнаго юноши, въ богашомъ одѣянн, сшолцаго одною ногою на шарѣ и поднявшаго въ верхъ правую руку, а при ногахъ его ушвердили павлина. Второе, кумиръ Гнѣва представили во образѣ младаго человѣка съ блистающими глазами, съ пожелѣлымъ лицемъ, во одѣянн цвѣша горящему углю подобномъ, держащаго въ одной рукѣ обнаженный мечъ, а въ другой

лицѣ со изображеніемъ на ономъ лвиной головы , при ногахъ же его поставишь льва и шуга. Третье , кумиръ Зависши въ видѣ преслараѣлой женщины , съ вѣющимися около головы змѣями , въ рукахъ держащую сердце , которое она разрываетъ ; а при ногахъ ея ушвердитъ собаку. Но какую жершву и въ какое время приносишь симъ новымъ боже-ствамъ , о томъ мѣня свои обѣща-ли подишь впередъ , каковыя застѣданія происходили непрерывно и весьма продолжительное время.

Во всемъ государствѣ ни о чемъ больше не думано , какъ о возстановленіи новыхъ капищъ , о учрежденіи вновь обрядовъ приношенія жершвы , о назначеніи различныхъ праздниковъ , о истребленіи знатныхъ бояръ и богатыхъ гражданъ ; подлая душа упражнялася въ доносахъ , а добродѣ-тельные страдали , лишеніемъ чести , имѣнія и жизни ; государство клонилось къ паденію , Тризла злодѣйство-вовала ; а ослѣпленный любовью Го-сударь находясь во внутреннихъ по-

коякъ своего дѣорца , подобей. не-
вольнику , ни о чемъ не мыслилъ ,
улаждаясь плодомъ своея любви, шо
сншь , рожденіемъ Алина, а потомъ
Плакшы. Подданные Олановы лишив-
шись всей надежды къ благополучію
и опчаявшись во всемъ , упражнялись
въ волшебствѣ и гадаціяхъ ; воинство
пошерявъ распоряженіе ослабѣло, и
будучи разбѣяно по всему Государству
безъ начальства, пришло въ совершен-
ную ничтожность, о чемъ свидѣ-
ственные храбрые и бравоносные наро-
ды извѣщены уже были, и начали
мыслишь о пріобрѣшеніи слабаго го-
сударства своему владѣнію.

Въ нѣкоторый день объявили
Государю, что прибыли къ Хошын-
скимъ берегамъ военныя суда, а изъ
нихъ послы ошъ Нахая, Государя ко-
чующаго въ жаркихъ предѣлахъ, съ
предложеніемъ Олану войны или мира.
Приняшіе ихъ, узнашіе причины по-
сылства и учиненіе на то ошѣша,
предано было въ произволеніе нашей
Государыни, по причинѣ той, что
она уже всѣмъ Государствомъ издавна
шполь достохвально управляла. Послы

приняты были съ должными обрядами и передъ пресполомъ, на коемъ сидѣлъ Олаиъ и Тризла въ богатыхъ княжескихъ одеждахъ, въ присушствіи Двора своего Вельможъ, говорили слѣдующую рѣчь:

„Нахай, Обладатель многими царствами, Государь сильный и величественный, Свѣплѣйшему Князю Олану и блисшательной его супругѣ желаетъ здравія, и чрезъ насъ, его Вельможъ, оное сообщая, соизволяеиъ обещати сильное свое покровишельство Хошыню прошеиъ всѣхъ пожелавшихъ поднять оружіе, за что и пребуеиъ справедливой оиъ Олану рошны и дани; и когда немедленное на шо получимъ согласіе, шо имѣемъ вручиши Свѣшлости Вашей оиъ лица могущеспивеннаго Государя нашего достойные его и чесши вашей дары въ прошивномъ же случаѣ, сошволеніе его есиъ обявиеиъ вамъ войну, и что оиъ силою своего оружія, учиниши самое шоже, чего оиъ Свѣшлости Вашей добровольно пребуеиъ, и оиъ сего часа применииъ мысли почишашъ васъ непріятелями. „

Вольность Славеноруссы обыкли почишати выше своей жизни, а шаковое оиѣ пословѣ предложеніе клонилось къ нарушенію оной: шо всѣхъ предшоящихъ сердца воскипѣли воинскою храбросшію, копя впрочемъ признавали они государство свое обезсиленнымъ и изнуреннымъ. Гордая Тризла оиѣ такового дерзкаго предложенія измѣняясь поминушию въ лиць и кипя злобою и ошмщеніемъ, обѣявила чрезъ своего вельможу, что послы въ шребованіи ихъ удовольствованы будишѣ, а завшре, яко неожидаемые госши, угощены будишѣ въ присушешвіи Государя и его супруги, къ чему приглашены были, и оипущены на ихъ суда съ шою же чесшію.

Въ саду дворца Оланова находился обширный прудъ, сдѣланный фигурою раждающей луны, по срединѣ котораго приказано было сдѣлать плавающую огромную и великолѣпную бесѣдку, озлашивъ и обвѣсивъ оную въ приличныхъ мѣсахъ различными благоуханными цвѣтами, въ которой Тризла вознамѣрилась подчивати сво-

ихъ гостей. Поутру на берегъ къ судамъ послано было множесиво коней въ драгоценномъ убранствѣ, на которыхъ послы прибыли ко дворцу, проезжая воинсиво стоявшее по улицамъ въ порядкѣ, съ распушенными знаменами, при звукѣ воинской музыки. Государыня учинивъ имъ привѣщаніе, говорила чрезъ шолмача: Бы почишаеши ошмѣнно Луну, воздвая ей божескую честь, а въ саду нашего дворца сдѣланъ издавна прудъ на подобіе ея фигуры: шо приняше и угощеніе ваше, дабы сдѣланъ вамъ шѣмъ болѣе удовольствія, какъ людемъ иностраннымъ, учредила я сдѣланъ въ увеселишельной на ономъ бесѣдкѣ, куда и прошу за нами слѣдовать.

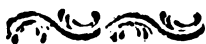
Какъ скор^о прибыли къ берегу обширнаго того пруда, шо великолѣпная бесѣдка, находящаяся по срединѣ онаго, непримѣннымъ образомъ подошла къ берегу. Государь и Государыня въ нее всшупили, за ними Послы, а попомъ и бояре приглашенные въ сему пиршесству. Бесѣдка начала ошплывати на средину пруда,

а на берегахъ онаго загремѣла огромная и согласная музыка, и послышолко ошмѣнною сдѣланною имъ чеснѣю казалися быши довольными. Потомъ сѣли за прѣугошовленные столы. Сшолъ Государевъ сшолъ къ передней сшѣи по среднѣ, боярской начиная ошъ онаго дѣлалъ полукружѣ, а посольской полукрутомъ же сшолъ въ среднѣ онаго; всякія же ѣшвы и пишы привозили съ береговъ на нарочно сдѣланныхъ для шого судахъ разнаго изображенія, украшенныхъ цвѣтами. Пированіе было свѣшное, и какъ послы, шакъ и подданные Олановы услаждались шакowymъ увеселяющимъ взоръ учрежденіемъ. Въ среднѣ обѣда большой боярнѣ взявъ ошличной кубокъ, всшалъ, что и прочіе учинили, и началъ пишы за здравіе Оланъ и Тризлы. При семъ возгремѣла воинская музыка, и сшоящіе по берегамъ увесельнаго пруда шѣдохранишели Олановы кричали ура. По окончаніи сего шощъ же боярнѣ надлежъ кубокъ и всшавъ со своего мѣсна, сказалъ за здравіе Пахая, Государа пожедав-

шаго быть въ дружелюбіи съ пре-
 свѣплѣйшимъ нашимъ Государемъ
 Оланомъ. Какъ шолько онъ сіе выго-
 ворилъ, то во мгновеніе ока сшолъ
 посольской, ихъ скамьи и они сами
 погружены были въ бездну водную,
 и въ шожь мгновеніе расшворившееся
 подъ ними мѣсно закрылъ другой полъ
 выдвинувшій искусною рукою. Всѣ
 бесѣдующіе ужаснулись и пришли въ
 смяшеніе, самъ Оланъ ссдрогнулся,
 ибо онъ нимало о шомъ извѣщенъ
 не былъ; а удовольвшаяся шѣмъ
 Тризда сказала: понесите угрозы ваши
 во владѣніе Царя морскаго (*) и пред-
 шествуя безразсудному обладашело
 вашему, скажите праошцамъ вашимъ,
 чшобы ожидали они въ скоромъ вре-
 мени и его шудаже, ежели дерзнешъ
 онъ учинишь нападеніе на Хошынъ:
 водою прибывъ въ водъ и погрязнешъ,
 шяжешю свинцоваго вещесшва, шакъ
 какъ сшолъ и скамьи посольскія
 посшавленныя на свинцовой плшшъ
 по учрежденію онъ Тризлы.

(*) ЦАРЬ МОРСКОЙ. Симъ именемъ назы-
 вался у Славянъ богъ обладатель водъ,
 которой у Римлянъ именовался Нептуномъ.

Тѣмъ сѣ пированіе и кончилось, ибо началось морское сраженіе между судами Олановыми и прибывшими съ посольствомъ. Камни изъ пращей летали съ обѣихъ сторонъ шучами, для того, что бѣдшіе рода человеческого, но есть порохъ, тогда еще извѣстнѣе не было а соприкосновеніе было непреодолимое, хотя воины на посолскихъ судахъ были къ тому и неприготовлены. Многіе изъ судовъ взрпы были въ пазнѣ, а прочіе ошдалившись въ море, повесали извѣстіе Нахаю о угощеніи его посольства и о безразсудномъ нарушеніи правъ народныхъ гордою Тризасю, что и благомыслящіе Хошынскіе вельмежи не одобряли, а знавъ совершенно слабѣвшее свое опечесиво, поспрагдливости ждали и шребасія ожно ошъ огорченнаго симъ и развращеннаго варвара Нахая; что послѣ дѣйствительнаго и сбылося весьма въ скоромъ времени. Но принесеніе того вонзсва и дикое онаго разпръженіе увидимъ мы въ слѣдующей шешей части.

ГЛАВА XVI.

ВЕЧЕРЬ 96.

Продолженіе сказки о рожденіи тафляной мушки.

Началь за здрав'е, а свель за упокой. Сей пословицы всѣ сочинители и расказники повѣстей должны держаться, шакъ какъ муха меду, или какъ судно кормила; ибо безъ онаго пошеравъ намѣренный пушь зайдешь оно въ пучину, пошонешъ и пропадешь: подобно сочинителю, или расказникъ не согласясь съ началомъ, повредивъ средину, испортивъ конецъ повѣствованія и сочинивъ безъ намѣренія грамаду, ни шо ни сло называемую. И шакъ слѣдуя здравому разуму, прежде всупленія въ Цехово похождение должны мы рѣшиться съ шупорогомъ оленемъ и сбыть его съ рукъ, какъ ненадобную сеобу, по пословицѣ: *цѣвнко лѣтве ма шуритъ, а дуракъ на фукалъ*.

Объ жашель всякаго рода монеты, а предпочинително прочимъ золошой,

по пришедшии его къ Первосвященнику, по употребленіи прозбы и по сдѣланнымъ ему многимъ вопросамъ сочтенъ былъ безумнымъ и посредникомъ гражданскаго управленія заключенъ въ домъ сумашедшихъ обывателей, гдѣ сидя всякой въ особомъ отдѣленіи свободенъ распространять мысленную свою систему до невозможности. Здѣсь безразсудный Олень окончалъ ненужные обществу дни своей жизни, и переселился изъ свѣтской шюрьмы въ подземельную адскую бездну; понеже въ спрасни надъ сердцемъ человѣческимъ дѣйствуютъ безпредѣльно, а спрасни скуности и самое оно превосходитъ.

Такимъ образомъ супруга оленева получила все его имѣніе въ безпрепятственное свое владѣніе, потерявъ токмо Неоха, пылкую и разумную шварь, ибо онъ занялся уже важнѣйшею должностію; по слухъ носился, что сія благосклонная Берфа удостоила шююжъ добрейностію псадскаго Евдона, кудряваго молодца, перваго изъ своихъ сидѣльцовъ; а оное и по тому скоро примѣнно сдѣлалось,

что новомодный шпаль Евдоиъ, не въздивъ прежде и въ линейкѣ, началъ развѣзжати въ карешъ, купивъ пару дорогихъ пѣтихъ лошадей; а шаковыхъ шершей кони были тогда въ модѣ и и покупали ихъ неизрѣчно высокими цѣнами шъ люди, которые къ имѣнію своему сожалѣнія не оказывали, принявъ оное онъ рачительности родишельской.

На всей поверхности земной около того времени, не учинилось никакой значной перемены, кошеруюбъ доснойно внесши было можно въ счисленіе гражданское: шо ученые того времени города Винсны въ хронологическія ихъ книги внесли сіе доснопамятство. Онъ изобрѣшенія шафшиной мушки числился нынѣ первый годъ. Какимъ же образомъ онкрытс одной послѣдовало, извольте слушати, я васъ увѣдомлю.

Неохъ благодѣшелемъ его дланомъ представленъ былъ хранителю государственныя печати, барину придворъ знашному и имѣющему крѣпкія подпоры осшоянцію своему сошнорны знашныхъ родшвенниковъ

его. Былъ онъ человекъ еще молодой, немѣвшій супруги, для чего и имѣлъ весьма частые секретныя переговоры съ дочерью одного вельможи, съ дѣвицею прекрасною, а больше разумною. А какъ извѣстно, что въ такіе секретныя переносы, избираются люди съ ошмѣннымъ проворствомъ и способностію: но Неохъ избилуа шѣми ошмѣнносшями, назначенъ былъ правителемъ кабинета его превосходительсшва домовыхъ секретныхъ дѣлъ, кошорья онъ къ ошмѣнной похвалѣ своей и къ удовольсшвію секретсшвующихъ особъ, ошправлялъ съ ошмѣннымъ раченіемъ и искусствомъ, но только не долговременно, ибо все на семъ свѣтѣ скорошечно и подвержено перемѣнѣ. Въ нѣкошорый день сей знашній господинъ сказалъ Неоху: ну, мой другъ, господинъ Неохъ, хоня съ сожалѣніемъ, однако принужденъ я съ тобою разсшаться. Вчера съ при дворѣ видѣлся со мною верховный начальникъ, и сказалъ мнѣ, что шы опредѣленъ къ нему Секретаремъ, для чего и должно тебѣ сего дня къ нему явншся; желаю тебѣ благополу-

чя, шы человекъ съ диспозициами, а сія новая швоя должность самый ближайшій шагъ къ счастью; старайся шолько узнать склонности швого начальника, шо и ошпанешься въ несомнѣнной надеждѣ бышь при дворѣ знатнымъ человекомъ. Могу бы я соснавши швое счастье, но верховный начальникъ имѣеиъ къ шому больше случая и способовъ, а приномъ онъ человекъ и добродѣтельный.

Возблагодаривъ благодѣтеля моего за милосливое обо миѣ попеченіе, явился я къ верховному начальнику, гдѣ приняиъ былъ со всевозможною благосклонностию, и вступилъ въ новоназначенную миѣ должность. Я имѣаъ счастье понравиться первому боярину, и наконецъ ешоль былъ благополученъ, что учиниаъ извѣстнымъ и самому Государю; находясь при всегдашнихъ докладахъ съ верховнымъ начальникомъ.

Получивъ такимъ образомъ званіе и должность не послѣднего при дворѣ и къ городѣ человека, былъ я собою чувствительнѣе доволенъ, и вознамѣрился ко увеличанію удовольствия моего

приложитъ крайнее стараніе ко ошб-
вкннѣю въ городъ Владимиры, скры-
вавшейся ошб мени до сего времени,
и я думалъ, что получивъ имя надсѣ-
наго гражданина, шѣмъ болѣе буду
ей прѣшнѣ; но въ шомъ я, какъ че-
ловѣкъ молодой и мало еще въ свѣшѣ
искусившійся, крайне обманулся, по-
ложась на чшенныя мною Овнѣтены
превращенія, гдѣ любовь и вѣрносшь
великими похвалами превозносимы.

Въ нѣкоторой день обьявлено
было въ городъ, что будешъ шорже-
сшвенное бракосочешаніе человека
знапнаго, но со шпороны имѣнїа не
шакъ зѣвнднаго, съ дѣвицею прѣзжею
въ другаго города ошмѣнно богашою.
Ся молва пуце Кушндошовой ширѣлы
пронзїла мое сердце, и я началъ,
какъ будто досповѣрно извѣсшясь,
прилѣжно грушннѣ, и прежде времени
еще поспѣшилъ къ Ладину храму, гдѣ
досповѣрно о судьбѣ моей и извѣсшл-
ся; увидѣвъ Владимиру, предсшавшую
жершвеннику съ человѣкомъ моло-
дымъ и сшашншмъ, окаменѣлъ я
сшоя на мѣсшѣ; а дабы сокрышѣ

Част. V.

К

огорченіе сердца и шревогу ума моего, вышелъ я изъ храма и поспѣшилъ домой, гдѣ предавшись глубокому оипчаянїю и сокрушенїю легъ въ постелю, и объявилъ себя нездоровымъ, дабы не позвали меня къ верховному начальнику, и препроводилъ всю ночь въ шоскѣ и безъ сна.

По минованїи сихъ первыхъ движенїй сердца моего принялся я за философію, и перебравъ всѣхъ систематисіповъ попалъ на мнѣніе одного, кошорое мнѣ въ семъ случаѣ показалося лучшимъ и надежнѣйшимъ. Онъ говоришъ все къ лучшему, и такъ осмывая мое сокрушенїе началъ я самъ себя смѣяшся, что учившись двѣнадцать лѣтъ не въ послѣднемъ изъ Университетовъ, не выучилъ любовной нумераціи и свѣтскаго изчисленїя. И такъ принялся я за самыя начальныя правила оной, а имянно вообразилъ во первыхъ себя не фамильнаго гражданина, безденежнаго Студента, безвѣмяннаго обывателя: но сія нумерація ясно мнѣ и открыла превосходство кавалера, кошорого

Владимира избрала себѣ супругомъ. Во шпорыхъ предсказавилъ я слабосиъ , что въ нынѣшнемъ вѣкѣ называющъ любовью , шо и увидѣлъ , что Государямъ измѣняли ихъ подданные , къ кошорымъ они чувствовали неограниченныя склонности ; героямъ любовницы , знаннымъ господамъ ихъ супруги , сыновья и дочери презрѣвъ власиъ и волю родителей ихъ посягали , сродники не повинаясь естественному закону всшупали въ супружесшво : шо въ семъ просшпанномъ хаосѣ обширнаго свѣша , какимъ образомъ Сшуденишъ ошважился шакъ помыслить , чшобъ обогащенная свыше мѣрѣ красавица предпочла знаннаго господина не фамильному Сшуденшу , а шого и еще хуже о томъ ему скорбѣшъ ; яшшъ ея слабосиъ неприлична ученому человеку , а особливо молодому и просвѣщенному , кошорый совершенно знаетъ , какъ ему около своей сферы обращаться. И какъ день бракосочетанія Владимиры миновалъ , шакъ и мысль о томъ въ Сшуденишѣ пропала , и сокрушеніе , бывшее въ немъ до сего , по правиламъ шой же нумераціи по-

ставилъ онъ на щетъ новобрачнаго господина въ томъ разсужденіи, что Неохово преимущество и предшесствіе его къ благосклонности Владимириной, взойдушъ когда нибудь супругу ея на памашь.

Время раждаешъ металлы, увеличивашъ камень, воздвигашъ горы и удручашъ лице земли разными накопленіями : шо удивительно ли будешъ, что оно родило другое Неоху счасшіе, превосходнѣе еще прежняго, кошорое и осналося уже при немъ до конца его жизни, а попомъ перешло въ попомственную линію, какъ того времени свидѣшельствовали геральдическія книги; но нынѣ шѣ листы, изъ коихъ родословная фамиліи Неоховой находилась, сгнили опъ небреженія архивъ, во время бывшаго великаго княженія въ Россіи. Для чего многіе чрезъ чуръ честолюбивые дворяне не заслугами ошечесиву, но одною пороодою своею возвышающіеся, родословія своего далѣе временъ Великаго Князя Рурика показашъ не могушъ, хоша и крайнее стараніе и великія капишала

къ тому употребляющѣ; а большею часнѣю выѣзжіе роды въ Россію, утверждая часно многіе изъ нихъ въ прѣшельскихъ собраніяхъ, что родъ ихъ по прямой линіи происходилъ отъ Ромула, основателя древняго Рима, но въ здѣшнихъ де архивахъ все шо ушрачено.

Просители о собственныхъ своихъ дѣлахъ безпресшанно навѣщали Неоха, какъ шакова секретаря, который былъ въ особливой милости у верховнаго начальника, и которые разумѣли больше уловки, шѣ безпресшанно у него находились, оставя хожденіе по приказамъ; ибо онъ и дѣломъ и словомъ сильно помогашъ могъ каждому, кому шолько рассудилъ за благо. Навѣщали его по ушрамъ и послѣ обѣда и самые бояре, однакожъ шѣ шолько, которые черезъ чуръ уже о пользѣ ближняго старались, и къ которымъ всѣ пресшупившіе по должностямъ прибѣжище имѣли. Между прочими человекъ не молодыхъ уже лѣшъ, изрядный чиномъ и сосшоянтіемъ, происшедшій изъ повѣренныхъ,

какъ слышно было, я повѣренные обыкновенно бывающѣ изъ крѣпостныхъ людей, или изъ промощавшихся купцовъ, желая покровительсва Нехова по дѣлу его въ нѣкоторомъ приказѣ, предложилъ ему свои услуги, состоящія въ пущешахъ и условіяхъ, такимъ образомъ: Ежели господинъ Нехоу, по присяжной должности, наблюдаешъ чрезвычайную скромность, безъ которой все сіе дѣло, даже и самое начало его разрушишь можешъ, и общаешъ не спрашивашъ и не вывѣдывашъ о шой особѣ, съ которою онъ дружеское обхожденіе имѣть будешъ, ни о людяхъ, для шого къ нему присылаемыхъ, ниже о мѣсцѣ, въ комъ свиданіи будущъ назначены: шо сей общаешъ доставишь ему благополучіе шакое, какова болѣе господину Нехоу желать уже не надобно. Нехоу съ своей стороны принявъ сіе предложеніе съ должною благодарностью, увѣрилъ чиновнаго господина повѣренно во всемъ ошъ него шребуемомъ; а шонъ общаешъ сообщитъ промощорію въ Канцелярію Лады, и шакое ошвѣщешвіе получено будешъ,

увѣдомишь Неоха, чѣмъ первое засѣданіе особой сей комисіи и кончано.

На другой день Неохъ чрезъ того же комисіонера получилъ словесное сообщеніе, чтобъ по захожденіи солнечномъ бытъ ему въ нѣкоторомъ загородномъ домѣ, ошеспоящемъ ошъ города не болѣе пани вершѣ. Какъ назначено, такъ и сдѣлано, для того, что Неохъ благополучія своего вдаль ошкладывашь не похощѣлъ; и вѣдучи на сіе неизвѣстное свиданіе при звукѣ карешномъ, во уединеніи своего разума, разсуждалъ такъ: Любовь ешь нѣчто пріятное, а волокниство дѣло страшное: сколько знаменитыхъ героевъ, храбрыхъ вишязей, ошлѣпныхъ полководцевъ на шкихъ сраженіяхъ пропало; сколько разумныхъ Министровъ и ошпрыхъ полшниковъ ошъ того на землѣ не спало; сколько молодыхъ и нужныхъ обществу людей преждевременно ошъ сего свѣша похищено; и сія любовь ш спрашшь, такъ, какъ и зависшь, наченшзаяся съ началомъ свѣша, до кончины его существованшь не прешнешъ; слѣдова-

шелоно вѣжнихъ людей похищеніе не-
прешанетъ, а разносѣ въ томъ
только состоятъ будешъ, что въ
однѣмъ вѣкѣ больше или меньше утра-
ты будешъ, нежели въ другой. И
уже ли предписано судьбою славному
вишязю Пеоху въ шеченіи того спо-
лѣніа, умноживъ число любовныхъ
героевъ ославивъ свѣшъ, на манерѣ
выдуманной Овидіемъ въ превраще-
ніахъ его, гдѣ многіе добрые люди за
любовь безвинно пострадали, и пре-
вращаясь въ другіе виды получили,
иной лошадиные ноги, другой змѣи-
ной хвостъ, и въ кошорый оленьи рога,
и въ собаку голову, другой свинсе
рыло и шакъ далѣе. Таковое вѣрное
и безошибочное изчисленіе пугнуло
нашего героя; и хотя подкрѣпленъ
былъ силою и дѣйствіемъ всѣхъ сло-
весныхъ наукъ, однако оробѣлъ крайне
и дѣйствительнѣе предпріалъ об-
рашннй путь, когдабъ не возникла
въ усрашенномъ понятіи его силь-
нѣйшая всѣхъ прочихъ наука, шо
еснъ, прибышка или приращенія имѣ-
ніа и чиновъ. Сія героическая наука,
преисполненная отважности, научашъ

оставя присягу дѣлать въ государс-
шнѣ буншы или возмущенія , въ судѣ
дѣлашь неправду , ушѣсняшь родст-
венника и ближняго , ошѣимашь чу-
жое имѣніе и жизнь , презирашь плачь
и сненаніе бѣдныхъ и ошваживашь
собственно себя къ пошеранію чести
и жизни. Сверхъ же шого по справкѣ
сѣ воображенемъ опіискаль Нсохъ мы-
слени , что сколько ни было въ шо
время Университетовъ , шо ни одного
изъ сныхъ Сшуденна не ошвела Лада
въ царство Чернобогово , а провожалъ
туда безпресшанно Усладъ (*).

Такимъ образомъ наполнившись
ошважношю , прибыль онъ на дворъ
загороднаго дома. На крыльцѣ всшрѣ-
шилъ его шохъ же коммисіонеръ , и
проводилъ въ залу учинилъ предъувѣ-
домленіе , что свиданіе Нсоху назна-
чено сѣ нѣкошорю женщиною, кошорая

К 5

(*) УСЛАДЪ , или Осладъ , божество
Кіевское ; Славяне признавали сего бога
богомъ пер винтсѣ и всякихъ рск шей ;
онъ шже былъ у нихъ , что у Грековъ
Комъ.

находились теперь во внутренних покояхъ, куда и просилъ Неоха, осматываясь самъ въ залъ.

Герой въѣзди пуснулся въ неизвѣстный ему Лавиринѣ (*), призывая въ помощь иностранку Ариадну (**), дабы показала ему нипкой путь въ неизвѣстную дорогу. Проходя множеству освященныхъ комнатъ,

(*) ЛАВИРИНОЪ, зданіе въ Вгиптѣ изъ двѣнадцати залъ расположенныхъ весьма правильно состоящее, которыя взаимно имѣютъ между собою сообщеніе. Тысяча пять сотъ камеръ перемѣшанныхъ площадками стояли около двенадцати залъ, и не оставляли выхода тѣмъ, которые туда доходили; сползкоже строенія находилось подъ землею. Сии подземныя строенія опредѣлены были на погребеніе Царей, и еще чтобъ кормить тамъ свѣтлыхъ крокодиловъ, которыхъ Египтяне почитали за боговъ. Лавиринѣ построенъ былъ на полуденномъ концѣ Меридова озера, близко города Крокодиловъ, которой сепъ тотъ же, что и Арсиной. Въ сепѣ же Лавиринѣ находилось и чудовище, называемое минотавромъ.

(**) АРИАДНА, дочь Миноса Царя Критскаго и Пасифи. Когда Тезей сынъ Егея Царя Афинскаго, привезъ къ отцу съ данью, то онъ влюбился въ Тезея и далъ ему клубокъ нитокъ, чтобъ ковецъ при-

отворилъ онъ двери въ одинъ покоп, въ кошоромъ было шемно, и сколь онъ былъ пространенъ, шо сшольже шонкая свѣча горѣла на свѣнѣ при дверяхъ, онъ кошорыхъ одинъ шолько входъ въ покой освѣщаемъ былъ, да и шо весьма слабымъ свѣшемъ. Какъ шолько онъ отворилъ двери, шо голосъ наинѣжнейшей Сирены (*) прошесть сѣи слова : пожалуйше сюда и зашворише двери.

влязалъ онъ къ дверямъ Лавиринеа и ссю помощю побѣдилъ онъ Миношера и окончилъ кровопролитную дань Миносу. Ариадна оставивъ Критъ ушла съ Теземъ въ Аены, но Бахусъ по оспявленю увзѣ ее въ островъ Даны и тамъ на ней женился ; наконецъ Ариадна вмѣстѣнъ въ созвѣдн.

(*) СИРЕННЫ, дочери рѣки Ахелоя и Музы Калипсны; ихъ было три: Перфеноя, Лектея, Лигея, а нѣкоторые называютъ ихъ иначе, Аглафема, Позноя и Флаксия; имена ихъ значить прнлпность голоса и словъ. Онѣ пѣли шель прелестно, что ѣдущие, или идущие всегда останавливались, и шолкъ услаждались ихъ голосомъ, что забывали ѣсть, и отъ того умирали. До половины были онѣ женщины, а нижня часть имѣли птичьи; а друге думаютъ, что исподня часть были у нихъ рыбы. Онѣ спорили съ Музами о преимуществѣ пѣнн.

Голосъ сей Сирены разслабилъ Неохово сердце и раздробилъ все просвѣщенное понятіе ; зашворивъ двери шелъ ли онъ въ даль по покою или стоялъ не подвиженъ и безсловесенъ подлѣ дверей , истинну сказашъ самъ того не помнишь , а содержишь то въ швердой памяти сочинилъ сихъ сказокъ ; онъ увѣрленъ , что онважный Сшуденишъ оешолбенѣлъ и стоялъ у дверей какъ вкопанъ. Дѣвица , пригласившая Неоха , о кошорой насъ сочинилъ не умедлишь увѣдомишь , была изъ высокородныхъ , такихъ , кои по воспишатию обыкли думашъ , что въ разсужденіи высокородствихъ , многое имъ позволено , и что правила принужденія себя и благоприсшойности должны ошнесишься въ малочиннымъ шолько ; а цѣломудрїе , какъ низкосмысленное изреченіе , ошсылаеишься ими въ деревенскія хижины . Она находилась въ сей комнитѣ одна и безъ надзирашельницы , шакже безъ всякаго проводника подошла къ Неоху , взяла его за руку , привела къ софѣ и посадивъ его въ креслы сама сѣла на оную .

Прежде всего опомнились робкого героя нашего глаза; онъ увидѣлъ передъ собою особу, которая была въ шемномъ поковъ, а припомъ и подъ чернымъ еще флеромъ, кошорья лица и обинающей во ономъ красоны, ниже расположенія увидѣшь не могъ. При самомъ же слабомъ и ничшожномъ свѣшъ онъ шонктя свѣчки разсмошрѣлъ въ поковъ великолѣпное украшеніе и кровать, изгошовленную и украшенную руками самихъ Грацій (*). Сіе осмошрѣлъ онъ однимъ мгновеніемъ шолько, а мгновеніе ока не долго продолжается, слѣдсипвенно, дабы оказашъ свою усшивосшь за благосклонное и снисходисельное онъ шаккой особы приняшіе, прицался онъ за учшивыя слова; а какъ сердце его

(*) ГРАЦІИ, дочери Юпитера и Венеры и обыкн венныя ея подруги, также подруги Богини увѣрснтя; онъ Богини благодарнтя и благодарности, и для сего дражайшаго преимуществва въ Лейнахъ и во всей Грцці построены были имъ жертвенники. Ихъ было три: Евросина, Талія и Агла; первая имѣетъ признакомъ розу, другія миртовой пучекъ, а третья меташельную жостъ.

поражено уже было пріяипностію голоса, по всѣмъ иѣжисши, какихъ шолью ошѣмъ молодого и разумнаго человека ожидать было можно, при семъ случаѣ съ успѣхомъ оказаны были, чѣмъ плѣнившаяся имѣ красавица казалась бышь довольною; чему служилъ яснымъ доказательствомъ дозволеніе, данное ошѣмъ нее Неоху цѣловашь прелестныя ея руки.

Впрочемъ о дальнѣйшихъ между ими произшедшихъ въ сіе время достовернѣе свидѣтельствъ могущѣ старшая Хиосова дочь, по ешѣ, ночь и темный покой; а мы удовольимся, не любознѣсивуя вдаль, осмѣмся при томъ шолько извѣсти, что разсѣпался они на разсѣшѣ, назначивъ въ будущую ночь шакоежѣ свидѣніе, что и продолжилось между ими навсегда безѣ всякой ошѣмѣны и пренѣшѣвѣя. Да еще прѣбудемъ при томъ желаніи, чшобѣ всякой красноличной и разумной Сшуденшѣ нѣслажда подобною сею учѣшнію; ибо лучше оставя Услада жершвовашь разумно и осшорожно Ладѣ, кошораз

нерѣдко составляешъ счастье молодыхъ ученыхъ; а Усладѣ никогда, повергая приномѣ ихъ въ презрѣніе и въ вѣчную бѣдность.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЬ 97.

Окончаніе сказки о рожденіи шафтяной мушки.

Судьба и случай, по мнѣнію древнихъ, были между собою различны и каждому изъ нихъ приписывалась особая власнь и могущество; нынѣшніе же полученные мудрецы умснвуютъ о томъ совсѣмъ прошивнымъ образомъ: но здѣсь дѣло идетъ не о различіи ихъ, а о томъ, что они совокупяся вмѣстѣ общими силами доставили Неоху счастье, которое какъ впрочемъ ни сколько при дворѣ и въ городѣ, но Неохъ умѣлъ удержатъ его до конца своей жизни, не теряя равновѣсія въ возвышеніи своемъ, и не нища никогда ему не при-

надлежащюго, зная совершенно правду о побочныхъ къ нему не слѣдующихъ.

Съ началъ знакомства его съ неизвѣсною ему особою почувствовалъ онъ во первыхъ, что сномъ подъялобъ мѣ дождя лютуются на него безпрестанно; во вторыхъ награжденіе чинами слѣдовало шакъ скоро, что въ маломъ продолженіи времени достигъ онъ ещенепи ближнего боярина, и сдѣлался въ ошмѣнной милости у Государя. Всѣ безъ удивленія о счастіи и возвышеніи его не могли себѣ представить; но поведеніемъ его и учинивоснью всѣ были довольны и Государю своему ошзывалися всегда о немъ, какъ о самомъ добродѣшельнѣйшемъ человекѣ; сверхъ же сихъ добры въ его качествѣ одаренъ онъ былъ знаніемъ испорѣи своего ошечесства, государешнейной экономіи, полишки, а сверхъ того имѣлъ опмѣнную онъ прочихъ память. Государь за первѣйшее удовольствіе почиалъ имѣть его всегда при себѣ и слушать его разсужденіе о разныхъ вещахъ, учсныхъ ли шо дѣлахъ, или о госу-

дарспивенной экономіи и полиптикъ, въ чемъ справедливоснъ всѣ находящіяся при дворѣ ему ошдѣвали.

Особа неизвѣстная Пеоху, удошонишя его всей своей безі. изі. яшя блатосклонноснй, была дочь Глижняго Бяринна, который шакже не изі. знаншой породы получилъ недавно сіе доешонисшв. Онѣ былѣ сложенія забонлиного и неусыпно помогалѣ всѣмъ шѣмъ, которые учинили пресшупленіе въ своихъ должносшяхъ съ намѣреніями; но онѣ обыкновенно предсшпашельсшвуя о нихъ говоривалѣ, что учинено шо оплошнисшю и недоумѣвіемъ. Домѣ его былѣ приблищнемъ похишисшмъ государсшвенную казну, собравшмъ съ народа неповелѣнное, ушкенишмъ другихъ взашчами и ошншштемъ имѣнія, учинившмъ въ судѣ неправду и прочая, которые раздѣливъ съ нимъ пополамъ нажншное ими шакимъ образомъ имѣніе, надѣялись предсшпашельсшвомъ его избавленія. Всѣ ошбѣрные повѣренные и гравошные Судни и Секрешари по приказному нарѣчію, а по учешому без-

Част. V.

Л

грамотные, помняще только годъ и число указовъ и умвющие подбирать въ мѣсѣ къ мѣсѣ, шакъ какъ каршы, зашмвля шѣмъ испинну разумъ закона, всегдашнее присушество у него имѣли, и всеминутно производили канцелярскіе диспушы, или сказашь краснѣ по вкусу педантовъ, словопренія произносили. И шакъ непрерывное сочиненіе прошеній и избавленіе изказанію подлежащихъ, обогатили домъ его свыше всякой мѣры и удавляли съ первѣйшими канцелярскими.

Дочь свою любилъ онъ сіюль много, что во всю свою жизнь не сказавъ ей никогда прошившаго слова, и чтобы она ни пожелала, все шом исполнялъ безъ отказа, понеже на всякой порокъ бѣ шом ошлагательствъ былъ согласенъ. Увидѣвъ Неоха, почувшвовала она къ нему неизвясенную любовь, не будучи еще прежде сего нѣкъмъ ширасшна. Безпрепятственная любовь часъ ошъ часу возрастала; а желаніе къ шому, ничѣмъ неограниченное, поминутно умножалось. Горячность ошцовская и шпаранель-

ное его сожалѣніе увѣрили ее въ возможности того безъ всякаго сомнѣнія; открыла она своему родителю, а шонъ въ угодность ей и удумавъ возвести Неоха на степенъ знашнаго господина, дабы дочь его не осталась въ поношеніи, что имѣеишь съ нискороднымъ челоукомъ знакомство и дѣло. Знаишь его, капишалъ и старанія въ угодность дочери его учинишь шо были и въ силахъ, что мы изъ возвышенія и обогащенія Неохова уже и видѣли; да и самъ Неох оное понималъ, шолько кшо она шаква, оиъ которыя счастье его произошло, извѣщенъ не былъ, а потому и болѣе, что не извѣщаишь о шомъ дѣлѣ обѣщаніе подъ кляшвою; а посѣщалъ ее въ шомъ же домѣ и всегда въ одинакомъ положеніи, какъ шо и при первомъ свиданіи происходило.

Сидя ивкогда съ Государемъ наединѣ, былъ пораженъ Неохъ вопросомъ оиъ онаго, предложеннымъ ему совсѣмъ нечаянно и нимало къ шому неизтоповленному, слѣдующаго содержания: Я знаю, Неохъ, что ты чужестранецъ,

я бывъ Секретаремъ у верховнаго правителя имѣлъ капишалъ приличный тогдашнему моему сослоянїю; а нынѣ возвысившись чинами, возвысились болѣе богатствомъ; вѣрность и добродѣтель моя мнѣ извѣстны, почему и счишаю я себя удостоеннымъ, что сокровища сіи собраны не отъ моихъ подданныхъ, а прїобрѣтены другимъ образомъ. Я часто размышлялъ о томъ со удивленїемъ, но не могъ до сего времени понять, откуда искаешь сей обильный источникъ, а я еще за вѣрныя услуги свои не награждалъ себя имѣнїемъ, хотя и счишаю себя къ тому обязаннымъ. Полагаясь совершенно на мою ко мнѣ вѣрность и испытанную мною много разъ мою приверженность, смѣю надѣяться что о томъ, какъ другъ мой, отъ тебя уведомленъ буду самою истиною.

Богородица, отвѣщивала
 Неохъ! я далъ клятву шанъ оно
 до конца моей жизни, или доколь
 отъ меня пребываетъ того будешь;
 но предъ державнымъ Государемъ по
 долгу вѣроподданнаго открывъ дол-

женешвую , когда о томъ милоспивый
вопросъ предложить изволилъ. По-
томъ увѣдомилъ его о свиданіяхъ
только обспояшельно ; а о прочемъ и
самъ Неохъ былъ неизвѣспенъ.

Государь выслушавъ его, сдѣлался
весьма любопышснъ ошкрышь сѣю
шайну и споль шншрое произведеніе
молодой особы , какъ онъ по словамъ
Неоховымъ заключаешь могъ , предло-
жилъ Неоху , неугодно ли ему окончатъ
свиданіе къ шѣни и увидѣшь послѣ
свою любовницу ошкровенно. Я бы
желалъ шого нешerpѣливо великій
Государь , ошвѣшсгвовалъ Неохъ , но
не могу въ томъ желаніемъ неизвѣсп-
ной мнѣ особы увѣришь , а другога
способа не нахожу въ моемъ поняшнн.
Не угодно ли будешъ тебѣ , чшобы я во-
шелъ въ сѣ ошкрышнѣ , продолжалъ
Государь ? За особливый знакъ благо-
склонносши , говорилъ Неохъ , принялъ
бы вашъ вѣрношодданный. И такъ
поговоря между собою о томъ , чшо
лица своего красавица не ошкрываешъ ,
и чшо Неохъ нигдѣ ее въ собраннн по
шому и узнашь не можетъ , согласн-

лись такъ: когда Неохъ поѣдеши въ вечеру для свиданія, принялъ бы онъ Государя нѣчто такое, чѣмъ шайна безъ сомнѣнія будешъ ошкрыта.

Въ вечеру прѣехалъ Неохъ къ Государю и получилъ онъ него нѣкошорый соспавъ, называемый нынѣ Адскимъ камнемъ, кошорый тогда не многимъ еще извѣстевъ былъ. Симъ соспавомъ приказалъ Государь коснушься лицу красавицы, онъ кошорато останаешя на немъ вѣрный знакъ къ ошкрышю всей шайны, и когда сіе учинено будешъ, немедленно его увѣдомишь. Неохъ употребилъ къ шому крайнюю ошоруженостъ и нескусиво; онъ положилъ сей знакъ на щекъ красавицы непримѣшнымъ ей образомъ, и о сей одержанной надъ шайншвомъ побѣдѣ увѣдомилъ Государя.

На другой день посланы были нарочные ко вѣмъ знаншымъ госножамъ, съ шакимъ обѣзвасшемъ, что бы благоволили онъ бывъ въ шешъ день ко двору, для нѣкошорато назначеннаго шоржешва, и приказано

ниѣ было записать каждыя имя, которая бышь обѣщаніѣ, или за чѣмъ либо ошзовеица, что было посланными исполнено, и Государю донесено, что все супруги знатныхъ господъ и дочери ихъ дѣвицы по приказанію его бышь обѣщали, кромѣ нѣкоторыхъ преслѣбныхъ, кои за слабосію здоровья своего почесію сею пользоваться не могли.

Лелія, такъ называлась невидимая красавица, вславши по ушрѣ и подошедъ по обыкновенію къ зеркалу, увидѣла на лѣвой щекѣ у себя черное небольшое пятно, которое и думала стереть безъ дальнихъ затрудненій; попросила ушральникъ и намоча оный душистыми водами, начала смывать, и чѣмъ болѣе она терла, тѣмъ пятно снзновилось чернѣе, но безобразіа впрочемъ никакова лицу ея не причинило. Въ собраніи назначенномъ Государемъ бышь ей неосмѣнно надлежало, первое по тому, что она обѣщала по званію, второе находилась она въ шатахъ придворномъ; а шресте, что всего важнѣе, вѣднѣ въ во-

черу со дворя, то и не возможно было склязаться ей нездоровою. Пашю из лицъ весьма было примѣшно, и хощя не вѣдала она Юсудрева въ шомъ измѣренія и произходивъ ея любовника, но въ собраніе шакое показавшись съ нимъ не желала. Чшомъ должно было двалшь въ шкомъ случаѣ огорченной красавицѣ, огорченіе кошорой касалось до красоны ея? Шункшъ выше всякаго понятія, и досада превосходящая крѣпость силъ человѣческихъ. Признатшесь, ученые и высокіе умы, въ недосышкѣ идей вашихъ, чѣмъ бы вы сему горю пособить могли? Истинно ничего не придумали, и осшались бы посрамленными.

Прекрасное лице Лелѣи покрывающа сомнѣніемъ, и ѣжнсе сѣ сложеніе природы опускается во глубокомыслѣ; но разумѣ, изобрѣшашель всѣхъ невозможностей, прерывающъ цепи недомнѣнія, и пылкость онго, сходня женскому полу, предшавляющъ вещь возможную, а шонкое понятіе разумной дѣвицы приводищъ ее въ субшнальность. Лелѣя приказывающъ

подать себѣ черной шафшы и клею; подклеивашь одну, и вырѣзывашь кѣжными руками самамалѣйшій кружечкѣ, приплывашь оный къ лицу своему, смотришя въ зеркало и находишь себя подѣ симѣ малѣйшимъ знакомѣ еще прелеснѣйшею; сердце ея чувшвуешь радость, а умъ удовольствіе.

Торжесшво изобрѣшенія мушки во мгновение ока разнеслось по дворцу государеву: ибо провозвѣстницами сего были свинныя дѣвушки, кошо-быя быспрѣ самой славы впушили оное и ондѣленнымъ прислужницамъ въ высокихъ шеремахъ и на проспанной кухнѣ, въ глубокихъ погребѣхъ, въ долгихъ выходахъ и обширныхъ подвалахъ клюшницамъ и ихъ помощницамъ.

Благосклонная Лелія пожелала сдѣлать выдумки своей соучастницами и инокшорыхъ изъ своихъ приятельницъ; а ошроша женскаго ума въ тонкихъ изобрѣшеніяхъ начершала мушкамъ и различныя уже фигуры, какъ шо: полумѣсяцы, звѣзды, плосныя кружечки и съ разными прорѣза-

ми. Разносщицы еихъ драгоценностей обтѣвляли всѣмъ принимающимъ , что Делія сего часа только получила въ подарокъ оиѣ своей пріятельницы изъ великаго Новграда , и что сія естъ послѣдняя мода въ помѣ городѣ ; а Новгородъ въ шѣ времена въ Россіи починился моднымъ , шакъ какъ нынѣ Парижъ въ Европѣ. Чпожъ касается до моды , шо оная моложе только хлоса , а спарѣе всего на свѣшѣ ; древняя Россія имѣла шакже свои моды , какъ и нынѣшняя по вкусу каждаго времени. Власть моды просиращается на все племя земнородныхъ ; дурачишя въ убранствѣ Американцевъ , дурачишя и Европейцевъ , шолко неравно , а какъ кому изъ нихъ прихоти его и доспашокъ позволяющѣ.

Такимъ образомъ многія знатныя женщины пожаловали ко двору въ новомъ изобрѣшеніи , шо еспѣ въ мушкахъ. Государь вышедъ въ собраніе ихъ , весьма много удивился шаквой необычайности , а болѣе острошѣ разума шой , копорая ушаевая себя шакъ искусно оиѣ прозорливости

людской, могла склонить и прочихъ
 излѣпиль сѣи знаки, доселѣ еще
 из свѣтъ невиданные. Онѣ подошелъ
 къ нимъ со всею благосклонностию,
 приличною великодушному и снисходи-
 телному Государю, хвалилъ сѣю вы-
 думку для того болѣе, что она
 хоша и не увеличивала красоты ихъ,
 но придавала нѣкоторую прѣятность,
 умножала побѣдоносный огонь въ гла-
 захъ и производила такую припя-
 тшелность, что всею мужчиною
 не могъ опески глазъ своихъ ни
 на минушу онѣ обожаемо имъ пред-
 мена. Истинно выдумка достойная
 хвалы, продолжалъ онѣ, приносящая
 благодарность изобрѣтательницѣ оной.
 Сѣ ошметное украшеніе я вамъ позво-
 ляю и апробую съ сердечнымъ жела-
 ніемъ, чтобы она приносила вамъ
 удовольствіе во всегдашнее время;
 но шеперь прошу сдѣлать мнѣ удо-
 вольствіе и оныя снѣтъ, для какой
 же шо причины, сѣдаете вы послѣ
 и меня еъ шомъ извинше. Все согла-
 сались исполнить в лю Государеву
 охотню, чѣму должна была слѣдовать
 и Лелія. Любопытные глаза Государя

и Неожа топчасъ обрѣли то , чего искали , удивляясь тонкой хитроспирити молодой дѣвицы.

Неохъ увидѣвъ ее воспрепещалъ и пришелъ въ замѣшательство. Государь примѣшивъ то , взялъ его за руку и выведши въ другой покой спросилъ , узналъ ли теперь незнаемую шобою ? Узналъ , всемилосивѣйшій государь , ошвѣстивалъ онъ ; но какъ сіе учинено прошивъ воли ея , то боюсь , чшобы мнѣ не бышь во . есь мой вѣкъ несчастнымъ , когда она увѣдомлена будешъ о семъ ошкрытїи. Въ еномъ положись на меня , говорилъ ему Государь , и ободрившись поди опять въ собранїе , а я останусь здѣсь на время. Неохъ вышелъ , а Государь приказалъ позвать къ себѣ ошца Лелїна и говорилъ ему слѣдующее : Я беру участїе въ фамилиі вашей , бывъ всегда къ вамъ благоклоннымъ , и возвышая счастїе дома вашего , вознамѣрился увѣнчать и благополучїе дочери вашей мазначенїемъ ей жениха , заслугами государству довольно извѣстнаго и близкаго къ миѣ по особымъ его дарованїямъ Бол-

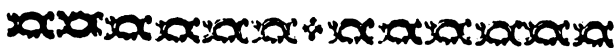
рина Неоха, Старикъ спавши на колѣни, благодарилъ Государя за принятіе участія въ благополучіи его дома, и увѣдомилъ его, что оное зависящій оиѣ соизволенія дочери его, а оиѣ воли его покоренъ сѣ должною благодарностию.

Пошомъ позвана была къ нимъ Лелія и по многимъ оиѣ Государя убѣдительнымъ и ласковымъ предложеніямъ объявила и она, что воля Государевой и произволенію родительскому должна бышь послушна, и пріемлетъ шо сѣ великою благодарностию, починая оиѣннимъ для себя счастьемъ выборъ милосердаго ея Государя.

Такимъ образомъ все исполнилось; Государь вышедъ въ собраніе объявилъ, что день сей назначенъ бытъ обрученіемъ Ближняго его Боярина Неоха сѣ боярскою дочерью Леліею, что сѣ принадлежащими къ тому обрядами тогдажъ и исполнено въ присутствіи всего двора знатныхъ бояръ и прочихъ знаменимыхъ чиновъ, а чрезъ три дни послѣдовало и бра сочешаніе сѣ оиѣннимъ торжествомъ. Ибо

въ государскомъ домѣ не вино курить,
не пива вѣршишь, не меда спановишь,
все гошово и всего изобидьно.

Такимъ образомъ изобрѣпенъ нуж-
ная вещь въ свѣтъ, необходимая для
нѣжнаго пола человѣческаго поколѣнія.

ГЛАВА XVIII.

ВЕЧЕРЬ 98.

Горькая участь.

Кресстьянинъ, пахарь, земледѣлецъ,
всѣ сѣи шри названія по преданію
древнихъ писателей, въ чемъ и новѣй-
шіе согласны, означающіе главнаго оше-
чесиву пишашеля во время мирное, а
въ военное крѣпкаго защитника, и уш-
верждающіе, что государсиво безъ зем-
ледѣльца обойшися, шакъ какъ че-
ловкѣ безъ головы живъ не можетъ:
но ложь ли, правда ли, разсуждашь намъ
о шомъ не досугъ; да сверхъ шого къ
еказкамъ шакія глубокія задачи и не

принадлежишь. Мы скажемъ , что ви-
 нязь повѣсивъ сей крестьянинъ Сысой
 Фофановъ сынъ Дурносоловъ , родился
 въ деревнѣ отдаленной отъ города ,
 воспитанъ хлѣбомъ и водою , бывъ
 повишь прежде пеленами , кошорые
 шонкоснѣю и мягкоснѣю своею не мно-
 го успупали циповкѣ , лежалъ на лок-
 шѣ вмѣсто колыбели въ избѣ , лѣ-
 шомъ жаркой , а зимой дымной , до
 десятилѣтняго возраста своего ходилъ
 босикомъ и безъ кафшана , прешерпѣ-
 валъ ровномѣрно лѣшомъ несносный
 жаръ , а зимою несшерпимую спужу ;
 слѣпни , комары , пчелы и осы вмѣ-
 сто городского жиру во времена жар-
 кя наполняли шѣло его опухолью.
 До двашцати пяти лѣтъ , въ лучшемъ
 уже убранствѣ прошивъ прежняго ,
 шо ешь , въ лапшяхъ и въ сѣромъ
 кафшанѣ вороталъ онъ на поляхъ зе-
 млю глыбами и въ пошѣ лица своего
 уноміреблялъ первобышнююжъ свою
 пищу , шо ешь , хлѣбъ и воду со
 удовольствіемъ. Имѣлъ намѣреніе же-
 нишься , для чего и свѣчался на
 многихъ сосѣдешвенныхъ дѣвкахъ ; но
 ни одной за его не отдавали , по при-

чинѣ той, что былъ онѣ крайне не заводенъ, мало предпрѣмчивъ, а просше сказашъ, просшофиля.

Зависть и ненависть, пѣжѣ самыя и между кресшьянами, какія бывающѣ между гражданами; но какѣ кресшьяне чистосердечнѣе городскихѣ жишелей, шо сѣи пороки скорѣе въ нихѣ примѣшны бывающѣ, нежели въ шенскихѣ полишикахѣ, обитающихѣ при дворѣ и въ городѣ. Такіе сельскіе жишели называющѣся сѣдугами; имѣя жребій прочихѣ кресшьанѣ въ своихѣ рукахѣ, богашѣющѣ на щенѣ ихѣ, давая имѣ въ займы денги, а пошому запрягающѣ ихѣ въ свои работы, шаѣ какѣ воловѣ въ плуги; и идѣ шаковыхѣ два или одинѣ, шо вся деревня сосшавлена изѣ бѣдняковѣ, а онѣ шолько одинѣ между ими богшый: для того, что сѣвѣ, жашва и сѣнокосѣ должниками его убирающѣ прежде, а шѣ всегда сѣвомѣ своимѣ опозданѣ должны. И когда опоздали сѣяшѣ, шо убирать уже будешѣ нечево, а за шѣмѣ и остающѣ въ вѣчномѣ долгу у сѣдуги, кошорый изѣ

того не убытокъ, но приращеніе имѣнствъ, ибо вся деревня къ нему на работу, какъ на бирчину, приходишь.

Сѣи свѣдуги за недоспашкомъ многова по сельскому бышу у Сысой Дурносолова, удумали ондашь его за вошчину въ солданы, привезли въ городъ, гдѣ Сысой въ первый еще разъ увидѣлъ прамыя улицы, регулярное строеніе и полнищичныхъ людей разнаго покроя и разныхъ цвѣтовъ во одѣянїи. Но онъ разсматривалъ ихъ не долго, для того, что въ скоромъ времени представили его къ рекрушескому прѣему. Примѣря сказали, малъ росномъ; а лѣкаръ закричалъ, шонки ноги, и шакъ изъ прѣемной выслали, не выбривъ однако зашылка, для ослабо предувѣдомленія ондашничковъ, кошорые по удобно понимашъ могли: ибо не въ первый уже разъ шакое приключеніе съ нимъ учинилось. По ушпру поранѣе вечерашнато предшазленъ былъ опяшь Сысой Дурносоловъ въ прѣемную комнату; на шема его положено было нѣсколько угомонной монешы; а сколько

Част. V.

М

пмяниа, дословѣрно не знаю ; кѣ объ-
имѣ же ногамѣ привязано было по
ассигнаціи , чѣмѣ Сысой пришель въ
указную мѣру и за одну ночь икры
пошолснѣли ; vybrли лобѣ и Дур-
мосоповѣ признанѣ за исправнаго ре-
крута , и сіе дѣйствіе происходило
въ бывшихъ провинціальныхъ Канц ля-
рїяхѣ. Прїемщикѣ не соглашался при-
нимать при рекрутѣ ничего напурою,
а за ялатѣ и провіантѣ требовалѣ
деньгами ; прошивѣ чего споривѣ бы-
ло не возможно , и такѣ утинснѣ во
всемѣ рашенѣ и дѣло кончано.

Армія наша находилась тогда за
границею , куда Сысой съ прочими
препровожденѣ былѣ мѣрскимѣ подя-
нїемѣ , не получая ни одежды ни про-
віанта отѣ командующаго Офицера ,
котораго они и въ глаза не видали во
всю дорогу , а догналѣ онѣ ихѣ не
доѣзжая до арміи верснѣ со сно , или
еще - того меньше ; изѣ пани сошѣ
человѣкѣ дошло до арміи не съ боль-
шимѣ панидеснѣ , а прочѣ разбѣжа-
лись и померли . Командующій Офи-
церѣ подалѣ раппорнѣ , что за мало-

имѣніемъ команды рекруты въ разные времена бѣжали; его ошдали подѣ судѣ, а рекрутиѣ причислили къ командѣ, лишенныхъ всего имѣ причадежащаго: ибо у командовавшаго ими Офицера при арестованіи его ничего не ошискано, а слухѣ носился, что онѣ припряталѣ все подалѣ, на случай снротой резолюціи въ судѣ.

Сысой обучившись аргикулу, былѣ на ирехѣ присшупахѣ изряднымѣ солдатомѣ, съ похвалою ошѣ командующихѣ; но на послѣднемѣ изѣ шѣхѣ сраженіи пошерялѣ правую руку, такѣ что дѣйснвоватѣ оною ни сколько не могѣ; для чего въ скоромѣ времени получилѣ чнсную ошсшавку, и уволенѣ на прежнее жилище, куда онѣ скоро и ошправился, положи свое движимое имѣніе въ кошомку и повѣся оную за плеча. Думающѣ многие и ушверждающѣ справедливо, что сѣя кошомка въ пупи его не обременила; понеже находилась въ ней рубашка, галсшукѣ и десять копѣекѣ денегѣ мѣдною монешною, изѣ которыхѣ шрашилѣ онѣ на споловые припасы.

Пушешествіе его изъ арміи на мѣсто рожденія не шоль было славно и достопамятно, какъ пушешествіе Бовы Королевича изъ царства Додога Додоновича во владѣніе Кирбиша Верзауловича, родинеля Милотрасы Кирбишовны, или славнаго рыцаря Пешра злыхъ ключей во владѣніе прекрасной Королевы Магилены Неополитанской. слѣдовательно шакова прилѣжнаго описанія и не пребуешъ, а довольно сказашъ и шого, что онъ доснигъ до онаго подаяніемъ доброхошнихъ дашелей.

При разсвѣпаніи зимняго дня, въ день Рождешва Христова во время заупрениаго пѣніа, пришелъ онъ къ своему приходу и на ряду съ прочими вошелъ въ церкву помолчпся, гдѣ уповалъ увидѣшь ошца своего и машъ; но какъ оныхъ не было шогда въ церквѣ, шо на вопросъ его ошвѣспивовали ему родшвенники его, что они въ вечеру обвпхъ ихъ видѣли, а для чего ихъ въ шткой великой праздникѣ ишпъ у зашпрани, шого они не вѣдающъ.

По окончаніи пѣнія, Сысой и многіе изъ его родспивенниковъ пошли въ домъ его оица , и спучавшись подъ окнами и въ вороша , не могли никого вызвать кшо бы имъ ошперъ , пошли къ сшаросшѣ; пригласивъ его и другихъ креспьянѣ попочшениѣ , разломали вороша и вошедъ на дворъ съ зажженною лучиною , увидѣли слѣдующее по порядку. Передъ крыльцомъ висѣлъ баранъ , до половины освѣжеванной , подъ кошораго на перилахъ у спуску крылечнаго лежалъ окровавленный ножъ ; по серединѣ двора висѣлъ въ пешлѣ прицепленной къ перекладу удувленной хозяйнѣ; изба была ошворена , въ кошорой по полу разбросаны были дрова не много обгорѣлые ; по серединѣ полу лежала хозяйка , голова у кошорой прорублена была шолпоромъ , кошорый и лежалъ подъ ее окровавленный ; за занавѣскою въ повѣшенной колыбели лежала зарѣзанная по горлу дѣвочка мѣсяцовъ шрехъ спеленанная , а подъ ее окровавленный ножъ ; въ печи нашли мальчика лѣшъ чепырехъ мершвѣго , у коего волосы на головѣ всѣ сошлѣли и мѣсшами

оцѣ жару испрескалось шѣло; въ переднемъ углу на лавкѣ лежала хорошая одежда хозяинова, а на снодѣ праздничная хозяйкина, принесенныя изъ кляпи, какъ то обыкновенно у кресъянѣ бываетъ.

Разсмотрѣвъ все сіе, отсѣпавной солдатѣ заплакалъ, чему послѣдовали и нѣкоторые изъ его родственницѣ; да инако и бытъ невозможно, увидѣвъ передъ собою отца, мать, брата и сестру вдругѣ мертвыми; всякой сельской жищель придетъ въ сожалѣніе и начнетъ вопѣть по деревенскому обряду и названію. Сшой, произшедшій оцѣ вопѣющихъ въ избѣ немедленно собралъ всю деревню. Сштрые и молодые сожалѣли, а ребята малые ужасались, словомъ всѣ были знышы шаковымъ удивительнымъ приключеніемъ.

Случай не шокмо деревенскимъ, но многимъ и городскимъ жашелямъ непонятный, начали кресъяне и кресъянки шолковать различнымъ образомъ сельскимъ умомъ и деревенскими разсужденіями безъ правилъ, свободными науками установленнымъ: одинъ говорилъ, что сдѣлали то раз-

бойники, но плачья унесши не успѣли; другой основательнѣе разсуждалъ, что разсердился домовой и шакъ поступилъ съ ними, какъ должно непріязненной силѣ и прочая; старухи вѣрили больше послѣднему, шворили молишву и спрашивали у стариковъ, не грѣхъ ли къ убишымъ прикасаться? А поразумитѣ головы призвавъ дячъва и сошскаго, написали рапортъ со всеми найденными общошельщинами и послали въ городъ.

Въ разсужденіи столь великаго праздника, все судьи и секретари изъ города были ошесушешвенны и находилсь по деревнямъ ошолны въ дворахъ; а дневальные показные служилели ошъ принашя шого рапорта ошозвались. Такимъ образомъ чрезъ шесть недѣль приняшъ былъ сей рапортъ въ учрежденномъ на шо судѣ, и дана резолюція шхашъ одному изъ членовъ и ошопрѣшъ на мѣшѣ; но какъ шѣла убишымъ были уже похоронены, шо посланной для ошопру членъ рѣпортовалъ шакимъ образомъ: По ошопру его и по обычаю ошазалось, что крестьяншѣ шлив-

шисъ въ праздникъ пьянъ порубилъ свою семью и самъ упавъ съ крыльца ушибся ; а подавая сей рапортъ примолвилъ : крестыяне де государственные, шо вдалъ слѣдствія быти не можешъ. Почему данною резолюціею и велѣно съ прописаніемъ шого рапорта отпрапоршоваць верхнему присудшвенному мѣсту , а дѣло изъключа изъ реесира перѣшенихъ дѣлъ, числишь рѣшеннымъ къ ошдачь въ Архивъ.

Такимъ манеромъ удивительное сіе въ природѣ приключеніе въ присудшвенномъ мѣстѣ вовсе кончано на общемъ основаніи о дѣлахъ затруднительныхъ , шрѣбующихъ судейскаго ума и проицїїя ; но непросвѣщеніе и недосуги судейскіе безъ изслѣдованія погрѣбають во шмѣ невѣденія и важнѣйшїя сего.

Но когда дошелъ о шомъ слухъ до людей ученыхъ шого времени , шо они уваживъ шакимъ непроницаемымъ случаемъ , рѣшились его изслѣдовать , сколько возможношь имъ дозволишь могоу , и по доволномъ изысканіи гадательво заключили шакъ. Чешырех-

лѣпнѣй младаецѣ находяся въ крѣпкомѣ снѣ и вспроеженѣ будучи соннымѣ привидѣнїемѣ, всшалѣ со своего мѣста, взялъ ножѣ, сѣ кошорымѣ не рѣдко у боловницѣ машерей и ошцѣвѣ ребяша играя ими засыпающѣ, и согласно сѣ соннымѣ привидѣнїемѣ зарѣзалѣ младенца свою сесстру въ колыбели; а опомнившисѣ и узнавѣ, что сдѣлалѣ онѣ худо, спряшаласѣ въ печь. Хозяинѣ и хозяйка проснувшисѣ рани: обыкновеннаго для праздника, чтобы заранѣе убравшисѣ въ домѣ поспѣть имѣ въ церкву, загошвили во первыхѣ праздничное свое плашье, пошомѣ хозяинѣ пошелѣ свѣжеванѣ барана, а хозяйка принялась шопить печь, не осмошрѣвѣ своихѣ дѣшей, по шому что спящѣ они, какѣ она думала и слышала, спокойно; покладѣ дрова зашопила. Несмысленный малчикѣ не смѣлѣ въ печи поворохнушисѣ ошѣ сшраку; но какѣ огонь уже усилился, дрова сухїе обыкновенно вдругѣ занялисѣ и жарѣ несносной до него коснулся, шогла онѣ закричалѣ; хозяйка бросясѣ къ пошелѣ его не увидѣла, шо и уразумѣ-

ла, что онъ въ печи; закричала мужу, а сама начала хватать дрова изъ печи и мешать ихъ по полу; мальчикъ въ то время задохнулся, а крестьянинъ вбѣжалъ въ избу съ обыкновеннымъ и всегдашнимъ своимъ оружіемъ, но есмь шопоромъ, который онъ заготовилъ можешь быть къ разнятю барана. Услыша и увидя, что жена его сожгла въ печи сына, будучи въ шорпливосши и страхъ, а онъ того и въ запальчивосши, ударилъ безразсудно и неосщорожно жену свою въ голову, онъ чего и лишилась она жизни. Крестьянинъ пришедъ въ жалосшь и ошоропѣвъ, не зналъ, что ему дѣлать, видя двухъ мершвыхъ передъ собою; а заглянувъ въ люльку нащелъ и шреньяго. Ошчайнѣ поразило малосмысленнаго челоуѣка, кошо-рое бы, просвѣщеннаго и великодушнаго не меньше поколебало: сверхъ сего обуялъ его страхъ сшуда и совѣсти, а потомъ жестокосшь наказанія за шоликое беззаконіе, кое онъ все неопмѣнно принужденъ былъ ошноситъ къ своей шпоронѣ, лишила его разсудка, и такъ страхъ, жалосшь

и отчалише принудили его удавиться. Такимъ образомъ разсуждали съ сожалѣниемъ ученые того времени люди, кои прее ихъ разсужденіе многими тогда признано за справедливое: ибо инаково рѣшишь удцешедшаго сего въ природѣ приключенія всѣ не доумѣвали. А несчастный воишь похоронивъ всю свою семью и употребивъ ошатики имѣнія на погребеніе ихъ, осмался наследникомъ двора своего родинселя, безъ сноша и хлѣба, кошорыхъ гораздо не вдалкое количество имъ было найдено; а что всего еще болѣе и бѣдному человѣку чувствительнѣе, и безъ прагой руки своей, безъ кошорой онъ не шокмо цѣлаго, но и половины добраго и прилѣжнаго крещьянина соснавить не могъ.

ГЛАВА ХІХ.

ВЕЧЕРЬ 99.

Пряничная монета.

Истинное богатство человеческое есть разумъ и добродѣтель, а истинное убожество лицеіе

сихъ дарованій ; мнимоежъ богатство
 человѣческое великое излишество имѣ-
 нія, а самопроизвольное убожество же-
 ланіе излишества. Сіе излишество,
 подъ общимъ именемъ богатства,
 пріобрѣтается двумя пропивными
 другъ другу дѣйствіями, а именно во
 первыхъ трудолюбіемъ и бережливос-
 тію, а во вторыхъ наглостію и же-
 сшкосердіемъ. И такъ одно изъ нихъ
 есть невинное, а другое порочное.

Богачь ошъ трудолюбія и бере-
 жливости разумѣя по приложеннымъ
 къ шому трудамъ цѣну своего имѣнія,
 имѣющъ вниманіе на недоспапки
 ближняго, не имѣющаго ко обогаще-
 нію себя способовъ и дороги; по воз-
 можности ему вспомошествоуешь, какъ
 искусившійся уже человѣкъ, изснавле-
 ніями къ шому и пріобрѣтенымъ
 своимъ капиталомъ, безъ инпересовъ,
 или за узаконенные проценты, размѣ-
 ряя нужду ближняго своего со своими
 излишествами, и будучи господиномъ
 имѣнія своего не производишь себѣ,
 ни капитала своему поношенія. А
 богачь наглостію и жесшкосердіемъ,

неразумѣвъ цѣны случайно дошедшаго къ нему имѣнія безъ приложенія имѣ прудовъ , а по тому боясь каждагомипушно поперяшь оное и учинившись не господиномъ , но холопомъ своего богашства , неусыпно внимаешь на нужды своего ближняго, но въ прошивномъ намѣреніи первому ; а имянно: чпобъ давъ небольшую въ займы сумму, получишь въ закладъ большое имѣніе и въ случаѣ несправности плательщика овладеешь онымъ подъ видомъ благоприсшойности , хошябы у зайщика и послѣднее случилось ; взявъ указные проценшы, но небѣде, какъ на чепыре мѣсяца , что и соспавишь въ годъ по пшашущаши , кромѣ другихъ интересовъ , ему только извѣстныхъ: на примѣрѣ, данныя деньги въ займъ взяны были у друга за комиссію , за промѣнъ денегъ , за пересрочные дни съ капитала , съ проценшовъ проценшы , и шакъ далѣе ; въ скоромъ же времени взяная въ займъ сумма превзойдетъ цѣну имѣнія , и займобратель поспѣшаетъ писать изъ закладной купчую , боясь , чтобъ не приплашишь еще другимъ имѣні-

емъ, а въ случаѣ недостатка не по-
шерять бы драгоценной вольности
и не бышь помѣщену подъ башнею,
на которой всегда въ двенадцатомъ
часу играешъ полковая музыка.

Сего ради богачъ желаетъ себѣ
сокровищъ всего свѣта, мыслишъ о
золотой вѣнцѣ, данной Енею ошѣ
Сивиллы Куманской, о Филипповомъ
ослѣ навюнченномъ золотомъ, кото-
рые открывали богачамъ самые не-
приснупныя мѣста; об жаешъ Креза
и Мида, по тому чшо уже они мер-
твые; а живыхъ богачей всѣхъ нена-
видишъ, боясь, чшобъ не превзошли
его капиталомъ; честь свою и славу
въ томъ шолько полагаешъ, чшобъ
считали его всѣхъ богачѣе въ городѣ;
мыслишъ и говоришъ всегда объ ин-
тересахъ, не уважая никакой особы;
кажешъ всегда пасмуренъ и заботливъ,
старательенъ вывѣдши и узнаши въ
самую шонносшь о богачѣ приходшемъ
въ несостояніе, печаленъ и прискор-
бенъ, смощя на всѣ предпріяшя къ
поправленію его знакомыхъ, и словомъ
ведешъ жизнь безпокойнѣе самаго бѣд-

ника, не имущаго дневнаго пропитанія.

Такая сирота въ челоѣкѣ пешушаеиъ наконецъ осипшки его совѣси, и хоша по изчисленію его капишала не шокмо оиъ, но и пошомки его до шрешаго колѣна безбѣдно и избыточно жизнь свою провеси мотуиъ, однако ему кажешя все шомало и все недосшашочно. Самъ же лашеиъ, чшобы всѣ думали и сипшали его оишѣинымъ богачомъ, но самъ же и всегда обѣяснатеъ свои недосшашки; шакимъ образомъ привынувъ всѣ шаршкуллярные нишпересы искусно обращатеъ въ свою пользу дробными и фальшивыми правилами, подѣ именемъ умноженія, прѣобрѣшенія и накопленія имѣнія, и угомонивъ вовсе гласъ вопіющеи къ нему совѣси, вознамѣриваешя принадлежашее право казнѣ подѣ покровомъ непроницаемой хипрости обратишь въ пользу своего приращенія и доходъ ей принадлежащій привеси въ собшвенные свои сундуки, гко бы въриѣ всѣхъ комисаръ и истинный сынъ ошече- шива, не спрашашя должнаго за шо

по законѣмъ возмездія. Слѣдовательно въ такихъ дѣлахъ интересъ выше чести почиается, и расширено домашнее усупленіе мѣсто прибытку, а по тому ясно доказательно, что въ порочномъ богачѣ любовь къ ближнему мѣста не имѣетъ.

Вышесказаннаго сложенія былъ яѣкто описанной Маѣоръ Верзилъ Тихіевъ, сынъ Фуфаевъ, служившій въ арміи ровно тридцать лѣтъ и три года, безъ всякаго штрафа, по тому что въ командировкѣ и на преступленияхъ не бывалъ, а онправлялъ всегдашнюю должность комиссара и былъ у роздачи солдатамъ жалованья, провіанша, фуража и аммуниціи. И какъ всегда находился въ нрезвомѣ состояніи и велъ приходъ и расходъ исправно, то прѣхавъ въ свою деревеньку въ описавку, къ двадцати пяти душамъ прикупилъ онъ девятьсотъ пятьдесятъ душъ за сходную цѣну у двадцатилѣтняго двѣ^шнина, которому по смерти ошцовской деревни болѣе не понадобились, хотя оныя находились въ совершенномъ порядкѣ и въ хлѣбородной ошоронѣ,

что мы называемъ низовые мѣста. Суфаяевъ хорошею економіею и добрымъ присмотромъ возвелъ хлѣбопашество въ деревняхъ своихъ до высочайшаго совершенія, и построилъ не большіе винокурные заводы, началъ курить вино и день и ночь безпрестанно.

Извѣстно всѣмъ, что продажа горячаго вина издревле принадлежишь у насъ казѣ, и собираемый отъ него доходъ съ прочими идетъ на содержаніе Арміи. Извѣстно и то, что до благополучныхъ нынѣшнихъ временъ, сколько происходило смертоубивства, раззоренія дворянскихъ домовъ и крестьянъ, сколько находилось во всегдашнее время подъ спражею, и сколько жестоко наказуемо было людей, отъ жадности и грабительства бывшихъ до сего откупщиковъ, которые не имѣвъ прежде ни сколько у себя капитала, сдѣлались нынѣ неизщепными богачами. Нынѣ прозорливостію вышней власти избавлены дома благородныхъ отъ посѣщенія не званыхъ госней, коюшорое подъ видомъ и именемъ выѣмки

Част. V.

Н

въ кладовыя ихъ и въ самые внутреннѣе покои проспиралось безъ всякаго препятствія , гдѣ наняшыя и уноенныя откупщиномъ солдаты не щадили ни пола , ни возраста , а о должномъ почтеніи къ благороднымъ и цомышленія не имѣли.

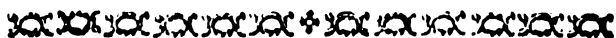
Всѣ добросовѣстные и прямые благородные люди возсылають за поусерднѣйшую благодарность , и содержащъ себя всегда соотвѣтственно учиненной съ ними милости и своему характеру , не пользуясь запрещеннымъ ; но довольствуясь назначеннымъ имъ по власпи и предписанію въ дозволенномъ винокуреніи избыткомъ ; а какъ не всѣ дѣтки одной мапки , то носящіе одно токмо имя благородныхъ , не чувствуя въ сердцахъ своихъ , зараженныхъ всякимъ недозволеннымъ прибыткомъ , не преснають и нынѣ корчемствовать , разными видами и разными манерами ; въ томъ числѣ я отставной Маюръ Фруфаевъ учредилъ у себя за запрещеніемъ явную винную продажу , на такемъ основаніи и подѣ шкимъ покровомъ , что , и до

кончины его искусство то истреблено
 быль не могло, и продолжалось при-
 бышочно къ собственному его удо-
 вольствію. Онъ учредилъ въ сельцѣ
 своемъ лавку для продажи пряниковъ,
 назнача имъ цѣну, какъ по и вездѣ
 водилъ, пряникъ алтынь, пряникъ
 пята копѣекъ, пряникъ семь копѣекъ
 и пряникъ гривна. Его собственные
 крестьяне, окольные и забжгіе прихо-
 дя въ лавку берущъ за деньги пряни-
 ки, кому въ какую цѣну угодно,
 идущъ съ нимъ на поклонъ къ помѣ-
 щику, копорыхъ онъ всѣхъ охотно
 до себя допускалъ. Определенный къ
 тому слуга принимая пряники, дасть
 соразмѣрный сшаканъ вина принесше-
 му оной по приказанію своего госпо-
 дна. Симъ сшаканомъ учинено было
 шакое же учрежденіе какъ и пряникамъ;
 но и фамилія Фуфаева д. і. того
 также распределена была. Въ отсут-
 ствіе самаго хозяина, крестьяне съ
 пряниками, что бывало безпрерывно,
 приходилъ на поклонъ къ его сожи-
 тельницѣ, въ необышность копорыхъ
 къ дворецкому, и шакъ далѣе. Въ пря-
 ничной лѣвкѣ содержали шнуровыя

книги обороту пряникамъ, сколько въ который день продано ихъ, и какихъ соршовъ за деньги, и сколько получено въ лавку обратно; а у почитанія виномъ шактя же, въ конторы вписывали расходъ онаго.

Маюръ Фуфаевъ имѣлъ изъ того сугубые выигрыши: собственныя крестьяне его за то благодарили, окольныя оипмѣнно почитали, а прѣжжѣе и всѣ вообще уваживали его поля; ибо вседневно, а особливо въ праздники въ сельцѣ его безпрерывная бывала ярморка, понеже вино крѣпкое и мѣра не фальшиная, а попому каждодневная продажа вина и выручка денегъ превосходила всегда десянь уздныхъ кабаковъ, находящихся на вѣрѣ, которые должны продать по сложности. Фуфаевъ безпресипанно богатѣлъ; однако какъ слышно опасался иногда должнаго за то по всей строгости законовъ возмездія, которое рано или поздно послѣдовать бы должно было; но онъ предварилъ то своею дочинию и отощедъ онъ сего свѣта не взялъ съ собою изъ накоп-

ленныхъ не позволеннымъ образомъ денегъ, ни одной копѣйки, сожалѣя только, что не накопилъ ихъ больше; и увѣряющъ совершенно, что Фуфаевъ признаваясь предъ всими пріятелями, говорилъ ушвердительно, что онъ не боится похерить благороднаго имени, но ужасается лишиться своего имѣнія, которое, какъ онъ думалъ, во время слѣдствія о запрещительной имъ продажѣ вина крѣпко поразсоришь должно.

ГЛАВА XX.

ВЕЧЕРЬ 100.

Драгоценная щука.

По древнему названію посулъ, по нынѣшнему взяшки, а по иностранному акциденція, когда начало свое воспріяла, въ томъ все ученые между собою несогласны, да и въ гражданской испортен эпоху сію не скоро сыскать возможно; а поному

и не лзя достовѣрно утвердить, какой народъ преимущественно въ шомъ изобрѣшеніи взять долженъ.

Не заимствуя изъ исторіи другихъ Государствъ, удовольмся мы бышіемъ дѣль и случаевъ своего опечесива. Въ древнія времена позволены были у насъ взяпки, что доказывається челобитными, подаванными ошъ шѣхъ людей, которые желали опредѣлишься на городъ Воеводою, въ нихъ писали обыкновенно, надежа Государь оппусти на городъ покормишься. А пошомъ и ошъ дѣль акциденція была дозволена; но какъ Государственныя доходы приведены въ совершенную извѣсность и мѣру, а пошому учинены шшаны и опредѣлено всемъ находящимся у дѣль жалованье, по взяпки, или учивше акциденція, вовсе опмѣнены и шро-го запрещены.

Важная сія перемена учинилась причиною великихъ изобрѣшеній, и забопливые умы къ накопленію имѣнія дробными правилами, не давали себѣ покоя и соснавли изъ себя

цѣлыя Академіи проектовъ, какимъ образомъ подкопашься подъ храмину сооруженную, на твердомъ и глубокомъ каменномъ фундаменшѣ. Многимъ было предпріятіе сіе неудачно, а другіе по основательнѣе ихъ во изобрѣшеніяхъ получили довольные успѣхи. Явно брашъ взяпки не дерзнули, но направили ихъ теченіе пошвеннымъ каналомъ, прикрывъ его шакимъ покрываломъ, что иногда и самыя прозорливые люди увидѣшь и дойши до того никакъ не могутъ. Изчисленіе конхъ хипросшей, ежели оныя описывашь, составишь пяшь часшей пересмѣшника, а намъ не достаетъ здѣсь шолько двашцашей главы; елѣдовашельно описаніе ихъ должнымы оставишь до другога случая, а теперь удоволимся одною шолько изъ нихъ хипросшію; а имянно похождениемъ драгоцѣнной шуки.

Около того времени нѣкто основательный человекъ, съ рашетомъ эконома, приказанъ, прозорливъ, искашенъ и зашпливъ, опсизвншій Надворной Совѣшникъ опредѣленъ былъ

Воеводою въ городѣ, стоящій подлѣ рѣки изъ значныхъ въ Россіи, изъ кошораго обыващели отпраляяи шортовлю къ поршамъ и были нарочито важишочны, не шокмо собспвенно для себя, но могли служишь и начальникамъ, что вновь опредѣленному Воеводѣ не безъизвѣстно было. Онъ прибылъ въ городъ со всею своею фамиліею въ половинѣ дня и помѣстился въ домѣ, нарочно для него заготовленномъ, убраннымъ и всею домашнею ушварью снабденномъ. Магистрантъ изъ просивъ дозволеніе, пришелъ къ нему на поклонъ съ хлѣбомъ и солью. Хлѣбъ лежалъ на серебряномъ блюде, а соль въ золошой солонкѣ. Воевода принявъ хлѣбъ и высыпавъ на оной соль, блюдо и солонку отдавалъ имъ назадъ; купцы не принимая, кланялись и говорили; что хлѣбъ съ посуды не ошлучаешся, и они кланяются всѣмъ Его Высокоблагородію; кошорый принявъ на себя суровый видъ, говорилъ имъ гнѣвно: чтобы они и впредь такъ пошупаншь не ошваживались, и когда до него прѣчлены къ такимъ неблаго-

пристойнымъ поступкамъ , шо во время правленія его должны ошвыкнушь. Купцы какъ громомъ поражены будучи , взявъ блюдо и солонку , яшли въ Магистратшъ , и у подобась черной землѣ , не могли другъ другу и сообщити своего опчаянія , по причинѣ шой , что Воевода уже не по нихъ , кошорый не принимаетъ отъ нихъ шакихъ поклоновъ , а особливо при первомъ случаѣ ; каковое ихъ сердечное предчувствованіе вскорѣ потомъ и сбылось.

На другой день по утру разлилась великая и немѣрная снѣгогоснь по городу. Мыщане , кои были попросиѣе купечесшва , думали , что правительсшво вмѣсто Воеводы впустило къ нимъ въ городъ не ученаго лѣснаго мѣдведя , съ кошорымъ. они сладишь не могушь ; а поразумиѣе обывашели пришли отъ шого въ опчаяніе и не зтали , что начашъ ; собралися въ магистратшъ , сидѣли , повѣся головы , и одинъ другому не говорилъ ни слова. Старикъ лѣшъ семидесяши , подошедъ въ шо время къ

собрацію, говорилъ : не отчаявайтесь друзья , не рѣшайте головъ и не печальше хозяина ; огладишься звѣрокъ , ручиѣ будешь . Я уже доживаю седьмой десятокъ , и Воеводъ здѣсь много видалъ ; шушь есть , можешь бышь , какая нибудь уловка : сыщете кого нибудь изъ его домашнихъ на свою сторону и выспросите , не охошникъ ли его Высокоблагородіе до чего нибудь особо ; шайъ дѣло все и перевернешя на другой манеръ . Совѣшь шариковъ приняшь былъ за благо , и опряженъ въ шу комиссію молодой купецъ , человекъ проворной , говорунъ , шоргующій виноградными напитки : шо съ помощію ихъ и плшидесяши рублей серебряной монеты на другой день ко удовольствию всего города , купечесшва , мѣщансшва , ремѣсленныхъ и прочимъ обывателей , объявлено было ошъ него , что онъ чрезъ камендиера Воеводскаго провѣдалъ , что Его Высокоблагородіе неслыханный охошникъ до щукъ . Безъ всякаго промѣдленія времени найдена была въ городѣ самая большая щука , заплачено за нее безъ ряды и подне-

сена. Воеводѣ, которой съ превеликимъ восшоргомъ приизлѣ ее своими руками, и сказалѣ Магиспрапу: вошѣ подарокѣ, кошорымѣ вы меня крайне одолжили, и я вамѣ чистосердечно долженѣ признапся, что я шакой до нихѣ охотникѣ, что все шо, что вамѣ ни угодно, дѣлашь буду, и вы ошѣ меня ни въ чемѣ ошказу не получите.

Догатка изрядная, опышѣ съ успѣхомѣ, и купцы были весьма обрадованы, что они шакою малосшю могутѣ имѣшь Воеводу всегда на своей шоронѣ. На другой день купецѣ, имѣвшій домашнее дѣло свое въ Канцелярѣи еще нерѣшеннымѣ, вознамѣрился ушпруждать о шомѣ новоопредѣленнаго Воеводу; прозьбы же своей никогда они безѣ приносу не упошребляють; а извѣстенѣ уже будучи, что судья кромѣ шукѣ ничего не принимаетѣ, пошелѣ онѣ на садки и спрашивалѣ ошмѣнной величины шукѣ; ему показана была похожая на вчерашнюю, за какую ошѣ магистрата заплачено было четыре рубли,

но съ него просили уже воесемдесять рублей. Зналъ онъ вѣрно, что нужда зкою перемѣняеиъ; а приномъ можешъ быиъ имѣлъ уже и сѣю догадку, что для Воеводы малоцѣнная штука невкусна; заплашилъ требуемую цѣну, и отнесъ къ градодержашелю, кошорымъ онъ и штука его приняшы были благосклонно и продолжавшееся дѣло общаио было кончишь. На шрешій день Магнестраншъ собравшишь попросишь Воеводу о иъкошоромъ общесшвенномъ дѣлѣ, за шакую же штуку заплашили уже шрисиша рублей. Наконецъ дошло до свѣденія всего города и уѣзда, что штуки, подносишья Воеводѣ не соснавляюишь изъ себя множесшва, но еишь оная одна, кошорая по принесеніи къ нему ошиправляема была обраишо въ садокъ; и продавалась различными цѣнами, пошому что дѣла просишелей имѣли разныя качесшва: на примѣрѣ магнестраншъ прося обѣ общесшвенныхъ дѣлахъ, всякой разъ покупалъ ее по шрисиша рублей, купцы для собсшвенныхъ своихъ дѣлъ, кои по богаше, до сшу, а по недосшашочнѣ по пшщ-

десяти рублей; дворяня также покупали се разными цѣнами для подносу Воеводѣ, смотря по сосѣоянію своего дѣла; а ошкупщикъ или коронный повѣренный того города и уѣзда, когда случалось ему по ошкupu надобность, которая не рѣдко бывала, а особливо для выемокъ корчемнаго вина, генерально плативъ за нее по пяти сомъ рублей, а иногда и болѣе, смотря на надобность собственнаго своего прибышка.

Къ сей отмынной продажѣ опредѣленъ былъ ошъ Воеводы самый исправный приказный служилецъ, знающій совершенную цѣну подаваемыхъ челобитенъ и дѣлъ нерѣшенныхъ, сверхъ того сосѣоянія и капиталы всѣ въ городѣ и въ уѣздѣ живущихъ. Ошъ для каждаго покупателя назначалъ цѣну щукъ и посылалъ записку на садокъ, гдѣ она хранилась, за содержаніе и збереженіе которой платили за каждый мѣсяцъ рыбаку по десяти рублей, и сей рыбакъ былъ вѣрнопосной Воеводской, выписанный для того нарочно изъ другой Губерніи, дабы дѣло содержалъ въ тайнѣ.

Ся тварь орудіемъ взятокъ избрана была, какъ кажется, попому; первое, чшо имѣетъ она осипрые и многочисленныя зубы, въ копорые ежели случишя какой нибудь другой рыбъ, или иному живошному понаспнся, шо уже спасенія живоша и возврапу на сей свѣшъ не ожидай; второе столь прожорлива, чшо въ шрое больше себя живошное свѣдаешъ и опускаешъ цѣлыя пруда другой рыбы, не спуская и своему роду; шрестіе, жизнь продолжаешъ долѣе всѣхъ ей подобныхъ, и миѣ кажется можно бы назначишь ее изображеніемъ ехидной лѣды и не правосудія.

Въ пяшь лѣшъ воеводсцва Надворнаго Совѣшника, по собспвеннымъ его выкладкамъ и досповѣрнымъ приказнаго служишеля запискамъ, щука сія спшла около двашцати тысячъ; но превзошлабъ она и сію цѣну; ежелибъ сему добросовѣшному Воеводѣ не послѣдовала смѣна, по причинѣ, какъ сказывающъ, пришѣшенія не имущихъ, копорымъ за насшощую цѣну щуки оной продавашь не

жопѣли, а прѣбывали всегда назначенную приказнымъ служилемъ; но недоспашки ихъ лишалишой покупки, а ошѣшого сказывающѣ, многие расперяли деревнишки и дворнишки, копорые и причислены къ селамъ, сельцамъ и дворамъ обширнымъ и знаменнымъ.

Распаваясь съ воеводствомъ, угощаль онѣ дворянѣ и знаменитыхъ купцовѣ, гдѣ между прочимъ употреблена была въ пищу и на драгоценная щука, копорой куски доставались каждому, цѣнены были въ шушку, иной въ тысячу, иной болѣе и менѣе, какъ кому совѣснѣ дозволяя; но смѣненный Воевода при семъ случаѣ, такъ какъ и прѣжде, прищутивашѣ умѣя, ошѣтснѣвалѣ каждому безъ застѣнчивости, что онѣ служилѣ за то, чѣмъ шолько могѣ и умѣлѣ; а можешѣ де получише, примолвилѣ онѣ, какова-нибудь военнаго безграмотнаго Воеводу, копорый не смысла силы законовѣ, ни себѣ, ни людямъ добра не сдѣлаешѣ; самѣ будешѣ безъ хлѣба, да и другихъ не накормишѣ; а я

оспавляю многихъ дѣшнихъ обыва-
телей, а особливо приказныхъ слу-
жиселей до послѣдняго, такими, ко-
шорые неусыпнымъ моимъ стараніемъ,
въ производствѣ по большой часни
шрудныхъ и сомнишелныхъ дѣлъ,
довольно руки понзгрѣли и запасли
не шолько себѣ, но и дѣшкамъ че-
мездинку.

КОНЕЦЪ ПЯТОЙ ЧАСТИ.

Chickow. D. M. Hall
Dimitroff

PG 3211

COPY

1729

U. S. R. Co.

